

International

Literary

е ш з и н

ПАВЛО МАСЛАК КРОК. КРУК. КРИК.

Павло
МАСЛАК
КРОК
РУК
РИК

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛГА ФЕДОРОВА

**Павло
МАСЛАК**

К РОК
К РУК
К РИК

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2023**

УДК 930.2(477)+(47)
М-49

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована в 2023 році

Маслак П.

М-49 Крок. Крук. Крик. / П. Маслак — Друкарський двір Олега Федорова, 2023 — 224 с.

ISBN 978-617-8252-34-2

Книга містить вибрані твори — різні за часом написання, за літературними жанрами, навіть за мовою. Втім усі вони об'єднані темою самоусвідомлення героїв, сюрреалістичністю сюжетів, іронічно-експресивним авторським стилем. Більшість творів були опубліковані в міжнародному журналі «Kreschatik», хоча з'являлися вони й на сторінках таких часописів, як «Всесвіт» і «Радуга».

УДК 930.2(477)+(47)

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-34-2

© Маслак П., 2023
© Федоров О.М., видавець, Київ, 2023

**ДИВНІ ОПОВІДКИ
ОПІВНОЧІ**

(2022–2023)

БІЛА КВАСОЛЯ В БІЛОМУ СОУСІ¹

Я навіть не помітив, що день був напрочуд сонячним, а просто мружив очі. Хоча себе я теж не усвідомлював — автоматично, без будь-яких думок, просто йшов повз будинки справа, повз дорогу зліва, а ногами ступав у середину вуличної плитки, аби не на стики. Не пригадаю навіть, що спричинило появу відстороненості, яку я відчував до всього. Нічні атаки дронів, що не давали спокійно спати? Чи відімкнення світла, коли я серед ночі на електроплитці встигав приготувати «сніданок», а як вечоріло — у темряві напружено тримав стелю кімнати своїм поглядом, аби вона встояла під черговими ракетними ударами?..

Ніби замарений Голем, глиняний Колос чи просто загублена на вулиці лялька я стиха рухався серед облудної тиші. З-за повороту вискочив трамвай червоного кольору, як знак небезпеки, перемкнув рейки з таким гучним клацанням, що я рефлексивно втягнув карк у плечі, а очима пробігся пообіч у пошуках будь-якої западини. Та саме поруч зі мною була зупинка цього трамваю; не роздумуючи увійшов, сів і притулився головою до вікна. З одного боку, я навіть не міг пригадати, о котрій годині вийшов із дому та з якою ціллю, а з другого — відслідковував, як ми повернули на Нижній Вал і перетнули Костянтинівську. За Житнім ринком я очікував звичного підйому Глибочицькою, але трамвай поїхав пагорбами вниз, якимось невідомим мені узвозом. Я насторожився, підвів голову й уважно став оглядати довкілля за вікном.

¹ Оповідання циклу — за редакцією Олексія Перепаді.

Навколо вже не було будинків, лише невеличкі дерева в листі, серед ще яскравої, але вже трохи пожухлої травиці. На найближчій зупинці я швидко зійшов.

* * *

— Ну, нарешті! Скільки можна тебе чекати?! — Марічка поводила бровами так рухливо, неначе це крихітна пташечка змахувала чорними крильцями біля її очей.

Я обійняв і поцілував її, радісно вдвляючись у сяючі очі. Трамвай продзенькав та й поїхав собі; проте, як і раніше, внутрішня моя відчуженість дещо лякала. Якби в мене запитали, коли ми з Марічкою познайомилися, чи як довго з нею зустрічаємось, я б не зумів відповісти.

— Ну, ти вже всі свої справи повирішував?

— Та напевно... — і не знаючи, що ще сказати, спитав: — А як ти? Чим займалася?

Марічка охопила мій лікоть своїми загорілими руками, незадоволено мовила:

— О! А ти традиційно — в куртці... Як отой циган, що й улітку кожуха не скине...

Вона повела мене вузькою стежинкою з пагорба в долину. Коли в мої очі плеснула безкінечна блакить моря з білесеньким піском, ніби краєчком глибокої тарілки, я ладен був перетворитися на камінь. Щоб споконвічно споглядати це диво. Одначе Марічка, підстрибуючи, тягла мене вперед (і це було краще, аніж бути каменем!), позирком ловила мій погляд і торохкотіла:

— На пляжі! Купалася! Пірнала! Якась риба мене за ногу вкусила, але легенько... — вона підбрала низ шортів і показала червону пляму на нозі. — А ще Антоніонас на водному скутері мене катав! Ти не ревнуєш?..

Я лише цмокнув ці щасливі очі. Антоніонас був сином Леонідаса й Текли — хазяїв міні-готелю, тож розважати гостей входило до кола його обов'язків.

Понад пляжем яскравів знайомий невеличкий будинок, увесь розмальований трафаретними графіті, наче тут вже колись побував Бенксі.

Марічка потерла мою потилицю рукою, притиснулася міцно:

— Я все ще на дієті, ти ж поїж, що вранці приготував... А я поки перевдягнуся — вечоріє...

Тин був із майже зрілого винограду. Я сів на лавку за великим дерев'яним столом під дерев'яним же наметом, скинув куртку, ухопив декілька ягід із грона позаду себе. Прийшла згадка: дійсно, зранку я відсторонив Теклу від розпеченої печі, радісно повідомивши, що хочу приготувати власну страву. І створив своє диво: тонку білу квасолю в білому ж соусі з пахучими травами, які зумисно взяв із собою сюди. Схоже, я почав потроху опановувати реальність.

* * *

Антоніонас, вже цілком дорослий хлопець, підійшов до мене з оголеним м'язистим торсом — чи то в плавках, чи в шортах, біс його розбере!

— Що попоїсти бажаєте? — він чемно склав губи в байдужу посмішку, ніби той Голем, що якимось примарився мені уві сні.

— Виключно білу квасолю, що спозарання власноруч приготував! Можна трохи розігріти, але не до кипіння — білий соус цього терпіти не може.

Нащадок еллінів кивнув і почимчикував до літньої кухні, де готувались усі страви. Повернувся він із величезним чавунним чаном.

— Щодо білої квасолі не знаю, але ось є залишки чудового рагу з квасолею!

Із зусиллям Геракла він обернув до мене свою металеву посудину. На її дні я розгледів тушковану капусту, кар-

топлю, дещо пересмажену моркву, окремі фігури великої, майже круглої, рудої квасолі. Хотів було поплескати в долоні, та стримався.

— Юначе... Навіть не знаю, з чим це порівняти. От, скажімо, ви підсмажили тонкі скибки сала — до хрусту, але щоб залишились пухкенькими... туди ж розбили яйце, присолили... щойно білок спікся — перевернули яйце, а сковорідку зняли з вогню та ще декілька хвилин потримали під кришкою... це щоб жовток залишився рідким, але був гарячим... Уявили?

Рухи парубійка нібито підтверджували розуміння, тож я продовжив:

— От ви очікуєте саме на цю смакоту, а вам приносять варене круте яйце, шмат сала з холодильника й кажуть: та це те ж саме — яйце й сало, як ви і хотіли!

Антоніонас, схоже, не втямив іронії, оскільки розгублено запитав:

— Так вам що, яечню приготувати?..

Я лише «стрихнінно» всміхнувся:

— Не треба... Мені просто цікаво: хто з'їв мою білу квасолю? Майже детективна історія: з чотирьох кімнат готелю лише три зайняті, одна — мною з Марічкою... Ще в двох — японські туристи: Масао разом із Ніюко та Райден зі своєю Чізу. Ну, і ваша родина... Отже?

Закинувши голову до виноградної стіни, я заплющив очі. Знову повернулося відчуття відстороненості.

Антоніонас потелепав мене по плечу:

— Пане Назарію, так чого ви бажаєте? Можу вас на водному скутері покатаати.

Я почав потроху придрімувати, тож відштовхнув його руку, але він все тряс і тряс мене...

* * *

— Шановний! Вже кінцева, Центральний вокзал! Ви ж кудись їхати збиралися? Дивіться, щоб на потяг не запізнилися!

— Так-так, дякую... — хутко піднявся й вийшов.

Міцно зціпивши пальці рук, я вдячно помахав цим подвійним кулаком водієві трамвая. Дещо розгублено озирався навкруги. Ескалатор у переході зі Старовокзальної не працював, тож я довго підіймався ним, а потім ще довше, як риба в каламутній воді, плив скляним ледве освітленим коридором. Дійсно, вже вечоріло, хоча вокзал і не сявав вогнями, як це бувало колись.

«Невже я примудрився заснути в трамваї?.. Раніше такого ніколи не траплялося... А Марічка має рацію — не так вже зараз і холодно, морозу нема... Це ж треба — у транспорті закуняв... І хто ж з'їв мою квасолю?..» — я ніяк не міг примоститися серед власних думок, що стрибали, ніби маленькі камінці в хвилях прибою.

Додому я поїхав на метро. Щоб раптом знову не заснути (я почав цього побоюватися), вигнав усі мислі геть і зосередив увагу не на собі, а на пасажирах. Публіка була звичайною: хтось відчужено видивлявся в чорній порожнечі вікон виключно йому зрозуміле, а більшість шукала те саме в своїх смартфонах.

...Світла в моєму будинку не було.

— Щойно вимкнули! — доповіла мені консьєржка.

Що ж, це цілком відповідало анонсованому графіку відімкнення. Крім того, я вже давно пристосувався до такого режиму: у термосі завжди гарячий чай, у холодильнику заздалегідь зварені круто яйця, різні консерви в маленьких баночках. Вирішив повечеряти, але не тому, що їсти хотілося, а виключно через розуміння неминучих потреб власного організму. При світлі потужного ліхтарика очистив яйце від шкарлупи, ба навіть не став його розігрівати у ванній кімнаті на завжди гарячій сушці для рушників — тільки час гаяти... Шматочки сала присмачив гірчицею. Запивав усе це чаєм із термоса. Втім їв якимось машинально, буцімто уві сні. Все обмірковував сьогоднішню пригоду.

Коли ж я спромігся заснути? Адже я чітко відслідковував увесь рух трамвая... Схоже, що за Житнім ринком, коли на Глибочицьку ми так і не виїхали...

Зненацька мене озорила дещо чудернацька ідея. А якщо я заснув там неспроста — а, так би мовити, «просторово» потрапив у сон? Чому ні? Припустімо, саме там, у тій місцині, знаходиться «територія мого сновиддя», і коли я перетинаю певну межу, то автоматично потрапляю в сон... Ця теорія здалася мені вельми привабливою. Завтра треба буде спробувати поїхати тим самим трамвайним маршрутом і подивитися, що станеться. Якщо я знову «в'їду» в своє сновидіння, то вже там і продовжу цей експеримент: вивчу тамтешню територію з її межами.

Вже в ліжку, засинаючи, я вирішив нічого не розповідати про це Марічці, а просто сказати, що хочу дослідити навколишню місцевість.

Довго спати не довелося: о другій ночі я підскочив від повітряної тривоги, потім знову — вже о п'ятій ранку... Тому пролежав, аж поки сонце не почало гратися з довгими стрічками скочу, що навхрест були приклеєні до віконного скла.

...Вже пізнім ранком я все ж вирішив не їхати трамваем, а піти пішки. По-перше, йти було недовго від мого дому, а по-друге, я гарантовано не заснув би «випадково», як ото сидячи і погойдуючись у такт колесам. За Житнім ринком подвоїв увагу й пильно стежив за трамвайною колією, поруц з якою рухався. І вийшов до учорашньої зупинки...

* * *

Швидко спустився з пагорба до готелю. На подвір'ї нікого не було — усі мабуть біля моря. У своїй кімнаті я вдягнув плавки і побіг на пляж. Однак він теж був порожнім, навіть Антоніонас кудись подівся, хоча зазвичай він волів

більше часу проводити тут, аніж допомагати батькам. Лише на рівнісінькій поверхні моря підіймались і знову занурювались у воду загорілі руки Марічки та її світла голівка. Швидким кролем вона пливла до берега й певно нічого не помічала навкруги.

Я поплив їй назустріч, але повільно — тихим брасом. Коли Марічка вже зовсім наблизилася до мене, беззвучно пірнув та ухопив її за ногу. Вона перелякано верескнула, я ж, виринувши збоку, прокричав:

— Зараз страшна риба тебе покусає!.. — і рвучко поплив до берега, хоча й знав, що вона плаває значно краще за мене, тож неодмінно дожене: розправа буде швидкою та неминучою.

— Який же ти дурень! От стовбур-бовдур!..

Вкрай рідко вона нагороджувала мене цим прізвиськом, а мало воно свою історію. Якось із друзями ми грали у «лід». Це коли всі ставали колом і починали стрибати та метушитися, поки ведучий не вигукував: «Лід!» Тоді всі мали завмерти, а ведучий характеризував ці застигли фігури, доки хтось не вибухав реготом — «танув», тобто програвав. Сталося так, що в момент «льоду» я підстрибнув із задержтою головою та руками по швах — так і заляк. Марічка, яка тоді була ведучою, подивившись на мою постать, означила: «Стовбур-бовдур...» Після цих її слів «розтанули» усі гравці...

Наразі вона декілька разів мене притопила, а заспокоїлася лише коли ми вибігли на берег і впали на тепле покривало, розігріте піском та сонцем. Марічка гладила мою долоню:

— А я зранку тебе будити не стала, ти погано сьогодні спав — двічі серед ночі вскакував, розмахував руками...

— Та мабуть щось наснилося... — Я поспішно змінив тему: — Куди це всі поділися? Навіть Антоніонаса не видно...

Марічка неквапливо розповіла, що Леонідас із сином десь рибалять, а наші сусіди-японці сьогодні вже відїжджають, тож зранку подалися до селища по якісь сувеніри. А перед тим Масао мене розшукував, хотів щось повідомити, мабуть ще знайде пізніше — про це вона говорила з таким виглядом, ніби знала набагато більше, але притаювала. Потім несподівано запитала:

— Ти що, відмовився від свого дослідження?..

— Тобто?

Я навіть підвівся й сів. Марічка теж піднялася:

— Учора ти ж казав, що вранці хочеш обстежити місцевість, — вона уважно й серйозно дивилася мені в очі, — по-вирішувати якісь свої «внутрішні справи».

Відчуття сторонності до всього знову почало накочуватися на мене. Відвів очі — не знав, що й сказати.

— Та ні... Просто прогулятися хотів... Ми ж навіть у селище ані разу не ходили!

Скоса я бачив, що Марічка не зводить із мене пильного погляду.

— Навіть дивно — я теж хотіла «дослідити місцевість», але той пружок берега, — вона вказала на протилежний від далекого «селищного» пляжу бік. — Тож давай до сніданку й проведемо свої досліді...

Сумно посміхнулася.

— Гаразд! — я швидко погодився, аби раптом не передумати. — А потім за сніданком кожен розкаже, що там надивав!

Марічка лише легенько похитувала головою. Я не знав, до чого може призвести цей мій експеримент, куди я вийду та чи зможу згодом взагалі повернутися сюди... Тому скоромовкою додав:

— Якщо зайду далеко, то назад повернусь трамваєм... Так що в будь-якому разі ти мене дочекайся!

Ми обійнялися, так і не підводячи очей, а відтак розійшлися в різні сторони.

Я почув у коридорі грюкання дверима, голоси та шурхотіння валіз. Схоже, наші японські сусіди не лише повернулись із селища, а вже встигли зібрати свої речі для від'їзду. Тож я похапцем вдягнувся, за звичкою навіть куртку натягнув, і вийшов у двір попрощатися.

Дійсно, їхня невеличка компанія стояла з валізами. Масао — доброзичливий чолов'яга з кругленьким, як повний Місяць, обличчям — про щось розмовляв із Теклою. Зведені разом долоні він свічечкою тримав біля грудей, а як говорив, то постійно нахиляв голову в шанобливих поклонах.

— Всім привіт! — вигукнув я. — Дуже радий, що ми провели цей час разом! Буду сумувати за вами, а згадувати лише з радістю!

Усі приязно заусміхалися й замахали мені руками. Усі, крім Масао. Він підбіг до мене все з тією ж «свічечкою», начебто збирався передати Благодатний вогонь, і почав нахиляти свою голову ще нижче, а залопотів із таким поспіхом, що я ледве спромігся второпати, про що йде мова:

— О мій високошановний Назарій-сама! Я вже боявся, що не зможу уклонити свою стидку голову перед вами! Бо тоді всі наступні роки намагався б спокутати свою провину! Текла-сан, — легкий уклін у бік хазяйки, — розповіла мені про це жахливе непорозуміння... Ні! Про мою фатальну помилку!

Поки він переводив дух, я запитливо поблимав повіками Теклі. Вона хутенько все пояснила:

— Вчора він зайшов до кухні, побачив страву з білої квасолі, вирішив, що від неї всі відмовились, тож і з'їв її. Сказав мені, що дуже смачно, а я сказала, що це ви для себе приготували, от він і місця собі не знаходить.

А той вже віддихався й заспівав по-новому:

— Звісно, щоб отримати ваше пробачення, великодушний Назарій-сама, я мав би віддати найдорожче — своє життя...

— Стоп-стоп, — зупинив я його, піднявши і розкривши свої долоні, — давайте без крайнощів! Ніяких образ я не маю! Все, забули!

— ...Тому я хочу подарувати вам ось це... — свічечка нарешті згасла, позаяк Масао поліз до гаманця й вручив мені круглу мідну монету з квадратною діркою посередині. — Ця виняткова монета «Маннен-цухо» була відлита в четвертому році Темпью-Ходзі...

Він знову схилив голову, схоже, навіть очі заплющив, немов очікував на вирок. Ніюко підійшла до мене й тихенько переказала все по-людському:

— Дійсно, це дуже рідкісна монета сімсот шістдесятого року за вашим календарем... І навіть не думайте відмовитися! — додала вона лякливим шепотом.

Я розумів, що відхиливши це підношення, тим самим покажу своє небажання пробачити йому, а там, із цими японцями, дивись, і до сеппуку недалеко...

— Щиро дякую вам, Масао-сама, за цей безцінний подарунок! — я теж схилив голову. — А цей квадрат із порожнечою посередині мені бачиться навіть більшим за саму монету.

— О, я чую слова сенсея!

Нарешті ми розпрощалися.

Я чортихався, бо втратив чимало дорогоцінного часу, тож побіг доріжкою, що петляла пагорбом вгору. Мене зацікавив купол, який виглядав краєчком з-поза дерев — він нагадував мечеть, а це було дивно. Звідкіля в цьому селищі взятися мечеті? І закликів мулли я ніколи тут не чув...

Доріжка потроху розширилася в ґрунтову дорогу. На черговому повороті я спіткнувся, ледве не впав і щосили врізався в кут кам'яного паркана. Навіть монета «Маннен-

цухо» вилетіла з кишені, та я примудрився якимось чином зловити її на льоту. У бруківці під ногами не було одного каменю, от і перечепився. А за поворотом я дійсно побачив мечеть...

* * *

Це була соборна мечеть Ар-Рахма. Отже занесло мене аж на Татарку...

Тут усе було мені знайомим: на вулиці Лук'янівській, якою я щойно піднявся, з обох боків настоббурчувалися старі в'язи, за мечеттю сиро сірів мур мусульманського кладовища, а довкола — майже як завжди — анікогісінько. Так, я вийшов із «території сновиддя», але коли саме — визначити складно. Адже поки я купався в сновидінні, моє тіло сомнамбулою, Големом без жодних думок, просто підіймалося Лук'янівською. І прокинулося воно лише тому, що спіткнулося й налетіло на паркан. «Цікаво, — подумав я, — а що б сталося, якби моє тіло спробували пробудити на території сну?» Та ця думка настільки вжахнула мене, що я миттєво відігнав її.

Але ще більше мене злякало інше: раптом я не зможу звідсіля повернутися до Марічки? Адже вийшов я з боку «території», протилежного до того, де зайшов... Може вона взагалі вже зникла, ця «територія»?..

І що тепер робити? Немовбито стовбур-бовдур я безпорадно стояв неподалік мечеті, кліпав очима, плямкав губами, потирав забите плече.

— Молодий чоловіче! — почув я зненацька стомлений голос за спиною. — Допоможіть бабусі сумку донести! Тут недалеко — онде на Олегівській цей дім!

Звісно, я підхопив сумку та рушив, а бабуся розповідала:

— В онучки день народження, подаруночки з села тягну! Зазвичай зятьок мене зустрічає, але зараз він у тероборні, тож старій самій кульгати доводиться!

Олегівська відгалужувалася від Лук'янівської кроків за двадцять попередів нас.

— Зятьок мій, хоча й не служив ніколи, а спортсмен: на лижах катався та з рушниці пуляв. Тому й узяли його знайпером!

Я сповільнив ходу: а раптом за крок буде вже територія сновидіння? І моє бездумне тіло-зомбі буде й надалі рухатися з цією сумкою, а бабуся почне галасувати, і невідомо, чим усе це скінчиться... Тож про всяк випадок я притримував сумку лише кінчиками пальців, а рухався крихітними кроками. Утім обійшлося.

Передав із бабусяю привітання її онучці, повернувся на Лук'янівську, почав спускатися — і саме тоді усвідомив, наскільки реальне життя є важливішим за будь-який сон! Завтра вже понеділок, а я за всі ці вихідні навіть і не почав складати програму, яку мав написати до середи! Усе через цю «територію сну»...

А якщо в моїй програмі зробити щось схоже — умовну закриту «територію», увійти в яку можна буде лише через «блукаючий інтуїтивний оператор»? Це ж зробить її неприступною для будь-якого зламу! У голові навіть застрибали коди і схеми такого незвичного рішення. Я й сам пристрибував, навіть трохи примружив очі, аби чіткіше уявити щойно придуману структуру.

...Аж поки не почув ячання морських мартинів і далекий плескіт хвиль.

* * *

Марічка сиділа на лавці, підібгавши ніжки під себе, немов маленьке пташеня, і пальчиками дзьобала виноградини. Я всівся поруч і сам ухопив декілька ягід. Ніяк не наважувався відкрити їй ту болючу правду, що вона — лише мій сон... Тож, ніби раптово згадавши, вигукнув:

— А уявляєш, це Масао білу kwasолю з'їв! І ось компенсував мою втрату цінною монетою! — я сягнув до кишені, але вона була порожньою. — Дивно... Мабуть устиг десь загубити...

Марічка лише схилилася набік, мов усе це було їй і так відомо. Знічев'я вона вхопила мою голову й притиснула до свого плеча. Заговорила тремтячим, але не тамованим голосом:

— Я маю розповісти тобі дещо... Ти тільки не лякайся, а спробуй усе ж сприйняти... — вона знов і знов гладила моє волосся, неначе цим хотіла згладити сказане потому: — Насправді ти не існуєш... Ми зараз у моєму сновидінні, а ти — лише моє марення, моя мрія!.. І я так тебе люблю!..

Майже підскачовиши, я вивільнився з її обіймів і, незважаючи на щемливий сум, почав чи то не пирхати:

— Люба! Це ти у моєму сні! Я все не насмілювався сказати про це... Ти просто переносиш на себе мої думки... Адже ти — моя уява...

Брови Марічки стрибнули догори, вона підняла свою розкриту долоню, ніби мовлячи: «Одну хвилиночку!»

А далі розпочався театр абсурду. Ми переконували одне одного — кожен у «справжності» самого себе, наводили докази, навіть заперечалися, хто першим вигадав означення «територія сновидіння»... Сильним аргументом Марічки було те, що вперше (за її словами) вона потрапила на цю територію випадково, коли вчора в справах йшла з Подолу на Воздвиженку. Я ж не міг пояснити, чому опинився в трамваї й куди збирався їхати... На якусь мить навіть повірив було, що — дійсно, я просто примара... «Але хто ж тоді мою програму допише?» — промайнула думка. А ще ми зчепилися стосовно того, хто більше пам'ятає про наше спільне життя в цьому сні... Хоча тут ми, схоже, були на одному рівні.

Будь-яка вистава закінчується завісою, і такою «завісою» стала Текла. Вона якраз простувала з будинку до літньої кухні, коли Марічка покликала:

— Пані Текло, а можна вас затримати на одну хвилиночку?

Та з готовністю підійшла, сіла на лавку напроти, дивилася на нас зі щирою радістю й задоволенням, милувалася нами. Зі змовницьким виглядом Марічка майже пошепки проказала:

— А ви можете уявити, що зараз усі ми перебуваємо в сновидінні? Що все навколо — це просто сон?

Розсудлива хазяйка готелю зробила «великі очі»:

— Тобто, ми усі зараз спимо?! — і навіть пирснула.

— Ні, не всі! — я рішуче втрутився в розмову. — Спить хтось один із нас, а решта — його уява, так би мовити, «дійшові особи» його сновидіння. То як ви думаєте, хто з нас той, кому це може снитися?

Мимоволі й ненавмисно я казав про все в чоловічому роді. А Текла знову подивилася на нас із задоволенням:

— Які ж ви чарівливі! Якщо все це сниться, то лише мені, але я вже прокидаюсь, бо хочу сніданок для вас приготувати!

Вона піднялась і пішла до кухні, а ми з Марічкою тихесенько розсміялися. Втім треба було завершити і нашу особисту розмову. Я притягнув Марічку до себе, тепер вже сам гладив її голівку, розуміючи, що це востаннє.

— Нема сенсу з'ясовувати, хто кому сниться... Найважливіше в іншому: якщо це мій сон, то я вирішив вийти з нього... і ніколи не повертатися...

— Так, — сумно погодилася Марічка. — Я ніби курець опіуму, який живе лише в своєму прекрасному, але хибному сновидінні, а справжнє життя минає стороною...

Одночасно ми піднялися, вийшли з двору й рушили пагорбом угору — в бік трамвайної зупинки. Марічка щохвилини дивилася на мене, а я, сам не знаю з якого дива, нібито підбадьорити хотів, бовкнув:

— Як сказав горянин Маклауд: залишиться тільки один!

Я навіть підморгнув і всміхнувся. Проте сам зрозумів, як невдало це вийшло, адже посмішка має бути в очах, а не у вигині губ.

...У морі стрімко рухався якийсь човник — мабуть Леонідас із Антоніонасом поверталися з рибної ловлі. Та за мить, за черговим зворотом стежки, він зник, як і саме море.

Вже біля зупинки я невпевнено прохрипів:

— Може попрощаємося?..

Марічка зупинилась і лише стрімко похитала головою так, що її світле волосся стало схожим на ореол:

— Ні... Це ще гірше... — вона просто довго дивилася на мене. — Я боюся тебе забути...

Я й сам із жахом подумав про те, що цей сон із часом зітреться з пам'яті, подібно всім іншим сновидінням, і я вже ніколи не пригадаю Марічку. А вона пішла вперед, майже по самих трамвайних рейках, похиливши голову та не озируючись.

Трамваї завжди з'являються зненацька. От і зараз один з них виник із нічого, почав галасливо дзвонити, гальмувати, навіть іскри з-під коліс посипалися. Я майже стрибнув, ухопив Марічку обома руками і разом із нею притиснувся до металевої сітки автомобільної стоянки.

* * *

Водій трамвая помахав нам кулаком, «одинарним» до речі, і подався своїм шляхом. Марічка випручалася з моїх ведмежих обіймів, погляд її був водночас переляканим і здивованим, немовби вона ще не усвідомила, що трапилось. Несподівано вона почала цілувати мене; майже пританцьовуючи, обертала довкола себе, а потім шепнула мені у вухо:

— Ти бачиш?!

Майже навпроти нас, на другому боці вулиці, височів Житній ринок.

Декілька хвилин ми, наче сліпі, що раптом прозріли, торкалися пальцями облич одне одного, мовби не довіряли власним очам і перевіряли все на дотик. Марічка всміхнулася й повчально промовила:

— Я ж казала, що я — справжня! — І дуже легко пояснила: — Просто ця територія сновидіння була не моя чи твоя, а наша спільна!

Перейшли вулицю. Біля Житнього ринку я купив у якоїсь тітоньки букетик перших пролісків і вручив урочисто його Марічці:

— З нашим першим побаченням!

Вона лише розсміялася:

— Дякую! — узяла квіти і з задоволенням їх понюхала. — Зате коли у нас запитуватимуть, де ми познайомилися, відповідь буде проста: «Уві сні!»

Одного я все ще не міг второпати: як так сталося, що ми зустрілися саме тут? Адже я сновидою спускався з Лук'янівської... Але Марічка й це пояснила спроста: вона, виявляється, досліджуючи берег моря, прокинулася на Глибочицькій:

— За «Флагманом», знаєш, є там такий рибний магазин? А розбудив мене великий собака — стрибнув лапами на мене, бо зі своєю хазяйкою переплутав, от ще пляма на куртці залишилася... Потім я пішла назад — ну, далі ти знаєш... Я взагалі думаю, що територія сновидіння може вже й зникла, адже ми з тобою одночасно вийшли з неї...

Я зупинився:

— Можемо повернутися й перевірити!

Марічка вдарила мене по руці своїм кулачком і вимогла з мене обіцянку, що я ніколи й близько до тих місць підходити не буду.

Ми прямували далі вже Верхнім Валом, як діти трималися за руки, постійно позирали одне на одного й усміхалися очима. Йшли собі й ішли, поки Марічка не запитала:

— А куди, власне, ми зараз ідемо?

— Звісно ж — додому!

— «Додому» до кого?

І справді, ми й уяви не мали одне про одного в реальному житті, ще не набули «спільної пам'яті» тут. З'ясувалося, що Марічка живе аж на Оленівській, біля «Розетки», тож вирішили йти до мене. Це майже поруч, та й електрику, судячи з графіку, у мене зараз мали увімкнути. Але ж... Я раптом зупинився:

— До мене?.. Розумієш, як би це пояснити... Не найкраща ідея, мені здається...

Марічка ніби відштовхнулася від мене. Сяяння її очей раптово згасло, як-от коли вимикають світло.

— Розумію... Ти забув сказати, що на тебе там чекають...

Я замахав руками, мовляв, це не те, про що ти подумала!

— З цими вимкненнями, — мені було якось ніяково, — я вже більше місяця пилюсосу до рук не брав... Не прибрано в мене! Руїна!..

Марічка майже захлинулася щасливим сміхом, а яскраві вогники наново наповнили її очі:

— Найшов, чим злякати! А то я не знаю, який ти нечупара! — вхопивши мене за шию, вона цьомкала й цьомкала в щоки. — От і буде тобі нагода прибрати в квартирі, поки я приготую нам обід! І не переймайся — на кухні твоїй я теж впораюся!

Я лише знизав плечима, засунув руку в кишеню — і раптом намацав кругленьку монету. На мить я злякався: адже ця монета зі сновидіння! Це що ж — територія сну розширилася, і сон триває?! Почав згадувати все, пов'язане з цією монетою. Ніби складалося так: на Татарці моє реальне тіло

й тіло сновидіння одночасно спіткнулися. Монету почав ловити той я, уві сні, а перехопив я теперішній, реальний. Тому й не було її в кишені — там, за дерев'яним столом біля виноградної стіни, уві сні... Звісно, усе це було дещо дивним.

Та я примружив праве око, а до лівого приклав монету й зазирнув у квадратну прорізь. І побачив оте справжнє диво, яке рухалося поруч зі мною. Страшним голосом я запитав:

— І що ж ти нам приготуєш?!

Марічка лише глянула на моє самотнє око, на монету, розсміялась і повідомила:

— Не одному ж Масао їсти смачненьке! На обід у нас буде біла квасоля в білому соусі!

КОНТАКТЕР

Спогад про те, коли саме почали відбуватися ці незбагненні події, киянин Ярослав зберіг у своїй пам'яті назавжди. Хоча на другому році війни він вже мав чітко відкалібрований на виття сирен слух, проте прокинувся лише під час гучної роботи рідної протиповітряної оборони. Бухкало звідусіль, аж небо тремтіло, а як почав зачиняти вікна в лоджії, то терпкий запах бузку й таволги запаморочив зазвичай застережливі думки, і він досхочу вдихав смачне повітря квітучої весняної ночі.

При зачинених вікнах у кімнаті миттєво стало душно, а ще кіт, ніби йому набридло ніжитися на хазяйській подушці, кволо поплентався на кухню в марній мрії винюхати у своїй мисочці чогось смачненького. Але ракетна атака тривала, і вибухи не припинялися. Ярослав про всяк випадок вдягнув штанці, примостився на ліжку з краєчку. І тільки-но почав шукати в смартфоні новітні повідомлення про події навколо, як зненацька виникло відчуття, що посеред зовнішніх розривів, немовби через певну паузу, в пузо йому вгородили гострий кинджал. Так йому здалося.

Ярослав чи не підскаочив і ухопився за живіт; ба більш поволі вгамувався, натомість кишки голосно марш заграли. Проте це бурчання в животі не було схожим на звичайне, так би мовити, «ріголетто»: утроба голосно буркотіла в різних інтонаціях сповна закінченими фразами. Окремих слів і святий не розібрав би, бо мова була невідомою. З кухні повернувся розчарований кіт, усівся напроти Ярослава й уважно почав прислухатися до незрозумілого базікання. Вуха його стрімко смикалися на кожний

вигук, а вуса мало не дибки стали. Він знічев'я нявкнув щось у відповідь почутому — та, схоже, і сам засмутився. Уклався на підлозі, навіть вуха лапами прикрив.

Добре, що вдома був стетоскоп (ще від батька залишився). Ярослав устроїв оливи у власні вуха й почав прослуховувати свій живіт. Порозуміння після цієї дії не прийшло — почуте нагадувало гаркаву скоромовку кореспондента новин з якимось азійського телеканалу. Так минуло аж двадцять хвилин.

Оскільки трапунок здавався виключним, Ярослав, незважаючи на нічний час, зателефонував своєму сімейному лікарю. Той довго не відгукувався, хоча сирена відбою пролунала чверть години тому. Ярослав навіть уявив собі: сидить отой деклараційний коновал і самозакохано зиркає сприбока на волаючий телефон із посмішкою садистаневдахи... Нарешті заговорив засапано й позіхаючи, мовляв, через що така термінова тривога. Послухав бурчання живота (Ярослав приклав телефон до пуза), порекомендував прийняти гель від розладів шлунку, а ще додав злим голосом:

— Якщо це й надалі турбуватиме вас надзвичайно, то викликайте невідкладну психіатричну допомогу! — І відключився.

Ярослав знизив плечима й пішов готувати сніданок посеред ночі. Втім ще й до кухні не дійшов, як «передача» припинилася, живіт замовк. О п'ятій годині ранку поїли разом із котом — і уп'ять спати вляглися.

* * *

Знову задзеленчав телефон, але тепер вже в Ярослава. Спросонку, при яскравому світлі з-поза вікон, він ледве знайшов цей галасливий прилад (ховався той під подушкою, хоча кіт і виду не подав, що чує щось).

— Гов, приятелю! Так ти на кафедрі сьогодні будеш, як домовлялися?

От грець! Адже два дні тому Павло, приятель-аспірант з університету, захоплено розповідав про прийдешню зустріч з академіком-лінгвістом, винятковим знавцем «мертвих» мов, живим класиком.

—...Сам розумієш — професоре вже у віці, часу в нього небагато... Тож будеш?

Ярослав полохливо подивився на годинник і прохрипів:

— Авжеж! Вже їду!

...Професори з кафедри стовбичили біля зірки, аспіранти ж горобиною зграйкою цвірінькали один одному в очі. Коли формально й мимохідь із визначним вченим знайомили Ярослава, то в нього зненацька знову голосно забурчало в животі. Поважний гість зацікавлено прислухався. Слухав академік довго, аж нарешті схилив голову з повагою й чемно запитав:

— Колего! А якою мовою ви черевомовите? Впізнаю знайомі фонemi, але...

Потім всесвітньовідомий лінгвіст подивився на кафедральних професорів:

— Схоже на рідкісний діалект арамейської... чи може «икання» у шумерській?..

Ті ніяково мовчали і з ненавистю дивилися на Ярослава. Тепер вже майже колишній аспірант сумно пояснив:

— Воно саме говорить... Я ніяк на це не впливаю...

— Тим цікавіше! — загорівся уславлений мовознавець. — Зробіть мені, будь ласка, копії записів цих дивовижних промов, я пізніше з ними попрацюю...

Павло тремтячими пальцями намагався увімкнути диктофон у своєму смартфоні, та все щось не складалося. Завідуючий кафедри по-зміїному прошипів:

— Записуйте в аспірантському класі! Не ганьбіть зустріч!

Поки товариші прямували до своєї аспірантської схожанки, таємне черевомовлення Ярослава зненацька, як і першого разу, припинилося.

— І що будемо робити? — сумно запитав володар дару. — Тепер точно з кафедри виженуть...

— Не сци, друже! — філолог-славіст Павло заспокоїливо махнув рукою. — «Jak kto dba, tak tež i ma!»¹ Звернемося до альтернативних фундацій!

Нашвидку він розповів, що, на щастя, саме сьогодні відбувається великий форум членів Товариства позаземних цивілізацій, і що Ярославів феномен цілком вписується в їхню професійну компетенцію. А сам Павло — не те, щоб учасник, але активний прибічник цього руху.

— Вони зможуть дати раду! — переконував позаземний славіст. — Поїхали!

* * *

Зустріч спільноти дослідників космічних цивілізацій вкрай нагадувала буденне засідання кафедри в університеті. Поважні метри стримано обмірковували поточні проблеми галактичного спілкування, а молодь — здебільшого пересічні контактери — захоплено ділилася детективними оповідками про викрадення прибульцями та про жахливі експерименти над людьми.

Розповідь про незбагненні події з Ярославом зацікавила усю громаду.

— Вживлений радіочип, це беззаперечно, — вагомо промовив сивий дідусь у домірному костюмі, схоже — наставник зі стажем.

¹ Хто дбає, той і має! (польськ.)

Усі присутні (навіть Павло) погодилися з цим чітким визначенням і ствердно захитали головами. Трохи молодший за дідуся чолов'яга в завеликій, наче на виріст, картатій сорочці швидко запитав:

— А де вас викрали? Як і коли?

Ярослав розгубився:

— Та ніхто мене не викрадав, що за дурниці...

— Авжеж! — чолов'яга підморгнув спочатку одним, а потім і другим оком. — Чип вам вживили через ковід-вакцинацію? — зареготав сам, а за ним і все товариство.

Лише наставник не розсміявся й підняв праву долоню до рівня голови.

— Тихо! Ця людина, — все тією ж долонею, як Цезар на тріумфі, він вказав на Ярослава, — вперше зіткнулася з прибульцями. Вона розгублена й занепокоєна, вона в розпачі. Та ми запитаємо її: чи не було в неї найближчими днями якогось дивного, не схожого на інші сновидіння?

Як словесник, Ярослав прискіпливо підмітив усі ці займенники жіночого роду стосовно себе, тож у пику схибленому дідусю вирішив тримати марку:

— Так! На початку тижня вона бачила дещо незвичний сон. Їй наснилося, що вона розмовляє по телефону з Оленою. Це моя давня знайома... — непомітно для самого себе Ярослав продовжив говорити вже звичайним штилем. — Ми не зустрічаємось із нею у вашому розумінні... Вряди-годи, звісно, бачимось; інколи по телефону спілкуємося... Та вже декілька місяців ані чутки ні вістки одне від одного не мали... Я вже дзвонити їй зібрався, аж раптом... Наснилося от, що говоримо ми по телефону, а Олена каже, що все в неї гаразд, хоча й хотіла мені про щось важливе розповісти... Та я прокинувся тоді й навіть телефонувати їй не став, позаяк за сном усе гаразд у неї...

Наставник у костюмі спантелічено, чи не зі страхом промовив:

— Незакінчена телефонна розмова? Адже це...

Картата сорочка зраділа:

— Є контакт! — і замайоріла широким прапором. — Ну, тепер ви й самі розумієте, що вас викрадали прибульці?

— Ні, — твердо відповів Ярослав, — не розумію.

А сам подумав: «Якого дідька я все це їм розповідаю?..»

Підійшов до нього ще якийсь дивний гаврик, ніби з XIV століття, оскільки все лице його було прикрашене віспяними цятками, а одяга чи не зітліла вся. Заговорив, буцімто самого себе переконував:

— Давайте застосуємо до вас регресивний гіпноз і надаємось, як вас викрали. Серед нас є фаховий спеціаліст із цього... Аріель, ходи сюди! — І хоч гукнув він мовбито кудись у минуле, однак миттєво підскаочив сучасний паратерапевт.

Він погойдував сяючою срібною кулькою на тонісінькому ланцюжку, а оченята його були схожі на неіснуючу «червону ртуть»: пурпурові, брудні й рухливі.

Ярослав поглядом (хоч декому й здалося, що руками) відштовхнув гіпнотизера й ніби уві сні, де ніщо не здійснюється, наосліп почав шукати вихід. Але домірний костюм перехопив його на півдорозі.

— Хочу особисто поздоровити вас! — сивий наставник стиха хитнув головою. — Ми приймаємо вас у наше товариство! Ви — справжній контактер!

Ярослав навіть про пошук виходу забув і вперся очима в зіньки дідуса. А той весело вів далі:

— Ви отримаєте сертифікат від нашої спілки, що офіційно підтвердить ваш статус контактера першого ступеня (тобто найвищого й елітного)!

— Пробачте, — Ярослав засмутився, — але ж ви не чули оцього мого бурчання... радіючипа, як ви кажете...

Наставник заспокійливо погладив Ярослава по плечу:

— Та це не має значення! Ви розповіли, вже цього достатньо... А тим паче й живий свідок у вас є! — він вказав на Павла. — Так що ваш випадок контакту з прибульцями є доведеним і беззаперечним фактом!

Наставник все якось занадто грайливо гладив Ярослава по плечу:

— Вам треба лише сплатити річний внесок за членство, ну й якийсь дріб'язок за сертифікат... Наш бухгалтер усе це пояснить і сертифікат роздрукує. Це отам, у кімнаті праворуч...

Приголомшений Ярослав не знав, що й відповісти, та врятував смартфон, який незадоволено заголосив із кишені й почав відчайдушно шкрябатися (мабуть, від kota навчився...) Ярослав ухопив телефон і несподівано почув голос Олени:

— Привіт! Ти натепер говорити можеш?

І сталося так, що він не зміг видавити ані звуку. Чи то минуле, чи майбутнє стиснуло його горлянку несподіваним сумом від марно втраченого часу. Він спробував захрипіти радістю від почутого голосу, однак лише задихнувся в цій безнадійній спробі мовити.

— Я зараз передзвоню, за мить... — і це ніби не він говорив, а черевомовив його неусвідомлений двійник.

Вихід із приміщення насправді був перед очима, адже кому вкрай важливо побачити — той побачить! Ярослав швидко пішов геть, залишивши за спиною й апостола Павла, і прибічників позаземних цивілізацій, а разом із ними — й усіх прибульців: і мертвих, і живих, і ненароджених...

* * *

— Я тобі дзвонив позавчора, уві сні, ти пам'ятаєш?

— Ні, не пригадую, — весело відповіла Олена, — я в той час мабуть не спала! Питаннячко до тебе є, як до філолога.

- Якщо є питання — то без питань!
— Ти ниньки де?
— На Хоривій.
— Чудово, адже я біля Гостинного двору! Зможемо зустрітись в скверику біля Самсона?
— Та звісно! Вже біжу!

Самсон потайки сидів у бомбосховищі разом із переможеним левом, себто обидва ховалися під чималенькою купою лантухів із піском. Ярослав і його давня знайома ледве привіталися й всілися на лавку, та навіть словом не встигли обмовитися, як у Олени зненацька забуркотіло в животі — голосно, майже радісно. Дівчина сором'язливо почервоніла, спробувала щось сказати, але Ярослав застережливо зупинив її, хитаючи вказівним пальцем. Черевна промова Олени тривала недовго, а тільки-но припинилася, то одразу, ніби у відповідь, забуркотіла Ярославова утроба.

Надалі насправді все нагадувало якийсь чудернацький діалог — по черзі буркотіли животи, змінювали інтонації, авжеж сперечалися.

— Моя начебто сердиться... — шепнула Олена.

— Схоже! А мій неначе виправдовується... — так само пошепки відповів Ярослав.

Коли дивовижна розмова їхніх животів нарешті припинилася, вони ще довгенько сиділи мовчки й прислухалися, чи не буде продовження. Ат, ніц!

Ярослав сутужно віддихався, ніби вигулькнув з-під води, і невпевнено заговорив:

— Ти про щось запитати хотіла?

Олена так само збентежено відповіла:

— Саме про це... Оскільки воно само собою відбувається, і на якусь мову схоже...

— Рідкісний діалект арамейської! — компетентно пояснив Ярослав.

Та Олена подивилась на годинник і стрепенулася:
— Ой! Мені вже бігти треба... Може завтра о цій порі
зустрінемося, і ти все поясниш?..
— Та звісно ж, із радістю!

Але на завтра, щойно зустрілися, одразу розпочалася чарівна балаканина черевних розмовників. Так сталось і післязавтра, і після-післязавтра. За тиждень спільне черевомовлення раптово припинилося, і Ярослав з Оленою тепер досхочу могли говорити про своє, інколи сперечатися, сердитися й виправдовуватися вже особисто.

Ярослав так і не викупив свій сертифікат контактера першого ступеня, хоча одного разу чітко визначив для себе, що прибульці (якщо вони існують) мріють не контакт із людьми встановити, а для початку налаштувати контакти поміж самими людьми. І Олена з ним погодилась.

ПЕРСОНАЖ

Час — неначе краплина води на розпеченому сонцем камінні, а спогад — це лише блідий слід, що залишився від неї...

Та не в спекотний полудень південних пляжів, а в похмуру грудневу ніч я створив персонажа, який акробатично вистрибнув із наметених словами кучугур і почав жити власним життям. Його ім'я ні про що вам не скаже, як, власне, і мені. Назвати його Гантенбайн? Це вже було... А він, цей щойно створений персонаж — так, саме він, — підморгнув мені зі сторінок буквами, ніби літерний поїзд фарми на пероні за останню мить до відправлення; став за мою спиною з яскравими прапорцями в обох руках, почав ними розмахувати, сигналити невідомо кому та про що. Проте я цього не побачив, лише здогадуюсь.

Віч-на-віч ми зустрілися в якомусь фаст-фуді, куди я зайшов геть випадково — мене сіпало, мабуть цукор у крові цілковито зник, тож канапка з шинкою та солодка кава мали мене врятувати. Він підійшов із філіжанкою кави, ймовірно теж солодкою, бо крутив ложечкою так, ніби створював новий всесвіт.

Його посмішка не була схожа на привітальну. Скорше вона була сумною, якщо можна так сказати про посмішку.

— Артебігерауз, — стиха, але впевнено промовив він.

Отакої. Ще за шкільних часів я захоплювався фантастичними оповіданнями: про мандри на далекі планети, про подорожі в часі... Тоді ж я придумав свій особистий код — слово, яке можу знати лише я. Вигадано це було на той випадок, що коли б раптом гіпотетично до мене з май-

бутнього завітав прибулець — я сам, то зміг би цим словом підтвердити свою «ідентичність». І слово це було — Артебігерауз. Із позашкільних часів я взагалі не згадував цього безглуздя, а от тепер зняковів, адже ніколи цього коду вголос не промовляв.

Хоч і вдягнений у куртку крицевого кольору (я цей відтінок в одязі люблю), він зовсім не був схожим на мене — так мені здалося. Хоча... Ми бачимо себе лише в обманливих дзеркалах, кривих фотографіях, хибних домашніх відео, та ніхто ніколи не бачив зі сторони самого себе — «справжнього». Тому ми зовсім на себе не схожі, принаймні на таких «себе», якими уявляємо або вигадуємо у власних думках. Тож не наважусь назвати його своїм іменем.

Плин часу в дитинстві густий і наповнений. Однак нині я не зумів витягнути зі щільності шкільного часу жодної схеми подібної зустрічі, хоча тоді перегадував різноманітні варіанти того, про що ми могли б говорити.

Проквотнувши останній шматочок канапки, так же стиха запитав його — перше, що спало на думку:

— І як воно... там... у майбутньому?..

Він лише здвигнув плечима:

— А ти сам як гадаєш?

— Та й гадки не маю! — Я повів плечима так само, як і він. — Хоча... Якщо ти тут, то, мабуть, усе добре!

Потім замислився — і сказав інакше:

— Хоча... Все залежить від тебе, може ти — «післязавтрашній» я, а можливо — і «післядесятирічний»!

Він лише реготнув, ковтнувши кави, та скривився обличчям так, ніби в ній був не цукор, а весь наш споконвічний гіркий сум.

Оці його кваси мені не сподобалися — невже і я так роблю? Почав уважно розглядати його обличчя з певним інтересом.

— Ти, як то кажуть, нівроку... А скільки...

Та він, мов би вже очікувано, перебив мене:

— Ти теж на свій вік не глядишся...

Помовчали. Попили кави.

Раптом він мовив:

— А пригадуєш, як ми якось зосередилися на висловлені Лао-цзи: «Те, що вторить один одному — це голос і звук, те, що слідує один за одним — це минуле й наступне, і так без кінця»?

Подумавши: «Хао!» — бровами та очима я склав невадий візерунок китайського ієрогліфа «Добре».

Знов помовчали. Попили кави.

Коли нема про що говорити, починають базікати про технічний прогрес.

— А де твоя «машина часу», чи як там у вас її називають?

Він лише пирхнув, покрутив філіжанку перед очима, щось ще досьорбав із неї; затим розтягнув уста до вух (ніби пародіюючи мене колишнього), потім згорнув губи у буцімто мушлю.

Запитав підкреслено здивовано:

— Ти ще не второпав? Ти ж пишеш оповідання про зустріч у часі з собою з майбутнього. Саме це й дає можливість мені... скажімо так: «матеріалізуватися».

За всієї своєї психоделічності, я — людина доволі прагматична, і тому трохи збентежився. Тож вирішив з'ясувати все, так би мовити, «системно» (хоча й мислю «процесно»):

— Отже ти спромігся опинитись у моєму часі внаслідок того, що я почав про це писати?

— Звісно, адже як інакше я б зміг сюди потрапити?! — він усміхнувся так щиро, що майже став схожим на мене (як я сам себе уявляю).

Не до шмиги почала лунати повітряна тривога: сирени гули десь близько, тож забивали вуха як беруші та вже

не сприймалися як звуки. Усіх відвідувачів попросили перейти до найближчого укриття. Ми вийшли, але спускатись у метро не стали. Адже якщо він/я з майбутнього — нема про що хвилюватися.

Хрещатик спорожнів, ми стояли під аркою Пасажу, я дістав сигарети.

— Ти як — ще куриш?

— Ну, я сюди не перекурювати прийшов...

«Прийшов». Гарне слово — «прихід»! Я все ж роздмухав свою цигарку й жовчно запитав:

— Я от пишу оповідання, розмовляю зі своїм персонажем; а де зарука, що ти — не просто плід моєї уяви, галуцинація? Може зараз я взагалі сплю та бачу сон?

Він потер свої долоні, ніби намагаючись відтворити вогонь:

— Пригадай Кастанеду: подивись на свої руки, щоб усвідомити, що ти уві сні...

Я швидко подивився на свої руки. О! Вже давно варто було б і нігті підстригти. Більше ніякого усвідомлення не прийшло.

— Добре, — по-китайськи лагідно погодився я, — все реально. Але ж ти починаєш створювати своє минуле, з'явившись тут, а це може повністю змінити твоє майбутнє. Не все, звісно, а те, з якого ти прийшов. Це тебе не лякає? Зараз ти в минулому створюєш нову реальність для себе...

Він висмикнув із моєї пачки сигарету, я підніс запальничку. Затягнувся димом він так, наче в часи свого майбутнього вже ніколи не мав чогось подібного.

— Але ж і ти сам створив своє минуле, — напіввдиха промовив він. — Так само, як створюєш своє майбутнє зараз...

— Стоп-стоп-стоп! — я чітко відслідковував говорене. — Минуле ми створювали разом, чи не так?

— Ні-ні-ні! — метрономом відхилив він мої слова. —
Минуле ти створив сам, я з майбутнього... А тягар прої-
дешнього — це твоя провина!..

Я ніколи не зрікався спокути за здійснене. Усе те чорне
й досі маше крилами наді мною, навіть не дає розгледіти
клавіші на клавіатурі. І вже наосліп я крикнув йому, мило-
сердно:

— Як тебе повернути в твій час?..

Він глухо з-поза літер ледь чутно відгукнувся:

— Ти повсякчас створюєш майбутнє! Зроби його чистим,
яскравим і справжнім! А на мені постав крапку. Тоді
я й повернусь у свій час...

Що мені залишалося робити? Хіба що написати: все
буде добре, вже на початку літа буде перемога, я бачу своє
майбутнє, а мій персонаж буде згадувати про мене зі смі-
хом, як про давню, майже вигадану історію. Тож на цьому
я ставлю крапку.

У ПОШУКАХ УТРАЧЕНОЇ ДУМКИ

Буває так: ідеш по вулиці, коли лускаються думки, ще не втіливши образ, і порожнеча наповнюється чимось ще не усвідомленим. От наче хтось визирнув на мить із-за рогу будинку й зник. Буцімто знайоме обличчя, проте не встиг розгледіти — хто це й що... Так і думка — виникла раптом та й згасла, залишився лише хиткий спогад про справжню думку, а пригадати її вже зась...

Ось і Симон Григорович неквапливо крокував «своїм» (як він його називав) Подолом та відчував певну збентеженість. Промайнула якась важлива думка, але й найменшого сліду не залишила.

Взагалі ранок склався тривожно, одначе не тому, що повітряна тривога пролунала за сніданком. Симон Григорович не припинив їсти вівсяну кашу з дрібними клаптиками вареної ковбаси, навіть не відсунувся від вікна. «Ну йобне — так йобне», — вже звично подумав він і одсьорбнув із чашки насиченого чаю з лимоном. Після буйного вечора напередодні це було доречним. Він навіть не міг пригадати, як та о котрій годині повернувся вчора додому, хоча в душі свербіло почуття підсвідомої провини. Тим паче, що коли зранку продерся кулаками до зіжмаканих очей, то побачив навстіж розчинене вікно з відсунутими до краю фіранками. А похилий клен, який хитався від вітру, за ніч вже встиг загидити жовтим листям чи не пів кімнати.

А ще над жовклим листям на підлозі безмовно пурхав останній осінній метелик, з приглушеними кольорами ко-

лись яскравого крику на своїх тонесеньких крильцях. Чи не так і наші мовчазні мрії несе вітер буття над шурхотінням іржавих спогадів?..

Після сніданку Симон Григорович вирішив вийти зі своєї квартири у відкритий всесвіт. Узяв було смартфон, та той не хотів залишати дроту зарядки: вигинався в долоні, дряпався й сичав. Довелося плюнути на листя посеред кімнати, а смартфон за спиною чи не посміхнувся задоволено, ба навіть тихесенько щось проспівав.

Отже раптова й справжня думка з'явилася в Симона Григоровича саме за таких дивних обставин. На той час тілесні відчуття були відсутні — по всьому тілу біль давав багатий улов, та й у голові мов рибу глушили.

Тож рухався він тепер поволі, адже Подолом не варто поспішати. Стиха привітав Григорія Савича, який зі своєю торбинкою закам'янів на штучному п'єдесталі, і не міг второпати, куди прямувати далі. Звісно, це вітання відбулося внутрішньо й формально, оскільки пам'ятник Григорію Сковороді (як і всі інші) був прикритий міцними щитами, аби вберегти від ворожих ударів. Такі собі великі ящики по місту, ніби заповідник Шредінгера. Але ж Григорій Савич особливий, навіть із невидимого простору радить: кожному варто в певний час зупинитись і подумати, а де-то він є — саме твій шлях.

Низ Андріївського узвозу прикрашала неохайна тітонька з лежачою зграєю безпородних собак, які вміло зображали невимовну журбу, лише блискавичним позирком очей оцінюючи перехожих. Звісно, поруч стояв келих із написом «На допомогу бездомним», хоча тітонька була вельми веселою, підморгувала кожному — мабуть поснідала не лише вівсяною кашею з ковбасою.

Симон Григорович кинув і свою (останню з тих, що були) монетку «на допомогу» — і нібито на мить отримав

індульгенцію за всі свої попередні гріхи, навіть іще не скоєні. Безперечно, це була замала ціна для спокути, спокій не з'явився, бо згадка про втрачену думку все тривожила безперестанку, а тиск цієї згадки навіть посилювався.

Вище узвозом він натрапив на мольберт із намальованим пухнастим рудим котом, що безтурботно спав на тлі золотого осіннього листя й майже зливався з ним; але поруч із цією картиною на розкладному стільці сидів справжній кіт, породи «сфінкс», з величезними вухами та очима, схожими на два паралельних всесвіти. Сидів він прямо, поважно й упевнено, уважно розглядаючи Симона Григоровича. Той переводив погляд із реального kota на картинного, з картинного на реального, і дивувався.

— Що, як завжди — все порівнюєш? — зненацька запитав кіт.

Він облизувався й неначе посміхався своїми котячими губами.

Симон Григорович збентежився, навіть не мав, що відповісти. Ще уважніше роздивився kota на стільці, хотів було й погладити цього сфінкса, та стримався, бо той ураз продовжив:

— А розкажи-но про найганебніший вчинок у своєму житті.

І знову облизнувся.

Така пропозиція від котячого сфінкса здивувала, однак Симон мимоволі провалився в спогади.

Спершу подумалося про вчорашнє: що ж він там наговорив їй?..

А потім, звісно, пригадалося оте... Він відштовхував той давній, створений ним самим жах, який і вимовити не наважувався, хоча й розумів — це частка його буття, його провина та спокута.

— Киць-киць-киць... — лише промимрив він.

Адже якщо почати щиро розказувати якомусь незнайомому коту про найгірше в собі, то точно виглядатимеш як якийсь писаний ідіот...

Але сфінкс лише посміхався:

— Тоді розкажи про свій найкращий вчинок!

Та й тут не хотілося ні про що говорити. Пишатися якимись власними вчинками — це так принизливо! Розповідати про своє найкраще — це як вирвати болючий зуб, бо лише зі втратою приходять задоволення та спокій.

— Щось ви, пане, якийсь неговіркий... — промовила художниця, визирнувши з-поза мольберту.

Виявляється, це саме вона весь час говорила, а кіт лише створював образ. Очі в неї були не менші й навіть глибші за котячі. Симон Григорович на малу мить закохався в них, проте рушив геть, немовбито відірвавши крихітну частку від себе. І ось оця частинка, тонша за крильця метелика, у той же мет була рішуче розтоплана натовпом, що стрімко рухався донизу. Ця орава розглядала мистецькі витвори зверхньо, бо насправді потай думала лише про давно вже омріяний бургер-чіз...

Втім подорож тривала далі. Ніби уявний Уліс, що прямував уявним Дубліном, уявний Симон Григорович на Андріївському узвозі натрапив на абсолютно реального маґа. У того очі теж були котячі, а свою магічну посмішку він приховував у буйній бороді. Хоча, як усі теперішні маґи, він скорше нагадував фокусника сумної шахрайської поводи. На плямистій стільниці він швидко прокручував три паперових стаканчика й вигукував: «Знайдіть свою щасливу монетку!» Вважалося, що хто вгадає, де саме знаходиться ота монетка, той і отримає безмежне щастя. Черга за щастям була чималенькою, тягнулася посеред вулиці майже зашморгом, хоча публіка здебільшого була веселою, або видавала себе за таку.

Все відбувалося стандартно: «щасливці» відходили усміхненими, а невдахи, зазвичай, стрілялися поруч, після чого їхні тіла швидко прибирали магові підмайстри, які в нього лише навчалися, а в реальному житті вважалися «офісним планктоном».

Вище, але ще не доходячи до замку Річарда, Симон Григорович зупинився біля бандуристів. Ні, він не любив фольклорного жанру, та й ці хлопці в джинсах не нагадували Козака Мамаю. Щось не складалося. Адже не завжди те, що ти бачиш, і насправді є саме таким, як-от було кілька років тому (ще до війни) на морському курорті. Тоді на узбережжі для розваги публіки «аніматори» побудували «оперу» з фанери, картону, пінопласту та миготливих ліхтариків. Не «Sydney Opera», звісно, але з амфітеатром, утвореним стільцями, і чималеньким помостом сцени, знизу якого смутно проглядало провалля оркестрової ями.

Співоча програма була такою собі, фонограмною... Під час антракту Симон Григорович підійшов із Галиною до цієї «оркестрової ями». Там очам відкрився штучний басейн, в якому плавала пара лебедів-шипунів. Величні птиці вигинали свої лінійно витончені шиї без шипіння, рухалися в замкненому просторі нервово й повільно, а на людей дивилися як на загрозу. Та це тривало недовго. Після антракту майже вся публіка скупчилася біля цієї «оркестрової ями». Вже ніхто ані слухав фонограми, ані спостерігав за витребеньками розважальників. Натомість хтось кидав лебедям шматочки маці, хтось — лавашу, хтось — київського батону... А птахи тихо пливли собі мізерною водоймою, як і думки наші, що вже стомилися та не потребують зовнішнього підживлення в будь-якому вигляді.

...Хоча хлопці співали наживо чистими голосами, бандури були настроєні ладно, а сама пісня «Скажи, скажи, серце, правду» далєбі здавалася щирою, Симон Григорович,

як і тоді, з лебедями, не сприйняв цього співу. Він швидко рушив уперед і мимоволі подумав: «А як там Галина?.. І що ж я вчора спересердя наговорив їй?..»

Коли тужливо заспівали сирени, Симон Григорович навіть не сповільнив кроку. Інші тривоги краями його серце. Наче Одиссей, прив'язаний до щогли пам'яті, він слухав співи сирен мимоволі, адже бентежило почуте до того. Бандуристи. «Скажи!» Оце й була та думка, яку він не усвідомив, а чи боявся усвідомити.

Біля крамниці сумтно сірів чи не останній у цьому всесвіті вуличний телефон — поважний, надійний. Смартфон залишився дома, а в кишенях Симона Григоровича вже не було ані монетки (адже останню він подарував собакам). І що йому залишалося робити? Він стукав по телефону, кричав: «Люба, я маю тобі дещо сказати! Лише в цьому є сенс!»

Телефон, звісно, лише посміхався.

Симон Григорович кинувся до митців — чи не знайдеться в когось монетка, щоб подзвонити? Ті лише хитали головами, мовби ховали свої щасливі монетки в чорних глибинах кишень.

Він знову повернувся до телефону. Говорив те, що мав сказати вже давно, він майже бився головою, кричав, розуміючи, що вона його ніяк не почує. Хоча й сподівався.

І тут на Андріївській неочікувано завітав осінній сніжок. Навколо Симона Григоровича почали мерехтливо сипатися «щасливі» небесні монетки, хоча він їх у своєму смутку не помічав.

Аж раптом вуличний телефон голосно задзвонив. Усі, хто почув, озирнулися, хоча дивилися лише на Симона Григоровича. Він повільно взяв слухавку, підніс її до вуха, а вказівним пальцем торкнувся губ: мовляв, увесь світ — завмри!..

ЧОРНА П'ЯТНИЦЯ

«Може, це я створив зірки й сонце,
та я вже цього не пам'ятаю»

Хорхе Луїс Борхес. Дім Астеріона

На зупинці з автобуса вийшов лише я сам-один. Дійсно, кого ще могло занести в таку глушину? Не встиг зробити й декількох кроків по засніженій доріжці, як мою увагу привернула до себе гава. Неподалік від мене вона, схоже, вполувала величезну кістку з залишками чогось мабуть смачненького. Та здолати такий розмір їй було складно, тож я зупинився й почав спостерігати кумедні події.

Гава ухопила кістку міцним своїм дзьобом і злетіла. Точніше, хотіла злетіти, та чимала вага кістки потягнула до землі, гава перекинулась у повітрі, фактично зробила сальто, і вронила свою здобич. З другої спроби все повторилося: повітряне сальто й кістка на землі. Та недарма ворони вважаються вельми розумними! З кісткою в дзьобі гава почала робити розгін: вона бігла як маленький прадавній динозавр, а потім різко піднялась угору. Сальто... Наступний розбіг був ще тривалішим, проте зліт нарешті виявився вдалим: гава поволі набирала висоту. Коли вона, як важкий бомбардувальник, пролітала над дорогою, я занепокоївся: чи не зіб'є її машина, що швидко наближалася? На щастя, це виявився спортивний автомобіль із низьким лобом. Так що гава помалу полетіла пригощати своїх родичів чи друзів.

Отак і ми в бажанні досягти мріяного здатні на усілякі кульбїти.

Чому я приперся аж у передмістя, хоча потрібний мені прилад міг придбати будь-де? Так, павербанки продавалися де завгодно — навіть у вуличних торгівців, які на вкритих газетою ящиках пропонували разом із ними і ліхтарики, і «вічну лампу», і стеаринові свічки. Часи, коли електрика зникала раптово, ще й на невизначений термін, — саме вони формували попит.

Однак тиждень тому мій товариш переконливо порадив мені не лише «запастися» (як він сказав) павербанком, а й купити його саме в цьому магазині. Він навіть дав мені маленьку рекламну листівку з адресою сього закладу. З незрозумілою усмішкою він додав:

— Досить незвичне місце. Можливо, у них товари від «людей у чорному», бо там інколи можна натрапити на таке... І ціни цілком припадні.

Я кинув оком на яскравий клаптик паперу. «Склад-крамниця «Від-Крита!» Ну якщо «Від-Крита», то я вирішив ризикнути. Вже вдома я ретельно роздивився папірець і жажнувся від адреси — чи не за містом, одначе дійшов висновку, що «від людей у чорному» в «чорну п'ятницю» не варто відмовлятися.

...Першим зустрів мене величезний вишир і у висоту паркан із суцільного штучного каменя. Капітальні ворота, з мідяним темним полиском, були зачинені, проте прості дерев'яні дверцята збоку від них привітливо плескалися під останнім осіннім вітром. Навіть невеличкий, снігом наметений, поріжок не заважав їм.

Чи не за два кроки за ними роззявили свою пащу автоматичні скляні двері, і я ввійшов до величезного приміщення, сяючого світлом, але заледве не безлюдного. Лише декілька охоронців у фойє перед касами мляво спілкувалися. Їхній однострій був доволі дивним і навіював згадки про давнє античне: туніки з рукавами, але кольору хакі; чи не з брезенту штанці до колін; а на головах — щось схоже на солом'яні шоломи.

Один з охоронців угледів нагоду проявити свою працьовитість і швидкими, але чітко вимірним кроками підійшов до мене. Його погляд був не стільки уважним, скільки оцінювальним. Втім звернувся він до мене доволі ввічливо:

— Чи не маєте ви предметів, які можуть продаватися в нашому магазині?

Я здивувався, оскільки прийшов сюди голіруч, без обтяжень, навіть рюкзака не взяв. Я помацав свою куртку ззовні.

— Ну, телефон... Але він мій!

— Ну, телефон не враховується, — поблажливо погодився охоронець.

З бокової кишені я дістав ліхтарик.

— Це теж мій. Знаєте ж, зараз зі світлом негаразди трапляються, от і по темній вулиці йти... дорогу переходити... і двері в квартиру відчиняти... — я ніби виправдувався.

Охоронець узяв із моїх рук ліхтарик і став уважно його роздивлятися. Децю сухо й насторожено він промовив:

— І в нас такі є... А ви точно в магазин ще не заходили?

Я почав потроху шаленіти, хоча й вимовив надмірно делікатно (як для такої ситуації):

— Люб'язний, якщо ви поглянете уважно навколо себе, то побачите мокрі сліди, які пунктиром вказують шлях від моїх ніг до вхідних дверей. Себто, навпаки. Ну, ви зрозуміли!

Той швидким оком пробігся сирими плямами й зупинився на моєму взутті (мабуть, порівнював розмір).

— Гаразд, несіть вже... — схоже, він був украй розчарований. — Але давайте я нашу запобіжну наліпку на нього наклею, щоб у вас п о т і м проблем не було...

Він не лише натиснув на слові «потім», а й притиснув до ліхтарика якусь маленьку наклейку.

— Що ж, ідіть, купуйте... Консультант має бути вільним, — він підштовхнув мене в напрямку торгівельної зали.

Дійсно, одразу за касами до мене підскочив хлоп'яга з очима, схожими на заяложене мокре простирadlo, і пасторальним голосом майже заспівав:

— Чим я можу вам допомогти? Щось підказати? Направити?..

Зазвичай я відмовляюся від подібних послуг і лише чемно дякую, м'яко наполягаючи на спроможності самостійно розібратися з тим, що мене цікавить.

Та наразі я побачив у глибинах приміщення полиці з різноманітним крамом на масивних високих стелажах, що ніби зникали в безкінечності, а вузькі проходи між ними нагадували тунелі.

— Мені потрібен павербанк, — вимовив я мимоволі. — Об'ємний і надійний...

Консультант зрадів. Він навіть підстрибнув у захваті, але якось невдало — ледве не впав. Як дзига він утримав рівновагу й махнув рукою кудись у хашу стелажів:

— Уся електроніка та все для неї — там! Уперед!

Своїм зарядом енергії він сам нагадував павербанк: рушив так стрімко, що я ледве за ним встигав.

— На цьому тижні ми отримали інноваційні електрозберігачі від компанії «Кноссос», а це, я вам скажу, і древні традиції, і незаплямована репутація, — торохтів мій провідник. — Цей прилад можна заряджати не тільки від розетки, як звичайний. Адже лише на ньому з одного боку є сонячна панель, а з другого — місячна!

Він зупинився так раптово, що я ледь із ним не зіштовхнувся.

— Уявляєте? — промовив він співучим шепотом. — От, скажімо, якщо «ніч яка місячна, зоряна, ясная», а ще й Місяць у повні, як тепер, то ви зможете підзаряджати цей павербанк навіть уночі на вулиці! Зараз я вам його покажу. Вперед! Бо нам ще йти і йти.

Дійсно, коридор вздовж стелажів тягнувся в далечінь, навіть кінця-краю йому не було видно. Врешті-решт ми досягли його межі, і за помахом руки мого провідника повернули праворуч. Там була вже інша зала, пов'язана з попередньою лише зворотом. І полиці на стелажах тут відрізнялися: вони були вже не з металу, а з міцної надійної деревини. А на стовпах між прольотами висіли різноманітні прикраси, як-от: лицарські обладунки на одному, гумова голова Івана Хрестителя на другому, потім щось схоже на грецьку амфору, якийсь дивний і незрозумілого призначення механізм із відкритими шестернями, глибокий прорис жіночого обличчя на кам'яній брилі...

Консультант, хоча й ішов попереду, якимось своїм третім оком побачив мою зацікавленість, загальмував і розвернувся до мене.

— Оформленням інтер'єру за нашим запрошенням займався вельми відомий дизайнер, теж із Греції...

Доволі фальшиво він промуркотів перші такти сиртаки, та не встиг закінчити, оскільки раптово зникло світло. У повній темряві, як навпомацки, долинув голос:

— Не хвилюйтеся, невдовзі запрацюють генератори.

Втім я й так не дуже захвилювався, а дістав із кишені свій ліхтарик і ввімкнув його. Не знав, куди направити промінь, тож висвітлював то підлогу, то стелю, то жіноче обличчя на кам'яній брилі. Хвилини за п'ять мій візаві журливо сказав:

— Мабуть на морозці не заводяться... — А ще за хвилину вирішив. — Ви не нітьтеся, чекайте тут, а я зараз піду й розберуся з цим усім...

Кудись у темряву посипалися його дрібні, як посічений горох, кроки.

Залишившись на самоті, я покрутився на одному місці, а потім вирішив не гаяти дарма часу й пройтися трохи

вперед. Та довго це не тривало: у світлі ліхтарика загострені в далечині стелажі з обох боків, ніби бичі роги, ткнулися в стіну. І справа, і зліва темніли нові коридори. Цього разу я пішов ліворуч. Тут вже не було ані стелажів, як таких, ані полиць. Стіни, схоже, побілені вапном, відчуття сирості навкруги, і загалом якось холодніше... У моїй уяві саме такими мали б бути тунелі Антарктиди в далекий Землі Королеви Мод...

Промінь ліхтарика кидався з боку в бік. Замість полиць у стінах я побачив глибокі ніші. Звісно, в них не було ані побутової техніки, ані дизайнерських прикрас інтер'єру. Там траплялися дивні речі. Наприклад, глиняний горщик із металевими елементами згори. Чи це не багдадська електрична батарейка понад двотисячної давнини? Звісно, і її можна вважати певним павербанком...

В інших виїмках були ще більш незрозумілі артефакти: гранітна грудوماха, з якої дивним чином стирчала муміфікована людська рука; щось схоже на мобільний телефон, але з обпаленої глини; старовинний на вигляд папірус із намальованою на ньому мапою невідомо яких земель...

Я б і не помітив, що вже вперся в нову стіну попереду, якби однією ногою не зачепив щось, що стиха зашурхотіло. Я швидко кинув світло ліхтарика донизу. Там відблискував білесенький людській кістяк, і прикрашав його гладкий, ніби охайно виголений, череп. А ще біля вапняної холодної стіни лежав справжнісінький меч.

— Гарна прикраса інтер'єру! — нервово промовив я вголос, хоча сам злякався власних слів: луна від них почала довго битися помежи стін, ніби кажан у крижаній пастці.

Час луни минув, та все одно звідкілясь линули сторожкі звуки: чи то кроки, чи то тупіт з якогось бічного відгалуження.

Автоматично, про всяк випадок, я взяв меч — він доволі зручно примостився в стиснутій долоні. Зігнувшись, я дрібними кроками рушив назад, хоча в нервовому напруженні вже не міг пригадати, з якого саме боку сюди зайшов. На галай-балай я повернув уліво. Тут був ніби вже знайомий коридор із дерев'яними полицями на стелажах, проте прикраси на стовпах нагадували атрибути вуду: чорні патички; безформні воскові фігури, пронизані довгими голками; якась африканська машкара, схожа на маску з кінофільму «Крик», але чорна...

Я зрозумів, що заблукав, і заходився шукати вихід. А темрява навколо шепотіла. Кожен знає, що темрява породжує страх. Хоча, можливо, сам наш страх породжує темряву.

Десь збоку, з-за полиць, почувся тремтячий, чи не дитячий, голос:

— Дивись, він тут! Ховайся!

Промінь мого ліхтарика кинувся між стелажів, але висвітлив лише темряву.

Я розумів, що цілковита темінь психоделічно впливає на свідомість, та не міг здолати страху. Мене все більше бентежили ті самі звуки, які я вперше почув біля кістяка — вони й тепер ніби наближались. Оце тупотіння... Воно ставало гучнішим.

Все ж я пішов уперед, висвітлюючи шлях ліхтариком однією рукою, а другою відчайдушно розмахуючи мечем. Плями від світла танули й породжували власні тіні. Згодом виникло дивне відчуття: я веду світло попереду себе, але темрява на крок позаду навшпиньках слідує також. І чим далі я йду, тим більше темені ведуть за собою. Схоже на те, що я — носій темряви? Якщо вгледітись у своє внутрішнє існування, то чи не виявиться хибним і фальшивим твоє власне світло, оскільки воно насправді породжує морок... Зворотній бік світла...

Коли раптово засяяли всі лампи і плафони в магазині, я спочатку вирішив, що згаснув мій ліхтарик, бо взагалі втратив зір. Та він повернувся швидше, ніж я встиг перелякатися. Попереду, зовсім близько, я роздивився каси та фойє. Там же зненацька виникла фігура мого консультанта.

— Он ви де! — почувся радісний голос. — А я тут бігаю, шукаю вас. Ось ваш павербанк!

Він розмахував невеличкою коробкою, та коли я наблизився до нього, консультант вилупив на мене запорошені подивом очі. Я зрозумів, що з ліхтариком в одній руці й з мечем у другій міг нагадувати якесь міфічне божество. Вимкнув ліхтарик, сховав його до кишені.

— Перепрошую, але це прикраса інтер'єру... Не продається... — консультант скопив очі на меч. — Дайте мені! А ви заберіть свою покупку...

Ми обмінялися. Тільки-но меч опинився в руці консультанта, як забуллена посмішка раптово прорізала його обличчя, ніби блискавка. Він дивно нахилився вперед і почав помалу насуватися на мене, тримаючи меч перед собою. Лише зараз я звернув увагу на бейджик хлопця й прочитав його ім'я: «Тесей». Я мляво позадкував, прикриваючись коробкою. Та відступати було нікуди — спина вперлась у стелажну полицю.

— Тесей, ти вже звільнився? — почувся рятівний голос охоронця з фойє. — Тут нові покупці прийшли!

— Ну ми поки ще не покупці, а лише відвідувачі! — долетів дзвінкий голос: жіночий і кокетливий.

— Зараз підйду!

Дуже повільно Тесей простягнув меча повз мене й поклав його на полицю. Ще декілька секунд він прицільно дивився мені в очі — незрозуміло, з якими почуттями. Ніби оте ранішнє мокре простирадло вже висохло, а тепер лише цупко горбатилося.

— Вільна каса — крайня ліворуч, — нарешті вимовив він. — Поздоровляю з чудовим придбанням! — І пішов геть, навіть не озирнувся.

Лише коли я розрахувався, вийшов на вулицю й попрямував до автобусної зупинки, мене оповило почуття втоми. О четвертій було вже майже темно, та Місяць у повні висів низько, ніби і йому бракувало сили піднятися. Я не став перевіряти місячну панель павербанка, а просто розглядав яскраве коло крайнеба.

Ще за шкільних часів мене вельми цікавив наш супутник. Я навіть мав настінну мапу видимої сторони Місяця. У нічній темряві легко міг вказати на Море Дощів або на Океан Бур. Хоча більше приваблювали мене Озеро Снови-дінь і Болото Туманів...

Та зараз я не міг упізнати нічого знайомого, неначе Місяць дивним чином повернувся до мене своїм протилежним, невидимим раніше боком. А може, так воно й сталося? І сяє він тепер якимось протилежним до звичайного світлом.

ЗАТЕМНЕННЯ

Ракетна атака розпочалася дещо несподівано. Звісно, повітряна тривога пролунала ще пів години тому. Гучні, але й меланхолічні, співи сирен примушували відчутти себе Одиссеєм, та Максим не прив'язував себе до щогли, якої взагалі не було, адже будь вона тут, то просто проштрикнула б квартиру поверхом вище.

І тоді б неодмінно з'явився сусіда зверху зі своїм невпинним перфоратором напоготові й почав базікати. А говорити Максим не любив, особливо з людьми. Хоча коти й собаки розуміли його чудово, завжди вітали при зустрічі, та й сам він ставився до них із повагою.

Дві ракети пролетіли над його будинком із пронизливим сюрчанням останніх осінніх цвіркунів. А потім пролунали голосні вибухи, настільки громохкі, що навіть шибки у вікнах дзвінко затремтіли, мабуть злякалися. У хаті потемнішало — чи тому, що вимкнулась електрика, чи від листопадової темені, коли вже о четвертій сонце провалюється геть і навіть не встигає зойкнути останнім променем. Мобільний телефон повідомив сором'язливою скоромовкою: «Зв'язок відсутній». Максим не здивувався, бо це вже було певною ознакою, прикметою — нема електрики, то не буде й контакту з навколишнім світом! Цивілізація...

Він поплентався до кухні, щоб попити, але й вода зникла як невловимий сон: от щойно ти заринався в нього, відчував себе частиною його, аж раптом гульк! — ти в холодному ліжку, з мокрими очима й пересохлим горлом... Промайнула лише одна думка: «Тю...» Мимохіть Максим, ніби улюблену кицю, погладив долонею батарею, одначе

опалення теж пропало, і температура в кімнаті почала стрімко падати, неначе зі скелі в прірву, буцімто у вільному польоті, коли ти холодієш та аж ніяк не відчуваєш себе вільним.

Вдягатися в напівтемній кімнаті було дещо незручно — штанини обплітали ноги, а ліва холоша взагалі ховалась у пільмі та постійно скручувалася вузлами знизу. Тоді Максим увімкнув кишеньковий ліхтарик, і штани одразу стрійно вирівнялися, вже навіть готові були віддати честь, але рукава знаходилися в іншому підрозділі. Мета Максима була доволі проста — вийти на вулицю й попити гарячого чаю в кав'яреньці, що поблизу працювала на бензиновому генераторі (бо невідомо, коли електрика ввімкнеться).

Однак усе складалося непросто. Осінні калюжі ніби зі снігом побралися. Схожі на нічні кошмари — невизначеної глибини, — вони заманювали своєю простотою й відкритістю. Та варто було лише потрапити в їхні обійми, як холодна темрява заливала ноги і душу... Перехожі, звично, були доволі дивними. Якась бабуся, вбрана як чортик із табакерки, волала до своєї маленької собачки (до речі, теж вдягнутої в строкаті штанці): «Жуля! Не ходи туди! А ну повертайся! Не йди туди! Жуля, ти що — глухоніма?»

І в цей же час за спиною Максима пролунало гучно: «Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!» — і все це під дзвінки стройові кроки, від яких краплі калюжної води розліталися, ніби сполохана зграя птахів. Це був місцевий дурник на прізвисько Лабодя, який навіть влітку ходив у довжелезному макінтоші, а своїми вигуками так лякав дітей навколо, що ті раптово починали лопотіти іноземними мовами. Максим майже непомітним нахилом голови привітався з дурником, оскільки бачив його вже не вперше. І справді — у минулому столітті вони разом навчалися в одному коледжі, але потім кожен пішов своїм шляхом.

Стихийний базарчик поряд із кав'ярнею був доволі людний — відсутність світла гнала людей на вулицю й примушувала задля хоча б якоїсь розваги щось купувати. Про що говорилося навколо, Максим не міг второпати, оскільки до його вух долинали лише шматки, недоїдки розмов, ніби кургузій краєчок піци, що кинули в смітник.

«Скільки коштує ваша печінка?» — «Моя безцінна, а про яловичу можемо поговорити». — «Та який же це кролик? Це — нутрія!» — «А ви на лапу, на лапу подивіться! І полапайте — вона не штучна!» — «У вас теж зв'язку нема? Чи є якісь зв'язки?» — «Ой, всі ці зв'язки такі небезпечні... Читала от одного експерта, П'єра Шодерло де Лакло, так він...» — «Я кажу — це аварійне вимкнення!» — «А я кажу — це за графіком, графічне!»

Певна графіка вбачалась і в навколишньому просторі: нудна мжичка маскувалася під світлий сніг, а отже білий мазок, вкладений вміло, лише підкреслював спадаючий приєрмерк. Та й фігури навкруги з геометричною штучністю креслили свої кроки. Майже груди-в-груди Максим зіштовхнувся з перехожим, якого спочатку сприйняв за жердину, якими підпирають штучні навіси в ятках. Але на цій палі згори було щось схоже на пілотський шолом у стилі ретро, хоча весь інший вислий одяг наводив на думки про безхатька. Постаць не давала можливості визначити гендерні ознаки, вона лише світилася великими очима. «Аж надто великими...» — підкреслив Максим, і ця риска підштовхнула думки в бік обачності й ризику.

Втім цей сторонній лише хитав головою й намагався щось мовити. Величезні очі з зеленуватого обличчя дивилися з непохитною журбою. Зненацька праве око в нього закотилося в зеніт, а ліве занурилось у надир. Він ще й поволі почав підіймати руки догори, тож взагалі став схожим на опудало, яке ще не встигли набити соломою.

— Зв'язку... — почулося тихе шипіння невідомої істоти, ніби шерех ящірки по сухому листі. — Нема зв'язку з кораблем...

Із неперевіраних джерел Максиму було добре відомо, що прибульці вельми цікавляться війнами на Землі й завжди ладні викрасти кого-небудь. Максим не хотів бути викраденим і перетворитися на «Крик» Мунка, тому він дістав із кишені невеличку купюру, сунув її в руку прибульця та відсторонено дав пораду:

— Спробуйте підключити роумінг...

На вулиці стрімко темнішало, і гарячого чаю вже не хотілося. Максим поважливо кивнув жердині та хутко попрямував додому. Одначе хутко це зробити не вдалося.

— Sir, — гукнув до нього дитячий впевнений голос, — don't you want to buy a toy for your cat?¹

Схоже, тут нещодавно проходив Лабодя... Проте маленька леді пояснила:

— Ми розпродаємо свої іграшки й збираємо гроші для ЗСУ.

Дійсно, на засніженій лавці було розкладено чимало цінного для діточок певного віку — конструктори та фігурки з кіндер-сюрпризів, яскраві пластикові пупси, гральні кубики різних розмірів і кольорів... Дівчинка та дві її подруги сліпучими ліхтариками освітлювали свої скарби й з очікуванням дивилися на Максима. Потім лідерка гурту простягнула йому сіру мишку:

— Дідусю, може таке вам підійде?

«Але ж kota в мене немає...» — подумав Максим, але взяв іграшку й почав її роздивлятися.

— Це з пап'є-маше?

— Так! — радісно відповіла юна волонтерка. — Із пап'є-миш'є! Я сама цю мишку зробила!

¹ Пане, чи не бажаєте придбати іграшку для свого котика? (англ.)

Максим віддав усі свої гроші, хоча й було їх небагато, а мишку поклав до кишені. Та одразу зашурхотіла й почала підгризати крихти від учорашнього гарячого сандвіча, який Максим відносив додому собі на вечерю.

Проходячи повз дитячий майданчик, який був засніжений нанівець, він раптом почув несміле нявкотіння. Розгледіти кошенья на білому сніговому тлі було майже неможливо — чорнив лише крихітний трикутник носу та великі-великі очі. «Аж надто великі...» — подумав Максим і, наче викрадач, озирнувся вправо-вліво. Обабіч нікого не було, тож кошенья швидко опинилося під курткою на рівні живота.

Біля під'їзду сусідки-тітки обговорювали вчорашні новини, оскільки сьогоднішніх отримати ще не змогли. Коли Максим проходив повз них, вони замовкли й почали пильно придивлятися до нього, бо однією рукою він підтримував пузо, немовби ніс плід.

Тільки-но Максим увійшов до своєї квартири, як смартфон його чітко проговорив: «Відбій повітряної тривоги!» Чомусь і світло враз з'явилося.

«Це мабуть аварійне ввімкнення», — подумав Максим і швиденько на електричній плиті почав варити каву — саме таку, яка була йому до вподоби. Біле кошенья, лежачи посеред кухні, вміло вилизувало одну зі своїх лап, не звертало уваги на паперову мишку й скося поглядало на Максима своїми величезними очима.

І Максим радів, що викрадення все ж відбулося.

ЗАКРИВАЮЧИ ГЕШТАЛЬТ

«Тенета

Я завжди почувався павуком — ще з дитинства. Павук-довгоніжка, що жив у нас на кухні за холодильником, небоязко й залюбки бігав по моїх дитячих долонях, обережно переходячи з однієї на другу. Я тоді дивувався: як він не плутається в своїх численних ніжках, а рухається струнко та стрімко? Одначе варто було з'явитися на кухні ще комусь, як мій друзяка швидко плигав на підлогу й ховався в своєму закуточку.

Якби я бодай натякнув, що ми в ті часи говорили з ним про усе, то мене одразу зі щирим уболіванням запротують до психіатричної клініки (а це, до речі, для будь-якого письменника є не найгіршим виходом).

Пригадую, як колись іще студентом відвідував свого приятеля в сумновідомій “Павловці”, а він, у казенному халаті, з тонкою усмішкою знавця говорив про любов, про її недоречність, і лише перев'язані плесна з порізаними венами косилися чистенькими бинтами на нього недовіливо.

Ми ходили тоді кирилівськими пагорбами серед ще теплої осені, а золоте листя підіймалося з кожним кроком і линуло грайливо чи не до колін. Згадували Ніцше й Шопенгавера. Та сплинув час, і колишній пацієнт став консультантом із холодильної техніки в доволі успішній компанії. Тепер усі свої думки та сили він спрямовував на утримання жінки з трьома дітьми — прискіпливо й бездумно. Мабуть його вилікували в тій клініці і від депресії, і від любові, хоча не скажу напевне, адже надалі наші шляхи вже ніколи не перетиналися.

...Я переконливо й старанно сплітав павутиння слів, будував безглузді твори, що подобались видавцям і читачам. Та не раз пригадував слова отого мого однокурсника про недоречність любові (навіть без вже набридлих цитат Ніцше).

“А до чого тут любов?” — запитає будь-який байдужий, але підкреслено чемний книжковий жук. Цього персонажа ми залишимо ентомологам, а я все поясню дійсно зацікавленим. Адже інколи різати правду — це як різати вени...

Павутинка

Перша закоханість — ніби перша мерехтлива павутинка, з неї починається майбутнє...»

Андрій відклав рукопис і задумався. Оповідання називалося «Закриваючи гештальт». Ніби все гаразд, редагувати нічого: стиль іронічно-витриманий, слова підібрані вдало, і хоч самі по собі ці павучі ремінісценції є дещо чудернацькими, однак то вже авторська примха. Тема, звісно ж, банальна — будь-хто проходив ці етапи «майбутнього». І сам Андрій стикався з чимось схожим, але було це справіку, ще в минулому житті. Чи не кожний рукопис, який надсилали йому згори, сповідав про несамовите кохання, відчайдушні вчинки заради прихованої зради або помсти тощо.

Тексти від Контори приходили лише на папері: роздруковані на принтері, вдало набиті на друкарській машинці, а одного разу рукопис взагалі був виписаний від руки хрестиком... Та Андрій старанно вичитував історії сторонніх персонажів, тишком примірював їх на себе, ніби вдивлявся в криве дзеркало. Майже завжди складалися вражаючі збіги, але Андрій зазвичай відмахувався від порівнянь, адже банальність панує світом!

От і в теперішньому творі автор слиняво повідував, як закохалися студент і школярка-випускниця. Вони ще й цілуватися по-справжньому не вміли... обійми з вибуховою хвилею... ерекція з присмаком сорому...

Андрій знизав плечима — вміння приходить із досвідом. Хоча, звісно, на це потрібен час.

...І так вкрай рідкісні зустрічі припинилися — школярка стала абітурієнткою, готувалася до екзаменів. А з осені студент вже взагалі не пасував своїй пасії, адже вона й сама стала студенткою (щоправда, іншого вишу). За описами автора, вона була вкрай вродливою, розкішною в усіх сенсах, тож і увага чоловіків до неї спліталася в суто своє, ефемерне й феромонне, павутиння.

«Ну начебто якийсь вертеп із Вертером...» — досадливо подумав Андрій: заяложено, тривіально, пласко.

Втім треба було читати далі.

«Біла павоть

Сніг навкруги падав так спокійно й тихо, що навіть моя мовчазна присутність здавалася галасом. Білі фіранки на вікні другого поверху приховували будь-який рух у кімнаті, де вона чи то вечеряла, чи то схилялася над підручниками. Де була вона.

Інколи на завісці мигцем проковзала майже невловима оком тінь, ніби метелик прослизнув повз павутиння й розтанув у небі.

Сніг порошив там три дні й три ночі. Це я можу підтвердити особисто.

Але думка про метелика змінила все. Навіть не думка, а давній спогад.

...Я тоді ще ані читати, ані писати не вмів, і вперше опинився біля моря. Біла піна мережила крайок пляжу, ніби та моя люба павутинка біля холодильника. Під водою з піску маячила дивна довгаста черепашка, ледве кольорова, але схожа на крильця метелика.

“Морський метелик!” — захоплено вигукнув я.

Мушля була дбайливо прихована в кишені, віднесена до кімнати, яку знімали батьки біля моря, а я заснув із почуттям радості, адже тепер мав поруч щось любе.

Зранку я дістав свою теперішню улюбленицю й побіг до батьків, радісно галасуючи: “Метелик розкрив свої крильця!” Дійсно, стулки черепашки розсунулися, звідтіля виглядала навіть її сірувата ніжка.

Мама мене заспокоїла (якщо можна так сказати): “Та ні... Ракушка померла, оскільки може жити лише у воді... Ось тому й розкрилася...”

Рюмсаєв я тоді весь день.

...Але тепер, у павутинні снігу, ніби льодяний павук, я зрозумів найголовніше: “Ти вбиваєш те, що хочеш відчайдушно утримати біля себе”.

Або так: “Якщо розкриєшся перед кимось, то помреш”».

Андрій лише гмикнув на такі сумнівні афоризми. Адже цілу вічність він перебував тут і стикався з такою кількістю різноманітних висловів, що вже навіть не намагався запам’ятовувати їх. Ба навпаки — викидав ці дурощі з голови, ніби павук висмоктане тільце здобичі з павутиння. Андрій гмикнув повторно, коли в думках виникло це порівняння з павуком.

Що не кажи, а читані твори впливають і на свідомість читача. Інколи йому здавалося, що він лише пригадує свої попередні численні втілення, інкарнації, яким і ліку нема. От і зараз він не зміг втриматися від зіставлень.

...Врешті-решт студенту набридло стояти під вікнами, а відчай свій він приховав під почуттям образи. Минув час, відчай розтанув, ніби той сніг, але образа залишилась і навіть розквітла під весняним сонцем. А ще почала цвісти пустопорожня квітка помсти...

Андрій почухав потилицю — у нього нібито все було не так, під вікнами він взимку не вистоював, хоча... У схожій ситуації він самотужки приєднав себе до шотландського Ордена Будяка, бо ухопився за його девіз: «Nemo me impune lacessit»¹.

¹ Ніхто не образить мене безкарно (лат.).

Але коли це було?..

В оповіданні наступні події відбувалися вже двадцять років потому. Колишній студент став відомим автором, проте як і раніше рефлексував на тій же «колишній» закоханості. (Андрій і сам раптово придумав афоризм: «Мазохісту й у пеклі комфортно!»)

...На черговій презентації нової книги відомий письменник одаровував шанувальників автографами. І от підійшла вона. Настав той момент, якого він потай чекав дотепер...

«Закриваючи ґештальт

Знайомі очі були такими ж блакитними, як і колись, наче небо, і я ніби знову закохався в них.

— Підпишете, авторе? — Її погляд був блискучим і яскравим. — А може, впізнаєш?..

Долаючи очікувану несподіванку, краєчком губ я зобразив інсультну посмішку.

— Як же, як же... Ти як тут опинилася?

— Побачила на книжковому магазині плакат зі знайомим прізвищем. Вирішила перевірити: а чи не ти це?

— Я це, я це! Давай зустрінемося пізніше, мені ще треба цей рекламний перформанс завершити.

Вона дивилася на мене лагідно та з любов'ю.

— Я в місті проїздом, на завтра їду далі, але зупинилась у готелі напроти твого книжкового перформансу. Номер 144. Розумію, багато чого змінилося, і ми вже змінилися, але раптом... — її погляд був схожим на той, двадцятирічної давнини, коли ми тільки-но починали опановувати “майбутнє”.

.....

Коли павутиння сплетено майстерно, треба лише чекати терпляче, коли здобич опиниться в ньому...

Як і завжди, я прокинувся на світанку.

Тихесенько піднявся з ліжка. Її золоте волосся огортало подушку, а сама вона була закутана в простирадло, ніби метелик, вміло оплетений м'якеньким павутинням...

Тихцем я вдягнувся, залишив на столі двадцять доларів і пішов геть.

Хтось може сказати, що ця помста була аж занадто "нешляхетною"...

Та опинившись на вулиці, я відчув спокій і задоволення — гештальт було закрито».

Андрій чи не підстрибнув: чому автор приховує те, що могло статися далі? Адже все було не так, і на цьому не скінчилося!

Клята Контора ніби навмисно провокувала його на спогади. Андрій подумки опинився в тому — минулому — своєму житті. Звісно, не було ніяких автографів, і не двадцять доларів він залишив на столі, а п'ятдесят...

І не було відчуття спокою та задоволення!

Сподіваючись повернути безглуздо втрачене, він до опівдня набирав номер телефону, але чув те саме: «Абонент поза зоною досяжності».

Лише під вечір із новин він довідався, що в передмісті в ранковий час сталася автотроща, загинула молода жінка. Схоже, що в стані стресу вона не змогла (або не захотіла) впоратися з керуванням на шаленій швидкості.

«Чому вони так зі мною?.. — приречено думав Андрій про Контору. — Ніби навмисно...»

Він спробував згадати: а коли він опинився тут, навіщо й за що? Та навкруги темнішало, темрява, огортаючи його, м'яко тиснула. Буцімто він потрапив у тенета власної пам'яті.

Так-так. Адже годинник вже зупинився.

ПЕРЕКЛАДИ-ПЕРЕСПІВИ

(2010–2022)

З англійської

Едгар Аллан По

КРУК

Глибиною ніч гнобила, чи то спав, чи то наснило,
Та знічев'я на півсили я прокинувся од сну,
Бо у двері хтось постукав. «Чи то друг, чи недолуга,
Чи когось пекельна мука (як мене!) у глибину
Затягла?.. Та ні! Знайомий повертається з шинку,
Й має постать неструнку!»

Так, я пам'ятаю стало: грудень гаснув, ніч зростала,
Свічка, крісло, покривало... Я ж, замотаний в габу,
Думав про Ленор у щемі, ту, святу, що вже в Едемі...
В манускриптах намагався відшукати провідну
Згадку про Ленор, кохану... (Я сторінку цю сумну
Зроду не перегорну!)

Фіолетові фіранки тіпались, немов підранки.
Страх прийшов... А ще до ранку — як на гарну новину...
Може, віджахну я словом?.. І сказав тоді налопом:
«Це, напевно, хтось-нероба повертається з шинку.
Привітаю візитера. Відтепер я все збагну —
Відчиню і пригорну...»

І у лагідному стані розпластався в привітанні:
«Вибачайте, пан, чи, пані, я куняв у ніч хмурну,
Ви ж постукали тихенько, як бува, моє серденько...»
Двері відчинив хутенько — анікого. Бачу млу,
І відчув, якщо тут буду ще хвилину, хоч одну —
То у темряву пірну...

Все ж, у мріях нерухомо я стояв, не йшов додому,
Ця жагота невідома ні тепер, ні в давнину.
«О, Ленор!» — я чув навколо, й зірка з неба впала долу...
Мабуть сам шептав я кволо і дослухував луну...
Та не чув і більш не бачив я підказку позивну —
Тільки чорну пелену.

Повернувся до кімнати помарнілий від утрати,
Манускрипти сів читати з думою на дивину.
Згодом чую серед тиші постук той же, та гучніше.
«Вітер це! Йому ще гірше, серед снігу, дикуну.
Так, це просто вітер б'ється мерзлим серцем по вікно,
Мовби згадує весну!..»

Раптом, ніби ненароком, з-за порт'єри над порогом
Вийшов крук поважним кроком, чорним оком зазирнув
Просто в душу!.. За хвилини злинув, сів на бюст Афіни,
Ніби виліплений з глини, там заляк — ні тпру ні ну...
Може все це — сновидіння?.. Я всього не осягну,
Бо не вибрався зі сну?..

Та втомився від невір'я... «Крук! Тобі не поводить я!
Ти на тім'ї носиш пір'я, що перуку чепурну.
Певно, ти прожив чимало, при тобі світи згасали.
Як тебе іменували у прадавню сивину?»
Крук же відповів суворо, ніби дмухав у сурму,
Щось таке: «Не поверррну!»

«Це — ім'я? Ти втратив розум! Чи від літ, чи від морозу...»
Я не відчував загрози і зорив на дивину:
На погрудді у кімнаті крук сидить, в очах багаття,
Висить понад ним розп'яття... «Поклюєш горобину?» —
Жартома спитав я птицю, що прийшла в цю ніч сумну,
З назвиськом «Неповерну».

«Мабуть збився ти з дороги. От перепочинеш трохи,
А на ранок вже, їй-богу, полетиш у далину...
Навіть не залишиш спадку — ані пір'ячка на згадку...
Тож підтвердь мою здогадку: ти на запірку дверну
Не дивись, а дзьоб свій гострий поверни праворуч, ну!»
Крикнув Крук: «Не поверррну!»

Здивувався я не штучно: «Відповів ти вельми влучно!
Хто ж він був, хто так розпучно птицю виплекав ручну?
Певно пан твій жив непишно, день і ніч волав невтїшно,
І сприймав життя тодішне як обірвану струну...
Поминав свої надії, мрії, юність чарівну,
І ридав: «Не поверну...»

Крук термосив головою, наче кпився наді мною.
Я подумав: «Отакої! Я тобі не потакну!»
Та цікаво — що зібрав ти серед правди і неправди?..
Й головне, чого заради ти збираєш по зерну
Спогади і сподівання? Прилетів у глушину
І ячиш: «Не поверну»...

...Світло ламп в моєму світі відбивалося щомиті
І на синім оксамиті подушок на лежаку,
І на шторах, йшло на стіни, на похмурий лик Афіни...
Годі слухати незмінну мову крукову нудну!
Краще покладу під карк я цю подушку похватну,
Й вухом не поворухну!

У думках своїх за плином плив я плавно і невпинно,
Згадував Ленор безвинну, ту, безгрішну, рятівну,
І благов найвищі сили, що весь всесвіт охопили,
Повернути образ милий, цю вродливість неземну!..
Та зненацька шестикрилий крук дав стусана нутру,
Й прокричав: «Не поверррну!»

Я ледь стямився й озлився: «Ти в думки мої вселився,
І чатуєш там на лиця, щоб відкрити таїну?!
Ти, володар жаху, Каїн, — знати знай, хто твій хазяїн!
Все, що в серці я тримаю, я навпіл не перетну!
Поверни хоча б мій спокій, бо інакше прожену!»
Крикнув Крук: «Не поверррну!»

Я нечутно мовив: «Боже!» Тільки ж Він і допоможе
Відігнати все вороже, дасть осяння талану.
...Буду я з Ленор невдовзі йти по зоряній дорозі...
Всемогутній витре сльози, стопить тугу крижану,
Поверне мені надії, як не всі — хоча б одну!
Крикнув Крук: «Не поверррну!»

Крикнув я: «Ти, чорний блазень, чванишся від повноважень?
Врешті-решт я ще не в'язень, що знайшов свою куну!
Круче! Я тебе примушу повернути мою душу
(Не безгрішну, хоч і тужну, не святу, та не брудну,
Ти ж збираєш грішні душі — для чортів сировину)!»
Крикнув Крук: «Не поверррну!»

...Все сидить ота ворона, ця пекельна охорона.
Ой, пробач, я несвідомо скоїв витівку дурну!..
Крук сидить, і я не рушу, тинь Його вганяє в стужу,
І з цієї тіні душу я свою не поверну,
День і ніч кволю в кріслі, мов потрапив у труну...
Й вже себе не поверррну!

(1845)

НА САМОТІ

Я ще з дитинства був на сам,
не вірив спільним чудесам,
і навіть спалахи весни
сприймав як лаву рідини.
Мій смуток непробудний, так!
Його і серце-неборак
тримало у тремтінні гам...
Все, що любив — любив я сам.
Дитинство стануло, однак
створився карколомний знак
із глибини добра і зла —
його тропа не поросла
і досі. Ніби водоспад,
що з гір спадає навздогад,
мов осінь, що змиває все —
брунатне, сіре, золоте,
повз блискавок, що б'ють за крок,
і повз моїх сумних думок, —
у грозовому небі в мет
з'явився дивний силует.
(Блакить у небі все росте),
а прорис — демон, от і все¹.

¹ Вірш було написано (з автографом) в альбомі Люсі Холмс Балдерстон. За життя По ніколи не друкувався (По помер у 1849). Перша публікація була у вересні 1875 року в факсимільній формі. Зараз цей твір вважається одним із найбільш показових творів По.

Джон Донн

СОНЕТ X

Смерть, не паній, хоча і визнають,
Що ти є найвеличніше цабе
(Це ті, хто вже очікує тебе),
Хоча лише у снах ти ладиш лють.

Та ні, у снах — безмежна каламуть,
Де всяк із задоволенням гребе
До тебе. Адже тіло вже слабе,
Й сама душа занапастила путь.

Всяк долі раб, як і король, і троль —
То війни, то хвороби, то зло слів,
Всі сплять. Чим сон від макових голів
Солодший, ніж твоя вадлива роль?

Ти, смерть, на Божий Суд прийдеш. Авжеж!
І, як останній ворог, ти — помреш!¹

*(Було надруковано в 1633-му,
через два роки після смерті поета)*

¹ Останній рядок сонету посилається на Перше Послання до Коринтян (15:26).

Зігфрід Лорейн Сассун

ВІДПУЩЕННЯ

Земля в журбі, а зір в ярмі оман,
На сяяння краси ми вже німі.
Війна — наш бич, та підказала нам:
Лише в бою за волю вільні ми.
І біль, і гнів, і пал, і острах свій —
Здолаєм все, бо вийшли за поріг.
Щасливі ми в дружині бойовій,
А час — то вітер, що трясє моріг.
Була пора, коли віщав митець,
Ділились ми здобутками своїми,
Але тепер — це спадщина сердець.
Цього ж достатньо, друзі-побратими?

(1917)

З грузинської

Галактіон Табідзе

БУРЕВІЙ

(Карі кріс)

Буревій, буревій, буревій.
Блякле листя у вирі веде,
Бо дерева програли двобій.
Де ж ти, мила моя, де ж ти, де?..

Тужна мжичка, і сніг мерехтить.
Пам'ятаю тебе кожному мить,
Та боюсь, що у вирі життя
Не здолає ніхто забуття.

Зникне слід мій, так само, як твій.
Буревій, буревій, буревій...

(1924)

МЕРІ

Чи не вирок ніч вінчання, Мері?..
Мері, на очах позір твій танув,
Навіть блискавки золотопері
В небі чорному несли оману.
Тріпотіло світло у соборі,
Вила осінь від усіх усюдів,
Лики загадкові та прозорі
Над усе нагадували суддів.
Свічі мріли, пахло до тремтіння
Квітами, вінками і землею,
А псалми вчувались під склепінням
Голосінням зі смаком елею.
«Так...» — а вії ніби в павутині.
Чом ти опустила очі долі,
І стояла там напів у тіні?
Мері, й досі я не вірю долі!
Хтось тужив у смутку від безсилля,
Протяг видимав каміння з перснів.
Схоже це було не на весілля —
На покуту і на муки хресні.
Геть пішов я, куди очі спали,
Йшов наосліп, не шукав дороги,
Навмання, куди штовхали шквали,
Під дощем, що не вщухав ні трохи.
В бурку загорнувся. Марні мрії
Із минулим вимагали герцю.
Ба! Твоя домівка... Без надії,
Примарнілий, я на стінку сперся.
Все стояв, і рушить — ані спроби.
А тополі, з осені причинні,
Били в небі вітами, немовби
Крилами орел у далечіні.

Що тополі шепотіли? Хтозна!
Мері, я не слухаю тополю!
І моє майбутнє одіозне,
Мо, що снігом випаде на долю.
Та зненацька істина відкрилась:
Згасло що? Кого благаю нині?
Б'ються мої мрії, наче крила
Гордого орла у далечині.
Чи не я навчив тебе радіти
Світу, світлу — щиро, до нестями?
І кому носив я дивоквіти?
Для кого я віршував ночами?!
...Та згадався Лір, сей бідолаха:
Сам-один, забутий, у вигнанні...
Під дощем осіннім я заплакав.
Чи не вперше. І мабуть востаннє.

(1915)

З іспанської

Невідомий іспанський автор XVI ст.

СОНЕТ ДО РОЗІП'ЯТОГО ХРИСТА

Мене Ти любиш, Боже, не з-за тих
Моїх літаній щирих без упину,
І не тому, що у лиху годину
Боюсь я пекла за таємний гріх.

Наблизь же до Себе! Аби я зміг
Хребтиною відчути хрестовину,
Цвяхи в долонях, біль не за провину,
Щоб я збагнув Твою любов до всіх.

Така любов не потребує ждати
Ні нагород, ні визнання, ні страти,
Бо все земне — минуще. І мине.

Така любов не має огорожі,
Тож до Себе наблизь мене, мій Боже,
Щоб я любив Тебе, як Ти — мене.

Хорхе Луїс Борхес

НАГРОБНИЙ НАПИС ДЛЯ АБИКОГО

Не сподівайся, що оманний мармур
твоє нутро закриє у сумну скорину:
усе накреслить вічний пазур —
ім'я, ідеї, спогади, країну
(але у віці всі оці дрібниці).
Промовчить мармур голосніше правди,
бо сутність смерті —
трепетлива мрія,
і бездоганний біль утрати,
і насолода,
і надія,
що все прибуде поза ґрати.
Твоя душа втомилась ґрати
і нескінченності благає.
Та ти — відбиток тихий тих,
хто далі піде,
хто мріє і бажає, тих, хто є,
і віддзеркалення твоє
залишиться у них
завсіди.

(1923)

З німецької

Фрідріх Ніцше

ОСІНЬ

Осінь це: вона розіб'є твоє серце!
Так тікай же від неї геть!

Прокрадається сонце крайнебом,
Тихим кроком веде круговерть,
Спочиває, як смерть.
Все навколо засохле і стихле.
На натягнутих нитках надій
Вітер пісню співає,
І знає —
Не змінити цього, що не вдій.

Осінь це: вона розіб'є твоє серце!
Так тікай же від неї геть!

Падає з дерева плід навсібіч,
Чим навчився ти,
Врешті-решт?
Ніч
Шепоче про щоки
Фіолетові,
Серед сталих облич.
...Хто шепоче ще й досі?
Вам не чути, авжеж.

Осінь це: вона розіб'є твоє серце!
Так тікай же від неї геть!

«Ні, я поза краси», —
Мовить айстра, —
«Та люблю я людей,
Може лик мій і буде — одне,
Що залишиться згадкою.
Ой! Ви зламали мене...
Нахиліться і вірте в прекрасне.
Я вмираю. Та що таке — «смерть»?..»

Осінь це: вона розіб'є твоє серце!
Так тікай же від неї геть!

(1877)

ФІГЕЛЬ ПЕРА

Перо черкає: «Пекло це! —
Мазня! Це слів незграбна брила!»
Та я утримую лице:
Не заощаджую чорнила.
Так, я творю! Не бачу меж,
Нерозуміння — в ейфорію,
Бо хто второпає (еґе ж!):
Про що пишу? Про що я мрію?..

(1882)

З французької

Франсуа Війон

БАЛАДА ШИБЕНИКІВ

Ви ще живі, брати, а ми — вже ні.
Та ви на нас дивіться без образ —
Бо хтозна, може там, у вишині,
В прийдешній час Господь пробачить вас.
Ми зв'язані, повішані, гаразд! —
Та гниючи на розі всіх доріг,
Смердючі, як зіпсований пиріг,
Ми як жили, так і померли — всує.
Не плюйте, не цілуйте оберіг, —
За нас моліться ви. А Бог врятує.

Мабуть, жили ми не в найкращі дні.
Та хто суддя? І хто віддав наказ?
Ми гойдаємося на самоті,
Ви ж скоса, зизом зирите на нас
І не вгамовуєте власний час.
А Син Марії, що помер за гріх —
Не свій! — за ваш! — що вийшов за поріг, —
Його любов і серед нас вирує.
Так не ганьбіть нас, не глядіть інтриг —
За нас моліться ви. А Бог врятує.

На сонці ми зчорніли, як в огні,
А дощ кістки вже вимив на показ,
Хотіли б ми сховатися в труні
І відчайдушно вимовити: «Спас!»,

Та наші губи, очі кожен раз
Видзьобують роти пташиних клік,
А хто б, скажіть, тут вистояти зміг?..
Чи «вивісити»... Смерть не загартує!
Хоча, й життя — сумнівний перебіг.
За нас моліться ви. А Бог врятує.

Ісус — це Майстер посеред усіх,
І зашморг би перетворив на сніг,
Та бачу — ваша совість вередує.
Господь простить. Тут недоречний сміх.
За нас моліться ви. А Бог врятує.

(1489)

Еміль Верхарн

ВІТЕР

Лютує вітер понад садом,
Над вересом і листопадом,
Причинний вітер, мов парадом,
Сурмить на смерть.
Він вирвався з небесних ґрат,
На себе йде як брат на брат.
І круговерть,
І листопад.

Серед повалених парканів
Хитаються штахеті драні
І джеркотять.
Все знищено вже на городі,
І навіть трави кличуть: «Годі,
Твоїх залять!»
А смерть в скорботі.

Та і вона комусь принада.
У листя жовтого є вада —
Шалений вітер листопада,
Що розриває на шмаття.
Гніздо пташине — чи було?
Не відшукати,
вже пропало.
Розвіяв подих забуття,
І знову, знов навів зло
Шалений вітер листопада.

А на горищі ще й шури
Заверещали пазуристі —
Листи колишньої пори
Розвіялися догори,
Вже не погризти.
І млин від блискавок хрестами
Не відіб'ється. Чорний млин.
Чи тільки вітер є один?
Чи Бог над нами?..

Та церкви банями тремтять,
І вже не мріють про найвище.
Руїна всюди, де не глядь.
Хрести чи майже вже не пада,
Бо всюди свище
Шалений вітер листопада.
На кладовищі віще він —
Повстаньте!
Та хрести руками,
Як жебраки волають: Дай!
Капличний дзвін,
Тремтячі гами...

Ви зустрічали в листопаді
(в розраді чи у безпораді)
Шалений вітер?
Де він є?
Понад заплющених очей
Він віє.
Що йому завада?
Чи воскресить, чи може вб'є,
Шалений вітер листопада...

(1895)

З російської

Інокентій Анненський

* * *

Серед зірок, в космічній колії
Одну зорю я згадую, як долю.
І не тому, що я люблю її,
Але тому, що я без неї в болю.

Серед буденних і безглуздих дій
Кричу я їй, коли буття вже зблідло.
І не тому, що бачу світло в ній,
Але тому, що з нею зайве світло.

(1909)

Сергій Єсенін

ЧОРНИЙ ЧОЛОВІК

Друже, друже!
Я дуже і дуже нездужав.
Не второпаю сам —
чи то біль від знедоль?
Чи то вітер осінній
лани безпорадні паплюжить,
чи, як гай в листопаді,
завалює тям алкоголь.

Голова моя вухами-крилами має,
їй на шиї ногами
вже манячити — прич!
Чорний чоловік,
чорний чоловік,
чорний чоловік
на ліжко моє сідає,
чорний чоловік
спати не дає всю ніч.

Чорний чоловік
суне пальцем по книзі ницій,
бурмотить наді мною,
як над мерлим чернець,
читає життя
невдахи й п'яниці,
і душу охоплює
жах і грець.
Чорний чоловік
Чорний, чорний...

«Слухай, слухай!.. —
бурмоче у млі —
В книзі є безліч
невтілених планів.
Наш персонаж
проживав на землі
покидьків і шарлатанів.

Сніг у грудні в краях тих
до біса ясний,
і вітри там відспівують
в такт завірюхам.
Був чоловік той
доволі міцний,
ще й вважався у світі
зухвалим зухом.

Був елегантний,
до того ж поет,
хоч з незначним,
та яскравим блиском,
і літню кралю
у кожний мет
називав кепським
і милим дівчиськом.

«Щастя, — казав він, —
це спритність рук
й розуму. А невдахи
просто живуть у будні.
І що до того,
що стільки мук
жести несуть
облудні.

У бурях щоденних,
що віють, як дим,
де втрати,
коли на межі ти,
вдаватись усмішливим
і простим —
найвище мистецтво,
щоб жити».

«Чорний чоловік!
Ти дурна прикмета!
Чи ти не із пекла
Вийшов у вогні?
Що мені ці примхи
скандального поета?
Розкажи комусь бо,
тільки не мені!»

Чорний чоловік
дивиться впритул
і блакитні очі
сповнює блювота.
Ніби сповідає,
що я — просто нуль,
обікрив когось я,
й взагалі — голота...

.

Друже, друже!
Я дуже і дуже нездужав.
Не второпаю сам —
чи то біль від знедоль?
Чи то вітер осінній
лани безпорадні паплюжить,
чи, як гай в листопаді,
завалює тям алкоголь.

Ніч дзвінка.
Перехрестя не взріти.
Сам-один у віконця
посеред безпорад.
Аж до обрію все
білим пилом покрите.
І дерева, як вершники,
оточили наш сад.

Желіпає у ночі
пташина зловісна,
дерев'яні кіннотники,
задубілих копит перестук.
Знов цей чорний сідає
в обсиджене крісло —
у циліндрі, як пава,
й опраляє сюртук.

«Слухай, слухай! —
бубоче впритул на позір,
наїжджає на очі
пустими зіницями. —
Я ще зроду не бачив,
щоб якийсь бузувір
так безглуздо і тупо
страждав нічницями!

Помилився! —
у повені Місяць сповна!
Чи чекати чогось ще
до останнього вироку?
Може, з пухлими сиднями
прийде «вона»,
і ти будеш читати
суху свою лірику?

Як люблю ж я поетів!
Громада ще та.
Бачу давню історію —
звичну, коротку:
так прищавій курсистці
довговолоса біда
про туманності мовить,
у мріях про потку.

Вже й не пам'ятаю
(бо сам не застав),
в Рязані, Калузі,
чи вдалечінь трошки,
в родині селянській
хлопчина зростав —
золотоволосий,
а очі — волошки.

І от став дорослим,
до того ж — поет,
хоч з незначним,
та яскравим блиском,
і літню кралою
у кожний мет
називав кепським
і милим дівчиськом».

«Чорний чоловік!
Ти — не гість, а вовк!
Сором про тебе
вже давно рознісся!»
Я розлючений геть,
і летить мій ціпок
просто в пику його,
в перенісся...

.....

Ранок синьо здуває
зоряний пил.
Місяць згаснув,
та темінь не прощена.
Я в циліндрі стою.
Анікого довкіл.
Я один...
І верцадло розтрощене...

(1923)

УСЛОВНЫЕ ТЕКСТЫ

(1999–2014)

КАМЕННЫЕ ПЛОТЫ

Ложь о масонах

1

— Очевидное и элементарное не нуждается в объяснениях. Но если человек не понимает очевидного и элементарного, то и не пытайся ему объяснить это — он все равно не поймет.

— Если вы обо мне, то, думаю, можно попытаться, — я насмешливо посмотрел на помеченного глубоко въевшейся старостью хозяина дома.

Потому что — как же иначе?

Это ведь я гость, причем приглашен (да и доставлен сюда) весьма замысловатым образом.

— Нет. Это я не о тебе, — отрезал, а точнее, всю фразу он нарезал мелкими ломтиками слов. Так добротный повар крошит зеленую луковую стрелу огромным ножом, плотоядно кося в прицел нацеленной на него телекамеры.

Поводок мыслей начал тянуть взгляд в разные стороны, и действительно — в углу над громоздким книжным шкафом, да и в резном изгибе дверного косяка, поблескивало нечто. Хозяин, похоже, был неплохим физиономистом, потому что небрежно произнес:

— Не без того. Просматриваем. Прослушиваем. Оттого и пронюхиваем обо всем. Но хотелось бы перейти к делу...

— Не без того, — я сымитировал небрежность его же интонации.

Он лишь приподнял безволосые брови гордым буреветником и продолжил реяние своих мыслей, точнее — слов:

— Ты нам нужен. Потому что ты умеешь *знать*. Мы это знаем.

Был соблазн запустить и своего воздушного змея, в том смысле, что *«где собирается много знающих, там пропадает понимание»*, но я смолчал. Мое безмолвие наверняка было оценено (хоть я и сам не взялся бы сложить ему цену).

— Очевидным является существование тайного Ордена. Впрочем, это и не тайна вовсе. Но в Орден могут вступить лишь избранные.

— Избирательный процесс — штука замысловатая... — начал было я, но безбровый Мастер в бобровом воротничке (это в июле-то!) лишь мельнично замахал на меня руками и закатил глаза, словно два шара в лузу одним ударом.

Он поднялся, прошествовал (причем, даже без кровавых подбоев или побоев, даже без белого плаща) через уныло-антикварную комнату, натужно выволок (именно — выволок!) хрустальный графинчик из напыщенно-раритетной древесины, и очень по-простецки спросил:

— А не выпить ли?..

— Не худо бы, — в тон ему ответил я.

Вместе с графинчиком он прихватил еще и две обычной формы рюмочки, держа их в распальцовке. Поиграл отблесками, похоже, что хрустала, в свете обрюзгшей люстры, прижег меня выжидательным взглядом, но, не заметив никакой реакции, снисходительно пояснил:

— Алмазные. Благодаря граням, можно сказать, — бриллиантовые.

— О-о... — с пониманием протянул я, — граненные... Должно быть, работы Веры Мухиной?

Бобровый хозяин дома почти побагровел, вновь скарамболит безбровые глаза, изобразил лицом неудачный каламбур, но так ничего и не произнес. Расставил брилли-

антовую утварь на столе, паркинсоново-дрожащей рукой наполнил алмазные гранчаки. Кокаинистски, одной ноздрей, затянулся ароматом из своей рюмки, и, теперь уже расслаблено, спросил:

— Ты *знаешь*, что это за напиток?

Как и всегда — что в обыденной жизни, что в крайних ситуациях, — я, совершенно не раздумывая, ляпнул:

— Хлебное вино Болдинской винокурни Льва Пушкина, вторая половина XVIII века.

(Дело в том, что в одной из подольских пивнушек несколько дней назад мы небольшой компанией обсуждали прочитанный всеми труд Вильяма Похлебкина «История водки», причем, пытались перещеголять друг друга запомнившимися датами и названиями.)

Мой визави осоловело взглянул на меня, и забормотал, как на последнем причастии:

— Да-да... Лев Александрович выгнал эту водку — более 800 литров! — в октябре 1780-го и назвал — «Болдинская осень»... И гениальный внучек его — Александр Сергеевич — не без успеха потреблял ее... В запасах *нашего* Ордена еще двадцать пять литров хранится... по культурному обмену досталось ...

Он вдруг встрепенулся:

— За твой талант! — По касательной двинул в мою сторону свою рюмку, но так и не коснулся моей.

— Чего и вам желаю! — я в разнобой подвигал бровями и одним глотком приобщился к великому поэту.

Пушкинский самогон оказался весьма мерзковатым — с отвратным ароматом зацветшего хлебного ломтя, а по вкусу напоминал наспех приготовленный водочный фальсификат из какого-то сомнительного алкоголя с мутным прошлым. Что-то подобное мы пивали давным-давно в некотором глухом (должно быть, оглохшем от беспробудного пьянства) колхозе, когда наш «студенче-

ский десант» помогал ослабленному крестьянству в сборе урожая октябрьских яблок. И тогда тоже этот запоминающийся вкус произвел тяжелое впечатление...

Опорожнив свою рюмочку, мой вербовщик уткнулся носом в бобровый воротник своего халата, и пробыл там некоторое время. Затем он поднял голову, причем, начал говорить еще из меховых глубин:

— Повторюсь — ты нам нужен. Но в начале, вернее — в конце, еще один тест. Последний.

«Очень надеюсь, что и тост был последним», — внутренне содрогнулся я, а старик вкрадчивым полусшепотом подкинул мне очередной вопрос:

— Как ты думаешь, что Казанова (кстати, он тоже был вольным каменщиком) ответил, когда за два дня до смерти его спросили о самочувствии?

Во мне потихоньку вскипало раздражение от всей этой катавасии, попахивавшей розыгрышем, и я, с глубоко завязшим недоумением в глазах, но с неприкрытой издевкой в голосе, сказал:

— Как — «что»? «Все ничего», — ответил им Джакомо Казанова, — «да вот только что-то член застоялся...»!

Старик одобрительно закивал бритой головой:

— Именно так. Кстати, ты сейчас тоже на распутье стоишь («Спасибо за сравнение», — успел вклинить я) и выбор за тобой: быть ли в числе Правителей мира, или... не быть. Хотя, собственно, выбора у тебя нет...

— О да, — теперь уже я закивал собственной бритой головой, — быть вольным каменщиком или рабом в каменоломне — это не выбор. Это приговор. Кстати, — развалившись вальяжно в кресле с подлокотниками белой кости, я внезапно начал подумывать о повторе «Болдинской осени», но, все же, решил продолжить зондирование темы: — коль уж разговор пошел о выборе, вы читали такое, знаете ли, эссе (тоже о каменщике, в своем роде) — «Миф о Сизифе»?

В своем халате с меховым воротником, с уныло приопущенным носом, он напоминал сейчас некоего персонажа, скорее всего — старого еврея из «Голема» Майринга, а может... В общем, кого-то он напоминал. Я почти был уверен, что наверняка прозвучит риторически-лирический вопрос: — «И шо вы ждете, шоб я за это сказал?..», но услышал достаточно жесткое и насмешливое:

— Да-да, читал, читал, почитывал... И твое, и Камюшное... Альбер видел свободу в спуске с горы, ты же считаешь, что свобода достигается только трудом, каждодневным подыманием камня... Не знаю, не понимаю я этих ваших метафор... Кстати, — добавил он скороговоркой, — Камю тоже из наших был...

Вот уж... Я опять не сдержался:

— Куда ни плюнь — всюду «наши». Прямо пропутинское движение какое-то!

Мастер лишь небрежно отмахнулся широким рукавом халата, поднялся с претензией на величавость, и мелкими шаркающими шажками поплелся куда-то вглубь комнаты, а в самом конце ее, возле неприметной двери, чуть повернул голову:

— Ладно, пойдем в кабинет, там и поговорим серьезно. Орден шутить не любит...

— А сейчас мы — где? В будуаре, что ли, раз видеокамеры повсюду?

— Нет, — отрезал старик, — это просто прихожая.

Пока мы торжественно заходили в кабинет, в голове у меня заезженно крутилась терпкая фраза из Твардовского: «Так скажу: зачем мне Орден? Я согласен на медаль...»

I

Гек внимательно изучал едва уловимые движения пивной пены в своей кружке (к которой, кстати, он, как водится, и не притронется, а пить и этот, его пузатый бо-

кал, опять же буду я). Мой бессвязный, но весьма экспрессивный рассказ о вчерашнем вечере не особо его озаботил, и, похоже, даже не позабавил.

— Ну... — он все глубже погружался в кружку своим взглядом, падающим с завораживающе бесцветных глаз, — ...и что? Запихнули тебя в джип с непрозрачными стеклами... Привезли в какой-то замкнутый дворик...

Я взорвался:

— Что значит «какой-то»?! Я все киевские дворы-колодцы на зубок знаю! Исходил, можно сказать — вдоль и поперек, и по вертикали.

— Исход исходу не товарищ... Суть ведь не в том — где ты был, а что ты решил. Просто соразмерь вес предложенного с тяжестью (или — легкостью) отказа. Ведь человеческая жизнь, как и любой бульварный роман, состоит лишь из предложений...

Своей навязчиво-вязкой рассудительностью мой брат всегда (уже с детства) вводил меня в состояние тихого, полупшепотом, иступления.

— Кроме предложений, есть еще и ремарки, и примечания, — утробно буркнул я, допивая свое пиво, — и комментарии, которые сейчас, пожалуй, излишни...

С тонким визгом пустой бокал укатил на край стола, второй — полный, так и не пригубленный, прижался к моей теплой ладони, словно к ушам, словно закрывая их от насмешливо прозвучавшего:

— Главное — не стать *сноской* в чьей-то истории...

Ох уж, Гек! Должен признаться, наши с братом отношения всегда были весьма не просты. Еще с самого-самого, так сказать, — начала.

На самом деле, почти невозможно найти *начало* даже собственной жизни. Ну-ка подумайте, откуда вы себя помните? Каков первый лучик вашего воспоминания о самом себе? А что было до того? Тьма и небытие? Но вы ведь в

это не верите! И вот как странно — мы мучительно, часами пытаемся припомнить позабытое словцо или, скажем, имя помпезного киноактера, но наотрез, словно от края бездны, отступаем от *памяти* себя самого. Так глубоко... головокружительно... уж лучше — в сей час есть лишь сейчас... Спокойней, привычней...

Да я и сам, по правде говоря, помню себя лет с пяти отроду, не ранее (хотя, несомненно, что-то было и *до* того). Детский сад... карусель из семи лошадок, словно шаткое кружение огромной вселенной... лепим из прилипающего к пальцам пластилина... да, это мишка косолапый... а хвост... у него просто вырос... ой, не надо! я больше не буду!.. сейчас, сейчас... можно, я сам свою кровать постелю?.. пожалуйста... нет! не уссался опять... я сам постелю... почему на стул при всех?.. песок как время... а где мой совочек?.. да, фанерка, это тоже совочек... да, играли в доктора... не трогали пальцами, просто смотрели... у нас по-разному... нет-нет! не надо!.. да, время, песок... где мой совочек?..

Ох, уж это совковое детство! Я, почти задыхаясь, вынырываю из воспоминаний себя в том детском доме.

Одна из легенд (а все эти многочисленные легенды мы сами придумывали с Геком) гласит, что родители наши были геологами. Потому-то, покинув родной Киев, оказались в этих заполярных краях, где и сгнули в снежном буране безвестно... У детсадовских слушателей не возникал вопрос — а с какой такой радости они на Колыму детей малолетних с собой прихватили?..

Уже в ученические годы, родители наши стали золотоискателями, *старателями*, как говаривали там. Они нашли *такой* самородок-самородище, что за него их и порешили... Мы, с Геком, в детском доме были временно лишь, до конца артельного сезона, но, поскольку родителей не стало, — так здесь и остались... Школьная свора смотрела на нас уважительно...

Еще странно — откуда в нас держалась память о Киеве? Ведь в этой заснеженности, где мы провели свое детство, что-либо отличное от ледяного холода всегда, казалось чем-то тридесатым, царственным, не от мира сего...

Смутные нити воспоминаний о каштановых бульварах и узких улочках проносились с воздушной легкостью, подобно осеннему исходу паутиновой печали вдоль Десятинной, названной так во имя сожженной церкви, которая подобно божественной десятине была принесена в жертву неиствующим Батыем; а возможно (по бытующему мнению), улица эта была названа так с намеком на *messidor* — десятый месяц календаря безумных республиканцев, время скорбной жатвы и, подспудно, — ожидания прихода мессии...

Подобная многомерная неразбериха кружила и вокруг наших имен.

Чук и Гек... Слишком явный гайдаровский след был окончательно затоптан уже в пятом классе. В первую очередь, конечно же, — одноклассниками. Все зачитывались Марк Твенем: Том Сойер, Миссисипи, индеец Джо... и Гек слишком очевидно вписался в этот строй, хотя ни по характеру, ни по манере поведения он не походил на Гекльберри Финна. Зато мне пришлось отвоевывать право на свое имя, ведь в тех суровых краях оно идеально подходило к прозвищу «чукча». Кулачные бои без правил исправили ситуацию, но голубая чашка детства была разбита, как и костяшки на пальцах.

В самом начале выпускного десятого класса мне повезло. Уж не знаю, каким ветром в наш детдомовский двор, через высокую ограду, занесло картонную коробку из-под бутылки виски. Ума не приложу, как вообще занесло виски в эту исковерканную неверным севером отстраненность, где все пили преимущественно авиацион-

ный спирт (называемый «шилом»), а «Бутылочная водка — это аристократичный напиток!» — поучал нас жилистый военрук с ошалелыми от «шила» глазами. Как бы там ни было, надпись на потертой коробке подняла статус моего имени стократ. «CHIVAS Unadulterated Class» — золотилось на ней. Мы, невзирая на глушь, в которой существовали, неплохо понимали английский (спасибо вечно печальной Татьяне Ивановне), да и о виски имели представление (правда, только по художественной литературе).

Гек, словно перелистывая барабан револьвера, крутил указательным пальцем у виска, когда я излагал очередное толкование своего имени. Мы, вообще-то — шотландского рода, и отец наш с библейских времен славился своим пристрастным вниманием к виски, почему и выбрал такое странное имя для своего старшего сына (я был старше Гека ровно на четыре минуты по общепризнанной версии). «Чук» («ChUC») — это аббревиатура от любимого им виски «CHIVAS», причем, не пятилетней ординарности — «CHIVAS Regal», а именно «Чивас» чистейшего класса...

Полувшутку, полувсерьез одноклассники стали обращаться ко мне с приставкой «сэр». Это настолько прижилось, что даже на выпускном вечере, когда мне выдавали документы, дарующие свободу, директор детдома как-то смущенно запнулся, произнося мое имя.

Гек тогда отказался унаследовать родительскую квартиру и заявил, что появится «как-нибудь при случае» (и не просто так!), а я отвоевал в бюрократических боях «крутую» двухкомнатку на площади Льва Толстого (потолки — 3,50 м) (тетка, мамина сестра, хранительница квартиры, лишь охала от таких социальных новшеств, да умерла через год...), и поступил в университет. Это было в начале надрывных девяностых.

В переворотных и поворотных временах всегда есть что-то приворотное — каждый миг воспринимается как

средней протяженности вечность, а льющиеся ото всюду ложь и правда одинаково сладки (это когда штампованная патетика трибун растекается патокой бессмысленных, но бурных обсуждений)...

— ...Это ведь несносно — быть просто сноской, не так ли? — Гек как будто улыбался, вытаскивая меня из потока воспоминаний, хотя свою улыбку (а она у него есть!) он обычно никогда не выставлял напоказ.

Я внутренне отряхнулся, словно мокрый пес-Барбос, и брызги моих воспоминаний усеяли не то чтобы грязный, но искусно маскирующийся под мрамор, пол пивнушки. Протяжными глотками я пил пиво, и также протяжно скользил взглядом по этому знакомому интерьеру: тяжеловесные деревянные столы, с такими же громоздкими и массивными скамьями-лавками, смешанная публика — порой смешная, порой тревожная; а те, кому еще пиво не принесли пока...

— Пока! — с уже привычной для меня неожиданно-стью Гек поднялся. — Увидимся при случае.

Он почти шагнул в сторону, но все же чуть повернул голову (хоть и не пытался отловить моих пытливых глаз), словно видел в дубовых сваях потолка только им видимое и понимаемое.

— Кстати, зря ты ему о Сизифе... Береги свою «ложь» — это твоя зацепка.

Брат ушел, а я остался с его бокалом один на один. Пришлось задуматься — Гек ведь тоже умеет *знать*, правда, иначе, чем я. У него это *глубже*. Скажем так: я иногда могу *знать суть систем*, он же порой *видит структуру процессов*. Что имел он в виду сейчас, говоря о моей «лжи»?

В свое время придумался мне такой литературный жанр — «ложь», вроде как «Похвала глупости» Эразма Рот-

тердамского (где не «похвала», а совсем даже наоборот). Так и моя «ложь» — этакая замаскированная правда. Вроде как противовес устоявшимся общепризнанным мифам, которые к реальности, на самом деле, не имеют ни малейшего отношения. И эти «лжи» давались мне в свое время так легко!

а.

ЛОЖЬ О СИЗИФЕ

*Верховному олимпийцу Зевсу
Начальника аналитического отдела*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Тема.

Сизифов камень преткновения.

Предыстория вопроса.

Сизиф, как сын бога Эола, на Олимпе всегда считался ветреным и легковесным молодым человеком, а на его многочисленные духовные искания все смотрели сквозь пальцы. Но, в конце концов, его разговоры о полноте безграничной свободы приобрели опасный характер — люди начали прислушиваться к нему, перестали приносить жертвы богам и, вообще, стали внутренне раскрепощаться (что, с божественной точки зрения, является полным свинством). Сизиф, фактически, противопоставил себя богам и заявил о собственной независимости от них. Сила его духовной энергетики стала такова, что весь Коринф попал под ее воздействие: здесь даже перестали умирать люди — образ деяний совсем уж недопустимый для смертных. Совет богов решил

примерно наказать Сизифа в назидание всем людям и грядущим поколениям их. Было принято решение: в условном месте провинившийся гордец должен вкатить на вершину крутой горы огромный камень во славу богам, а если ослушается — будет немедленно уничтожен. Поскольку предварительный экспертный расчет показал, что выполнение такого задания потребует не менее 100-200 лет, Сизифу на период наказания было предоставлено временное бессмертие. По выполнении же означенного условия пристыженный и раскаявшийся грешник должен будет вернуться в мир, к смертным, доживать свой земной срок в примерном смирении и безграничном послушании богам.

Возникновение проблемы.

Сизиф с нарочитой законопослушностью катил камень в гору, но упорно и настойчиво не доводил дело до конца — камень, не достигнув вершины, скатывался вниз. Поначалу это не вызывало никаких подозрений, но когда все рачительно вымеренные и расчетливо обоснованные сроки вышли, стало понятно — наказуемый подло хитрит! Формально, выполняя волю олимпийцев, он практически стал недосягаем для богов.

Были предприняты попытки закрыть этот вопрос косвенно. Вначале наполовину сократили гору, но, хотя она и стала вдвое меньше, камень все равно не достигал вершины. Затем было решено применить узконаправленное уменьшение гравитации — камень стал легче пушинки. Но и это не привело к желаемому результату. Более того, из-за последствий всемирного закона равновесия произошла совершенно непредвиденная и никому ненужная трагедия: узконаправленное уменьшение гравитации в одном месте, вызвало узконаправленное увеличение силы тяжести в другом. Под этот «противовесный» удар по-

пал безмятежно пролетающий Икар, вес которого возрос многократно, что и привело к стремительному и смертельному падению его.

Паденье паденьем, а камень и нынче там — то у подножья, то в движении, но не на вершине.

Имеющиеся последствия.

Среди людей упорно ходят слухи о бессмертии Сизифа и о его не подвластности богам. Боги начинают восприниматься как «стихийное явление», которое можно переждать, или, в крайнем случае, — обойти. Более того, продвигается мысль, что представление о богах — не более, чем бизнес-проект определенных заинтересованных групп... Все шире распространяется идея, что человек может не зависеть от богов, хоть дело это и требует огромных усилий. Уже даже возникла поговорка: «Быть свободным тяжело. Но пока ты катишь свой камень в гору — ты свободен!» Образ Сизифа окружает ореол едва ли не божественности, но боги сделать уже ничего не могут: ведь, как известно, законы демиургов не позволяют богам изменять собственные решения.

Что делать?

Поскольку с самим Сизифом уже ничего сделать невозможно, предлагается кардинально изменить представление о нем в умах людей. А именно — мифофицировать его как персонаж. Представить его хитрым и алчным, приписать ему коварство и подлость (например, заявить, что Сизиф обманул Танатоса и заковал его в цепи, из-за чего перестали умирать люди). Наконец, «объяснить» наказание Сизифа богами: он, дескать, должен вечно вкатывать камень на вершину горы, но камень никогда не достигнет вершины, ибо так задумано богами. Предполагается, что в течение 4-5 поколений миф приживется и о недосягаемом для богов Сизифе можно будет забыть.

*РЕЗОЛЮЦИЯ:
МИФОФИЦИРОВАТЬ ПО ПРЕДЛОЖЕННОЙ ПРОГРАММЕ.*

2

— Не будет никаких «Докладных записок», «Резолюций» и прочей бюрократической чепухи, мы будем просто общаться. Я буду спрашивать, а ты — отвечать. Вот и вся твоя работа. Ну или часть ее...

Он не догадывался, что я умею не только *знать*, но и ждать. Вот я всё и молчал, с тянущей улыбкой, словно ириской, прилипшей к зубам, ибо риск мой был мал — это ведь они меня *призвали* к себе.

Халатный «орденоносец» некоторое время ожидал хоть каких-то слов в ответ, по-неандертальски тер ладони, затем попытался скрыть свою растерянность:

— Может еще... болданем... по осени?.. За Пушкина, сукиного сына? А?.. — Графинчик, оказывается, он как-то незаметно для меня прихватил с собой, теперь вот лихо достал его из широкого кармана халата, встряхнул и громко поставил на стол.

«Он любит выпить! Этим нужно воспользоваться», — подумал я, продолжая свое величественное молчание. Старик, наверняка, то же самое подумал и обо мне. Тишина зависла, а мы, завязшие в ней, вцепились друг в друга взглядами, словно два худосочных *армрестлингвиста*. Наконец он сдался и горестно заерзал глазами:

— Можешь обращаться ко мне просто — Мастер Дум.

— Увлекаетесь компьютерными играми? — с серьезным видом поинтересовался я. — Или с российскими депутатами... в сношениях?

«Думон» (так я решил называть его про себя) поднялся, и с неловкой старческой стремительностью заковылял к угрюмому древнему и древесному шкафчику-двойнику.

По ходу, телом он совершал едва уловимые артикуляции, должно быть, в такт языку (либо мыслям), бормоча что-то маловразумительное. Я распознал только имя Харпер Ли, но название ее убийственного романа так и не прозвучало (хотя наверняка именно оно и было смыслом этого телесного и вербального порыва).

Клоны алмазных рюмочек не уклонялись от подрагивающей руки, поэтому ни капли «Болдинской осени» не было пролито.

— Ну, за Пушкина, сукиного сына!

— Пся крев! — поддержал я и медленно выпил.

В отличие от прихожей, в кабинете совершенно по-иному воспринималось это творенье Пушкина (Льва Александровича). Некогда зацветший хлебный ломоть, похоже, созрел, и уже источал тончайший дух ржаных колосьев, а вкус напитка сейчас казался парадоксальным — мягкий и отрывистый одновременно, словно верлибр.

Думон, отдышавшись, вдруг начал декламировать стихи, причем с таким неподдельным вдохновением в тусклых глазах, будто эти строки только вот родились, или, как минимум, он и сам не раз сиживал вместе с Пушкиным на дружеской ноге Карамзина:

— Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел... —

Старик щелкнул себя по общипанному горлу:

— и мух давил!

— Это вы про себя? — спросил я с нарочитой настороженностью.

— Нет! — взорвался Мастер. — Это я про Повелителя мух! И вообще, должен заметить и подчеркнуть, — он горизонтально провел пальцем, мысленно разрезая меня, — я взял тебя на работу (да и в Орден, собственно, принял) не для того, чтобы выслушивать плоские колкости, а для знаний!..

Было похоже, что я его таки действительно *достал*, поэтому сказал примирительно:

— Подлинное знание всегда колючее...

Меня несколько смутило, что я, оказывается, уже принят в Орден. Нет, я не собирался так вот наобум отрещиваться от того, чего, собственно, еще совсем не *ощутил*. Но вот *форма* этого принятия...

— Принят, значит, — протянул я. — А как же обряд принятия? При свечах и в масках?..

Старик блаженненько заулыбался, он ощутил, что вот — наступил и его черед от души поглумиться надо мной. Сам выдержал паузу, и с серьезной насмешливостью спросил:

— Ты, стало быть, обряда какого-то ждешь?

— Конечно, жду! — с воодушевлением подхватил я. — Вопросы и ответы, «Акация знает», два прихлопа мечем, три притопа копьем... Как же без этого? А то просто — «принял»... Для Ордена (ОРДЕНА!) — это слишком уж ординарно...

В последующем молчании Думона было что-то благоговейное. Взгляд его (за которым я прицельно следил) прожекторно выхватывал аляповатую лепнину потолка, и рикошетил в мои настоженные зрачки, ожидая безоговорочной капитуляции.

— А что ты сам по поводу этого... — он резко притормозил, — думаешь... или знаешь?..

Я попытался задуматься (или сделал вид этого), но, по уже годами отшлифованной привычке, брякнул то, что первым упало на ум, одним словом — наобум:

— Скорее всего, каждому гаду — по своему обряду...

Еще какое-то мгновение я попытался пропозиционировать себя кем-то, но затем понес напропалую:

— Так ведь в Интернете это было «засвечено»: в каком-то соборе... Леонид Данилыч в мантии... с мечом набекрень... вернее, меч как лопату наперевес держит... Оно и понятно — президент, вторая версия... Хотя Яныка, наверное, в глухом лесу принимали — возле свежевырытой могилы, с раскаленным утюгом в руках... Ну, а народец попроще — должно быть, в окружении венецианских масок, с завязыванием глаз и хождением над пропастью... Во, ржали небось? — я подмигнул Думону, хотя он сам сидел настолько застывши, что пришлось пару раз щелкнуть пальцами на уровне глаз, чтобы вывести его из оцепенения, и продолжил: — Кто чего ожидает, то, воистину, и увидит. Соответственно — «каждому товарищу — по своему опарышу»...

Мастер плямкал своими бескровными нитевидными губами и напоминал сейчас удивленную выловленную рыбу, которая все уразуметь не может — каким таким замысловатым образом она очутилась невесть где, в том «где», где все ее представления о реальности развеялись как дым (о котором она еще даже и представления не имеет!)

— Ты это знаешь или *знаешь*? — наконец прищурился Думон белесыми веками, из-под которых мутно запоблескивали старческие глазки, вновь наполнившиеся хитрецей.

— И то, и другое, — почти честно признался я.

Дело в том, что масоны-то у всех на слуху, почти личным считается в обществе выговориться о вселенском заговоре вскользь, но со значением; с нарочито очевидным знанием дела приплести тамплиеров, скорбно помянув неумолимую судьбу Жака де Моле; а уж если кто об-

щественно-значимый интеллектуал, то как же без изящного мата не вспомнить об иллюминатах! Короче, тема избита, тупа; причем, откровенно попахивает попсовщиной и поповщиной одновременно.

В то же время: я и сам, почитай, среди них. Но вот, что дивно, — чувства «единства» как-то не возникало во мне, скорее напротив — я ощущал некое «отстранение». Это словно, как в студенческом гаудеамусе: все пьют портвейн, а ты с детства привык к «Ркацители» (хотя, по правде говоря, мы-то со старших классов приобщены были к «шилу», которого, как известно, даже в духовном мешке не утаишь)...

— Короче, — я тоже резанул это замкнутое пространство правой рукой, величественно и беспощадно, — у меня вообще возникает ощущение, что вся эта ваша (или уже — «наша»?..) шайка-лейка напоминает... скажем так... ОПГ. В хорошем смысле, естественно.

Отодвинув брильянтовую рюмку подальше от края стола (дабы не «попасть на деньги» в случае чего), я плашмя плюхнул свои растопыренные ладони на стол, словно перед хитрым хиромантом (который попросту охренел бы при виде такой многополярной папиллярности).

— Одним словом, — завершил я свое выступление, — все бы ничего, да вот англичанка, или там, россиянка, вам (или уже — нам) гадит!

Думон вновь тоскливо забезмолствовал. Он стал похож на средневекового прохожего, которого окатили вдруг из окна холодными (еще со вчера оставленными) помоями; вот и присел на узкий уступ дома, ибо хуже уже не будет все равно... Но явно проявились опыт и закалка — всего лишь несколько бесконечно долгих мгновений ему хватило, чтобы овладеть собой. И миром, соответственно, тоже.

Пальцами правой руки он громко оттарабанил на гулкой столешнице какую-то звонкую чечетку, по интонационной ритмичности напоминавшую «Собачий вальс». Изобразил подобие всеумрой улыбки (на самом деле, улыбаться так мог бы разве что плачевно известный персонаж романа Гюго), и наконец (и почему-то почти радостно) воскликнул:

— Да, в какой-то мере, ты чертовски прав! И я доволен доволи, что мы не ошиблись в тебе.

Эта его самодовольная речь меня довольно-таки напрягла. Согласитесь, — старый хрыч, пусть даже и масон со стажем, — вдруг начинает высказывать тебе свое удовлетворение... Не эстетично как-то! Вот я и решил ударить по его же «жилке» (хоть потуга на самом деле оказалась жалкой):

— А как насчет еще по «Осени»?.. за Орден... — Я даже попытался напеть: — «Что такое осень? Это Орден!»

В этот раз Думон оказался неумолим. Он гнусаво подхватил:

— «Осень — это Орден под ногами»?.. — И произнес почти брезгливо: — Нечего распивать тут понапрасну сакральные артефакты... Пойдем-ка лучше в архив, ты ведь теперь почитай что — Подмастеренок... Там тебе *сподобней* будет.

Не скажу, что после этого безобразного сарказма настроение у меня улучшилось. Вечер, хоть и недолгий до теперь, оказался весьма плотно наполненным, по преимуществу — новым, неожиданным («Да и нужным ли?» — промелькнула мысль).

Вновь распахнулась очередная неприметная дверь, и когда мы начали спускаться небольшими, почти трехрядными, ступеньками, где-то справа и внизу вдруг с глухим и полубморочным звоном начали бить часы. Я прямо оторопел...

II

Вообще-то, я терпеть не могу часы с боем. Особенно, когда они в твоей квартире (в твоём внутреннем пространстве!), да, тогда, да, когда они вдруг начинают почти телесно отхлестывать свои «бим-бом» с фанатичным и эксцентричным сладострастием тантричного самобичевателя, а ты вынырываешь из глубин холодного пота, смахивая солень слез с глаз, хватая воздух растопыренными губами... словно соломинку... потягивая старый добрый бурбон «Джим Бим» с лимонным соком которого вчера было более чем а когда наутро эта перегарная трезвонь... да в твоё не отрезвленное до конца сознание... да вбиваются эти джимы бимы и бомы с бомбовым грохотом разрушая восприятие и ты пытаешься осознать себя в где и как, то как-то...

Били часы, трезвонили в дверь, нужно было подыматься. Последний, двенадцатый, удар совпал с «ну-еще-раз»-ным настойчивым звонком. Я с безнадежностью окатил тусклым взглядом полуразрушенную после вчерашнего празднования квартиру, патрициозно завернулся в простынь, и заглянул в мутный расплывающийся дверной глазок. Похоже, на площадке стоял Гек. В принципе — логично.

Почти каждый год (не всегда, правда) брат появлялся назавтра после моего (да и своего, собственно) дня рождения. Не с целью целевых пожеланий, нет! И не для того, чтобы самому с пресно-оптимистичной улыбкой *многие лета* выслушивать. Взаимные поздравления (равно как и подозрения) между нами не были приняты уже с самого-самого, так сказать — *начала*.

..Еще в том северном детском доме, еще до школы, после поздравительного завтрака, где нам выдали по «именинному пудингу» (все та же ненавистная манная ка-

ша, по случаю торжества политая липким непрозрачным сиропом), мы с Гekom вышли во дворик. Хоть и был сентябрь, но все вокруг отблескивало блеклой изморозью, почти по щиколотку, скрипящей под ногами. Гек вертел пальцами какой-то механизмик — многозубчатую шестеренку на пружинке, унылую составляющую азартно и жестоко разобранной такой же унылой игрушки, а я перебирал пальцами клочок внутренней поддевки чьего-то пальтишка из натурального меха. Эту оторванную радость я выменял накануне за какую-то подобную же дрянь. Но было в этом меху и что-то дивное, до смеха, — даже на морозе он был теплым (если проводить по нему озябшим и обесцвеченным пальцем). Не сговариваясь, мы протянули друг другу то необыденное, что было у нас. Шестеренка с пружинкой напомнила мне карусель с семью лошадками. Вселенную, одним словом, и я отшвырнул ее куда-то в сторону, в изморозь-снег. Наверное и глаза потупил, стыдливо... Нет-нет, ведь я же видел, как и Гек снял варежку, провел пальцем по теплу оборванного меха, и так же стремительно отбросил его от себя. Почти содрогнувшись. Нельзя подарить представление о Мире. И нельзя подарить тепло. Ведь оно или есть, или — не нужно. Это мы поняли уже в свои шесть.

Да, еще был казус и в 28 лет — это когда все ошарашено шарили взглядами по экранам телевизоров, где в прямом эфире рушились башни-близнецы. Не знаю, как Геку, но для меня тогда это показалось таким серьезным символом-знаком, что я с трудом, постоянно потирая виски и попивая виски, дождался *назавтра*, 12-го сентября, когда брат появился. Да уж, после такого дня рожденья братьям-близнецам рассчитывать на что-то хорошее не приходится...

Одно время мне казалось, что Гек разучился удивляться, но потом я понял — нет, не так, он просто избега-

ет растрачивать чувство удивления *внешне*, чтобы как можно полнее осознать его *внутри*. Вот и сегодня, 12 сентября, он, как и я, перешагнувший вчера Рубикон сорокалетия, задумчиво рассматривал мои новые напольные часы (небольшие, ростом со среднего карлика).

— Забавная штучка, — наконец протяжно промолвил он. — А так сказать, «исходу сна» — не помеха?

— Все мы на исходе, — буркнул я, тяжело вздохнул, уселся на включенную постель и тоже меланхолично устался в тикающего Молоха.

На самом деле часы были довольно необычными. То ли не успели доделать их, то ли вложили в это какой-то свой сакральный подтекст — циферблата там не было. Дюжина веселых циферок хороводила вокруг так сказать «временного окна», но стрелки планировали прямо перед оголенным механизмом. Вновь все те же чертовы карусельные шестеренки, колесики, рычажки, латунный блеск и прочая вселенская дребедень.

— Ты скажи, — вдруг сказал Гек, — они с турбийоном! — и покосил пальцем на какую-то круглую коробочку в механизменных потрохах.

— Брат мой! — проговорил я с болью, — не... турбийонь мне мозг. Он и так тяжел.

Гек реально удивился:

— Ну что ты, что ты! — и, похоже, что процитировал нечто: — Ведь турбийон — это хоть и механизм, но он компенсирует влияние гравитации Земли на точность хода часов!

— А зачем? — почти с ужасом прошептал я.

Гек пожал плечами, еще какое-то время порассматривал тикающую (но не кающуюся) сущность, дверно постукал по весомо-толстому стеклу, ритмично покачал согбенным пальцем вослед тупому ходу маятника, и повернулся ко мне (все также завернутому в простыню на хиллом диване):

— Это тебе... *на работе*... подарили? За непосильный двухмесячный труд?

Я лишь тяжело и глубоко втянул воздух.

— Оставь!.. Вчера гады — знакомые папарацциники, приперли... «Подарок», в их понимании...

Мне прямо с дивана удалось дотянуться и слегка пнуть ногой ненавистный подарок. Часы вяло бомкнули (как будто у них тоже была похмельная отрыжка).

Гек степенно прошелся по облитому вином полу полуразрушенной квартиры, поднял стрелу с резиновой присоской от игрушечного пистолета, и посмотрел на меня насмешливо:

— А как же на работе? Корпоративчик-то был, небось? Ты ведь, помнится, впервые *работаешь*...

Да, работал я, действительно, впервые. Дело в том, что уже со студенческих лет я был, что называется — *этаким* гранд-рантье, поскольку сразу после оформления *права собственности*, начал сдавать квартиру на Льва Толстого в аренду (как правило — долгосрочную). Получаемых средств мне вполне хватало на безбедное существование, поскольку лишь десятая от моего дохода шла на съем однокомнатной квартирки на Ветряных Горах. Это место в Киеве я выбрал не случайно и не только из-за дешевизны. Само название... Ветряные Горы... Почти интуитивно мне казалось, что именно отсюда должен прийти тот самый, Тот, *Насылающий Ветер*... О котором впервые заговорил Саша Соколов. Но, впрочем, всё это — *школа для дураков*.

Да, уже почти два десятка лет я нигде не работал, зарабатывая на родительской квартире. Пописывал время от времени всякого рода мистические статейки в разного разряда журнальцы, и до поры до времени с удовольствием посещал бесшабашные (вернее — обезбашенные) ту-

совки журналистско-хроничной братии, которая вчера вдруг нагрязнула на мой юбилей с вот этим самым напольным *турбийонным* хронометром...

...Скорее всего, именно по моим статейкам меня и вычислили эти. Я ведь, смеясь, выплескивал в сочетаниях печатанных букв всевозможнейшие «пророчества» и «видения», и они впоследствии почти всегда сбывались... Хотя, возможно, у *них* были/есть и какие-то свои особые способы *отбора*...

— Какой, к черту, «корпоративчик»? Я ведь кроме Думона за два месяца никого и не видел там. А он... Хотя, честно скажу, у меня к нему — ни страха, ни упрека...

Гек прилепил пистолетную стрелу к собственному лбу, скрестил руки на груди, приподнял голову и произнес:

— Единороги без страха и упрека...

Утренняя постпраздничная сухость в мыслях начала наполняться живительным смехом. Даже слова начали складываться.

— Хоть мы с тобой и бляшки-близняшки, но нет у нас единорожия!.. — натужно разродился я, наконец.

Брат соорудил такую плачевно-отчаянную рожицу, что даже стрела со лба отвалилась. Он вновь поднял ее, опять приклеил под пробивающейся залысиной, выпрямился и уже совершенно серьезно спросил:

— А все-таки — как твоя *работа*? Или — *нельзя*? Очевидно, вся твоя квартира уже полностью «ожучена» — прослушиваема по случаю и без?

— Сам ты — «жучила»? — ответил я добродушно, все еще пребывая в блаженной смешливости.

Но что-то изменилось во мне и вовне.

В своем неподвижном молчании, с заведенными за спину руками, Гек сейчас был похож на святого Себастьяна, которого пронзили всего лишь одной стрелой, правда — прямо в лоб. Он ждал ответа.

Я поднялся, даже не делая попыток сменить свой саван на что-то более пристойное из одежды. Пошарил среди опустошенных вчера бутылок, ничего не нашел, и вновь уселся на диван.

— Даже не знаю, что и рассказать... У меня сейчас так, вроде бы «курс молодого архивариуса». Архивы изучаю, правда, не наши, а отчеты о сопредельных Орденах...

— Ваши-наши. Правильным курсом идете, товарищ! — Гек вскинул руку, словно гранитный гитлерленинец на пьедестале.

Нет-нет! Все ведь совсем не так! Я крутил кистями рук, словно в них были кастаньеты, пытаюсь подобрать слова. Но как это объяснить? «Мировой заговор» правильной было бы назвать «мировой договоренностью» между... Кем?

— Знаешь, Гек, на самом деле нет никакого «единого» масонства... Есть отдельные «региональные» (скажем так) структуры, ну или — банды... Каждая — сама по себе. Они как-то взаимодействуют, пытаются действовать согласованно... Но у каждой — свои обособленные интересы...

Я по-прежнему тряс руками, а брат, с все так же вскинутой рукой, озорно, и ошарашено одновременно, взирал на меня сверху вниз.

— Понимаешь, *мы* идем от Ярослава... Да, *как бы* Мудрого... — Я сдерживал себя, чтобы не проговориться. — А у *них*, у каждого — свой путь...

И, сам понимая, что Гек сейчас опять начнет чихвостить все и вся, выдавая хвост за гриву, я пустил свою вербальность в галоп.

— Это все очень давно началось, еще даже до халдеев... Да и все цивилизации так возникали... Но — не важно! Сейчас (как и тогда, собственно) были небольшие группы особо прозорливых людей...

— Понятно, «особы», — вклинил Гек.

Он с легким чмоком отсоединил стрелу от собственного лба, и, похоже, не мог найти ей применения. Да и моя речь, как будто, его мало заинтересовала. Как будто. Да, как будто он уже наперед знал, о чем я скажу.

— Нет, нет же! — я почувствовал, что начинаю раздражаться, но все равно не стал сдерживать себя: — Это те, кто... как бы это сказать... во! вне времени, да!..

Повторная попытка дотянуться ногой до часов вновь удалась, и напольное недоразумение опять металлически и меланхолически икнуло.

— Можно, конечно, разбить часы, но это не остановит Время... — грустно произнес Гек.

Он вдруг сочно приклеил стрелу к стеклу над стрелками, проверил надежность ее положения, и подмигнул мне:

— «Вне времени», говоришь? Это как Ной и прочие патриархи, что ли?

Мне стало как-то не по себе. Но не потому, что лет двадцать назад, в нашем взаимном двадцатилетии, он приводил мне наглядный урок условности времени такими же точно стрелами с присосками... И тогда, помнится, я накропал еще какую-то свою очередную ложь...

Нет, не потому. Просто два месяца назад я уже пересказал Думону то, о чем сейчас напомнил Гек. Словно тогда (два месяца назад) я озвучивал теперешние воспоминания Гека.

В глазах у меня потемнело.

в.

ЛОЖЬ О ЧАСАХ

СВЕРНИТЕ ГОЛОВУ КУКУШКЕ

...Старший преподаватель Теории Пружин, Гирь и Хо-да, Мих Михалыч (или — Миханя, как называли его за гла-

за школяры Механико-Временного техникума), жизнерадостно спал, и видел забавный сон про синюю лисичку. А очнулся он в кромешной тьме, перекосясь, сидя на каком-то железе, короче, черт знает где. Спросонья он искал синюю лисичку, и даже невнятно позвал ее, но лисички не было.

Было темно и боязно. Да и жестко, по мягкой части.

«Может быть, я сплю?» — вяло сверкнула мысль, и почему-то сразу стало чуть-чуть посветлее. Не на столько, конечно же, чтобы между парами со школярами в карты на деньги играть, но все же...

Миханя сидел на какой-то огромной шестеренке, мазохистски свесив волосатые и худосочные ноги между металлических зубьев. Необозрико виднелись и другие шестерни всеразных размеров, под которыми подрагивала огромная цепь, и в каждом звене ее легко поместился бы взрослый, платоновский, человек с давинчивски поднятыми руками, но несурязицу ситуации оттачивало что-то, в самой глубине бессвязно болтающееся, тупо-уныло-ходящее — туда-сюда...

А над головой вдруг дважды бумкнул какой-то ущербный колокол (словно язык у него был раздвоенный), и вслед ему, еще выше, что-то невнятно провякало что-то невнятное. «Здрасьте среди ночи», — подумал Мих Михалыч, но и засуетился: он заметил вдруг, что ноги его вот-вот будут захвачены и зажаты железными зубьями, которые тихой сапой наваливались на них. В полшепота взвизгнув, он неустойчиво вскочил; придушенно прошептал «Помогите!», но шаткий голос его растворился в механическом пространстве, словно и не существовал никогда вовсе.

На сон это было мало похоже.

Случается так, что понимание приходит *вдруг*. Вот и Миханя четко и внезапно понял, что находится в часах, в ходиках. Просто понял.

Тут же, как и водится в подобных ситуациях, вдруг самыми насущными стали совершенно несущественные проблемы. «Это так меня измельчили?» — отчаянно подумал вполне уважаемый преподаватель, — «или же я пребываю в каких-то огромных вселенских часах?..»

Вас бы это взволновало? Но Михалыч срамно ощущал себя всего с головы до ног (где только мог дотянуться), и никаких особых изменений в своей телесности не обнаружил. Подлый прыщ у подножия носа даже увеличился, так что все было в порядке. Ученый муж повеселел, хоть и в пляс не пустился, но призадумался. Вывать о помощи криком (а густой голос его ценили в школьном хоре) показалось не солидным. В самом деле: стоит взрослый мужчина в исподних трусах в незнакомом месте и орет благим матом... Нет, Миханя решил пройтись, осмотреться, выбраться своими силами, а затем найти того шутника, который все это подстроил, и смачно набить ему морду...

«Пройтись» оказалось непросто — реальный часовой механизм весьма отличался от теоретически обоснованного, так что весь многолетний опыт преподавателя не стал ему подмогой. Пришлось хвататься за какие-то холодные перекладки, подтягиваться и перелезать, перепрыгивать через провалы, в которых неумолимо двигались промасленные зубья, еще не охваченные кариесом, протискиваться мимо вялых валов, пригибаться, проползать и зычно чертыхаться. Все это было похоже на школьную «полосу препятствий». Но было похоже на нее лишь в представлении Михани, — ведь от занятий военной подготовкой он был *освобожден* своим участием в ученическом смешанном хоре...

Преодолев все, что можно было преодолеть, Михалыч оказался перед некоей дверью, обитой веселеньким дерматином. «В конце концов, — пробормотал

он сквозь себя, — это ничем не хуже, чем в начале начал...» Врываться неизвестно куда, да еще и в раздетом виде, показалось ему неприличным, поэтому, как воспитанный человек, Миханя припал левым глазом к замочной скважине.

Первое впечатление от увиденного едва не спровоцировало его рефлекторно отшатнуться, но он сдержал этот порыв, и, прерывисто дыша, шарил расширенным зрачком по задверному и заскваженному пространству. А там было на что поглядеть.

По широкому и полукруглому коридору белоснежно и стремительно, прямо конвейерными пачками, друг за дружкой скользили ангелоподобные кучерявые детки в кучерявых балетных пачках. «Секундочки!» — сразу понял соглядатай. А после каждой пятой дюжины их шествовали такие пышнотелые и нафуфыренные дамочки, что Миханя совершенно по-новому стал понимать выражение: «Даю вам две минуты!» «Тут и с одной Минутой сполна бы управиться!..» — лишь скабречно подумал он. Да так засмотрелся на златовласых красавиц, что и не заметил, как подошел Час. Тот прошеествовал по коридору степенно, с нарочитой демонстрацией собственной значимости. Но вот лик его был какой-то настораживающий: с бегающими, словно рыбки в мутной воде, глазками и неуловимыми гримасами на скуластом, хоть и прикормленном, лице.

Когда Час прошел (вернее — скрылся за невидимым изгибом лишь отчасти видимого коридора), Мих Михалыч решил наконец «выйти в люди». Выровнялся, подтянул трусы, изобразил лицом «Эх!», легонько пнул дверь ногой пяткой и вошел. Заготовленное: «Привет! Не ждали?», так и не прозвучало, поскольку при появлении Михани поднялся пискливый *гвалт*, и началась такая суматоха, что не до приветствий стало.

Трусоватого богатыря вмиг окружила разношерстная публика: кроткие секунды смешались с затаидыхательными минутами и мутными часами, ну прямо как в доме Облонских! Все вокруг него глухо галдело и гладко ухало, с гулким эхом отстукивало каблучками и набатило сапожной ковкой; в общем, было как-то безбожно, почти безобразно, да и бесприютно. Михалыч растерянно таращился во всесторонние, а где-то глубоко в голове дергалось: «Одоевщина! Прямо одоевщина какая-то!».

Но вмиг все стихло. И слышны стали некие новые шаги — не то, чтобы шаркающие... А уж слишком явно совпадающие с неровным (Миханя это уловил — именно неровным, а не нервным) тиком того, что так в невидимо-подвижной и подножной глубине бессвязно болтается. Звук шагов, хоть почти и незаметно, но замедлялся, будто кто-то *тот*, за коридорным заворотом, попросту подкрадывался.

Но «тот» оказался «той»: словно черт из коробочки из-за поворота явилась старушенция — подтянутая как фигурой, так и лицом, с нелепой инфантильной косичкой на лысеющем затылке; но суженные (и, одновременно, — широко безумные) глазки ее не предвещали ничего хорошего.

— Сороботница времени! — шепотом пояснила ближайшая к преподавателю Секундочка.

«Тю!» — подумал сороботник пружин и хода. — «На нашу техничку в техникуме похожа!» В сознании его на мгновение появился мутный и размытый образ: дистрофичная фигура уборщицы с такой же лысеющей косичкой, но шваброй наперевес... «...ноги приберите, я мою тут!»

...Но, как и любое мимолетное виденье, образ этот чудесным образом исчез, а перед глазами продолжала маячить костлявая реальность.

— Вы, это... — Миханя робко обратился к ней. — Часы ваши сбоят, как специалист заверить могу — отставать начало ваше время!

— Отстань! — отмахнулась старуха от одного из Часов, который начал ей что-то нашептывать на ухо. — Как это Время может «отставать»? «Отставать» от чего? — она насмешливо выкосилась на полуголого учителя, и вся свора вокруг радостно захихикала.

Мих Михалыч хоть и обиделся, но губы надувать не стал, и размерено, словно перед фалалеями-школярами, начал неторопливо объяснять:

— Вот вы не слышите этого замедления хода маятника... И не потому, что вы пока еще не специалисты, нет! Просто ваша... принадлежность к этим конкретным часам, не дает вам возможности ощутить главного — вы-то тоже замедляетесь и отстаете! — Миханя почувствовал, что и сам он говорит как-то протяжно, а посему засеменял словами: — Есть ведь и другие часы, кроме этих... И время есть другое... откуда я душой, так сказать...

Все это прозвучало очень глупо, лубочно и беспочвенно, даже для самого говорящего.

— И как вам это? — костлявая махнула головой округ своей синекуры, и косичка ее резанула глаза отблесками. — Вы представляете, есть, оказывается, еще и «другие Часы» во вселенной!

Все вокруг вновь удавились смехом.

— И что же ты, душевный человек, нам, «отстающим», посоветуешь?

Миханя совсем растерялся:

— Гири бы надо бы подтянуть бы...

— Он и гири! — насмешливо воскликнула по-японски раскосая старуха, а потом уж очень спокойно и в растяжку приказала: — В Большую шестерню его!

На несчастного преподавателя в трусах навалились Часы с червоно-красными глазами и пиками наперевес, словно карточные короли из сказки, схватили и поволокли куда-то назад, за дерматиновую дверь, а затем сбросили в ближайший провал.

Мих Михалыч летел довольно долго для сравнительно небольшой высоты (метра три навскидку), ударился пребольно, и зубья шестерни стали констрикторно сдавливать его. «Может, успеют остановиться?!» — панически вспорхнула мысль, но затухающее сознание успело уловить лишь вялый «бум» в горних высях, а где-то, еще выше над ними, нелепое вяканье кукушки оборвалось на середине: «Ку!...»

3

Я успокоился, когда бой часов прекратился, а сами мы с Думоном сошли со ступеней на отполированный линолеумный пол.

Архив оказался помещением гораздо более просторным (вглубь), чем прихожая и кабинет. Стеллажи (под самый потолок) параллельными рядами тянулись в темно-небесную неизвестность, уходящий вдаль полумрак сужал горизонт возможных событий до неизбежности, а мягкий линолеум пола гулко сглатывал звуки шагов. Сразу за ступеньками, сбоку, стояло несколько каталожных шкафов красного дерева — хоть и быковато подбоченившихся, но идеально чистых, даже без намека на пыль. Всем своим видом они старались показать, мол, им одним ведом замысел Творенья.

— Да-а... — протянул я, — Так вот вы какие шкафчики у себя завели... хорошо тут все у вас организовано!

— Так ведь сам сказал — мы организованная... — старик призапнулся, — группировка. Кстати, а почему ты думаешь — «преступная»?

— Не в том смысле, что именно «преступная»... Просто вам ведь закон не писан, вернее — это вы сами пишете... законами... по воде... ну и там круги идут... На круги своя! — добавил я пискляво-сказочным голосом.

Мастер прямо-таки поскользнулся на ровном полу от такой интонации, искоса и скользко взглянул на меня, но ничего не произнес в ответ. Он просто остановился в самом начале длиннющего коридора стеллажей и нежно провел рукой по боковинам архивных коробок на одной из полок. Словно старую-старую кошку погладил, которая, собственно, и не ощутила ничего, но зато он для себя что-то почувствовал. В душе.

Пока Думон предавался лирическим настроениям, я попытался быстренько рассмотреть — что же там, на коробках этих, написано? Сравнив и сопоставив увиденное, я понял — здесь применяется какая-то особая классификационная система. На каждой коробке черной краской был грубо вдавлен свой «персональный» архивный шифр; но общую закономерность легко мог распознать кто угодно, даже не криптограф, вроде меня.

В начале было прописано определенное число индо-арабскими цифрами (внедренными, как известно каждому, харизматичным Аль-Хорезми); затем, через нижнее подчеркивание, следовало число уже римской цифрологии (в котором, кстати, при желании можно было углядеть и неведомую буквенную аббревиатуру); а уж в конце (опять же таки — через нижнее подчеркивание) сиротилась какая-то латинская буква...

Покуда старик, будто свой кошачий воротник, поглаживал излюбленную коробку, сквозь скользящие прорези пальцев его растопыренной ладони я успел отследить шифр — «3_LXII_r». Что мог значить сей архивный архаизм — не берусь судить...

В какой-то миг Думон отпрянул от стеллажа, ухватил меня под руку и повел вдоль, неожиданно мягко проговорив:

— А ведь здесь, в этом... месте... словно и само время остановилось, не правда ли? — он так выгнул голову, заглядывая мне в глаза, что я даже испугался — вдруг сейчас раздастся громкий хруст и все оборвется...

Мягко высвободив призахваченную руку, ею же легко и фамильярно прихлопнув по меховому плечу старца, я с настороженным смехом проговорил:

— А что, собственно, вы называете «временем»? И где, в каком именно месте, *оно* остановилось?

Это мое «*оно*» прозвучало настолько выразительно, что он прямо отпрянул назад, затем словно отряхнулся от наваждения и, не коснувшись даже, оттолкнул меня звинченными суставами усталых пальцев:

— И что ты имеешь в виду? — глаза его щерились, а когтистый взгляд настораживал; это как игра с еще не таксидермичной кошкой: то ли просто хлопнет лапой, то ли до крови распотрошит запястье.

— Нет-нет, это безотносительно!

Я глубоко потер ладони, стирая несуществующие стигматы, и, хоть с натугой, но довольно весело, выгнув брови дугой, стал рассказывать:

— Да просто лет двадцать назад были мы с моим братцем на даче у одного приятеля... А там, на втором этаже его халабуды, висели ходики, и не просто «скворечня» какая-то, а серьезные — циферблат под стеклом, гири — в виде якорей, да и сам корпус как батискаф. — Я на мгновение и сам начал погружаться вглубь воспоминаний, но Думон вдруг хрипло прокашлялся, так что пришлось вынырнуть и продолжить: — Ну и лук там какой-то был, детский, с прилипающими стрелами... Короче, стали мы

стрелять в часы, и кто-то таки попал. Прилипла стрела, висит, и тень от прищепки на циферблате виднеется... Три минуты провисела, пока не отвалилась — мы специально отслеживали... Потом братец мой гири оттянул вниз, почти до упора, и предложил опять «популять». Кто-то, в конце концов, вновь попал в циферблат. Приклеилась стрела, и мы опять минуты три на нее глазели. А Гек говорит — а по часам-то всего тридцать секунд пошло! Так часы ведь останавливаются, мы типа говорим...

С грустью осознавая несусветность всего произносимого, я робко глянул на Думона, а он тарашился на меня так безумно, что я еще быстрее заговорил:

— Ну и он, брат, такую идею подвел — есть внешнее, идеальное, душа, так сказать, которая тенью держится здесь, в материальном... «Бляшка», как сказал Гек. И вот она, «бляшка», или «душа», если угодно, может продержаться здесь сообразно своему времени, вне нашего... Потому-то и Ной, и прочие «осенние» патриархи по 600-1000 лет жили — просто время тогда быстрее кружилось, а сейчас замедлилось, останавливается...

Мастер был обескуражен, он явно тужился осознать столь очевидное для меня, пыхтел, нервно дергал своей надбровной безбровостью, и, словно муха, потирал свои тоненькие лапки. Я отчаянно попытался как-то объяснить:

— Душа-то, ведь у каждого есть... Бляшка, так сказать, связующее звено между миром сим и не сим... И не зависит она от скорости времени *здесь*, поскольку она — *вне*... Вот и «живем» мы, в смысле «люди», — то тыщу лет, то сотенку... Так может, все же еще по соточке?.. — вновь робко вымолвил я.

А Думон вдруг махнул на меня рукой, и решительно двинулся вглубь архива. Его карикатурная фигура на фоне

далекого нарисованного окна смотрелась достаточно фактурно, но я точно так же махнул на него рукой, и вытащил из ближайшего стеллажа какую-то «зашифрованную» коробку. В ней оказался всего один бумажный лист, писанный от руки, изрядно выцветший и блеклый. Но заголовок этой древней писанины был весьма любопытен: «Список великих магистров Ордена тамплиеров» (причем, писано было через «ять» и «ер»). Ничего нового я в нем не увидел — все те же 23 имени: от Гуго де Пейна до Жака де Моле... Воистину, «тайная» информация! Правда, в самом низу, царапковато, словно гусиной лапой (или пером) было приписано линиялой скорописью: «перекрестной проверкой подтверждено». С все теми же «ять». И какая-то неразборчивая подпись.

Пожав плечами (словно чью-то неведомую руку), я вернул лист в его матрицу, возвратил в предопределенную ему «социальную ячейку», и как раз вовремя: Мастер Дум плавно шаркал в мою сторону.

— Ну и что там начитал? — спросил он почти весело.

Вообще-то, подобная «веселость» порой попросту пугает. Этак и оскал «костлявой» можно условно считать приветливой улыбкой...

— Пардон, Думон, — невольно я произнес придуманное прозвище вслух. — А что, собственно, во всем этом, — я широко обвел рукой архивное пространство, — *тайного?*

...Он кивал головой с томной монотонностью, но его «как бы» улыбка постепенно сползала, пока и вовсе не плюхнулась на пол, растворившись в нём.

И внезапно этот Мастер (я даже молниеносно сложил — «Ложе-Мастер») начал внешне как-то озвериваться — лицо его вдруг словно оказалось в кривом зеркале, оно видоизменялось со змеиной ядовитостью: от глазовой немигаемости гадовой, до динозаврьего помигивания век...

— А что ты вообще знаешь?! — он почти шипел. — А скажжжи-ка — с чего так вот возникло Шшумерское царство? С Законом, Математикой, Астрономией, Календарем? А?.. Ведь до того были, как общепризнано, лишь «земледельческие племена»? А?.. А халдеи — это что, просто клоуны? А?.. А сказанное Им, что «будут первые последними»? А кто первыми-то были? Адам и Ева! Вот они-то и последние, кто цену имеет! А?.. Нет?.. А еще...

Эти его «а-а» меня, скажем так, — огорчили. Ну, в самом деле — вот сейчас только был нормальный человек, даже почти улыбался весело, и вдруг.. С настороженностью в голосе и заброшенностью в глазах, я в своей обычной манере — бездумно — прервал его:

— Своими вопросами вы вгоняете меня прямо в «шум и ярость»... Кстати, Фолкнера читали?..

И он погас. И вдруг забормотал:

— Как же, как же... «Осквернитель праха»...

И внезапно он упал своим папирусным лицом в мою щетинистую бороду. Его вялая лапка скребла меня по несуществующему загривку. Я понимал, что он бесконечно одинок в этом своем Ордене, и готов пасть на любую, даже не героическую, грудь. Должно быть, я впервые пожалел кого-то. Но ненадолго. Брезгливо потеревил его кошачье манто на его же плече, весьма решительно отпихнул его от себя, и бодро спросил:

— Вернемся к Ордену — а кому это нахрен надо, вообще-то?.. В плане — вступить в Орден?

В очередной раз Думон проявил признаки жизни: он отпрянул от меня и замахал серыми и обтянутыми кистями рук:

— В Орден не вступают... Как можно вступить в несуществующее? Но Орден есть!

Еще буквально две минуты, и он уже вновь стал членораздельным человеком-пауком. Каким и был в самом начале.

— Подмастеренок, — затынул с писклявой противоположностью, — Где тебе понять то, что *над!* Так, Орден сияет гениями, но они — лишь вершина айсберга, а внизу, в подводье, — (он почему-то ткнул указательным пальцем в потолок), — там просто влиятельные тупицы! Да и кто вступает в Орден? Всё люди недалекие...

— О да! Далеко ходить не надо... — поспешно вклинил я.

— Я имею в виду — «внешний» Орден! — насутился Думон, — А мы ведь внутри, в архиве, во чреве, так сказать...

Было абсолютно ясно, что архив — это святыня для него. Хотя, вероятно, и не для него одного.

— Но все это неважно! — он вдруг вновь разулыбался пряничной плетью. — Твоя задача — рассказать, что *знать* сможешь. Ну и кое-что попереписать придется. То, что поистерлось временем. В промежутках, так сказать, между *пророчествами*.

Он уже откровенно кривился усмешкой.

— Я ведь не писарь волостной, Шельменко, в конце концов... — кривизна моих собственных губ была перпендикулярна, я бы даже сказал — «полярна» думонозой.

— Успокойся. В основном ты будешь читать, читать и читать...

— Попрошу объясниться! — буркнул я мрачно.

Некоторое время он смотрел на меня с улыбкой, больше напоминающей трещину на древней амфоре. А затем заговорил так сладко, словно выдавливал крем из заварного пирожного:

— *Любезный читатель*, я расскажу тебе все. Все-все! Но в свое время. — И, тяжело вздохнув, продолжил: — Минут через пять...

III

...Уже минут пять я неподвижно смотрел сквозь мокрое оконное стекло, сквозь размытые дорожки стекающих капель, а ноябрьский дождь, не стихая, все шел и шел, как будто странствующий монах, которого ничто не отягощает.

— Эй! Может, хватит уже?..

Втянув голову в плечи, дождь продолжал идти, и даже не обернулся на мой оклик.

«Неведомы нам чужие пути», — подумал я. Действительно, с чего это вдруг сегодня повечеру у меня на столе расставлены всякие вкусности, как то: тонко нарезанный багрово-прозрачный (почти прозрачный) хамон, в фольге и на горячей золе запеченная буженина... Но не хочется уподобиться каким-нибудь натуралистским Золя или, там, братьям Гонкур.

Я ждал брата Гека? Нет, я просто ждал, вернее — знал, что сегодня ко мне кто-то заглянет.

При трезвоне дверного звонка я придал натянутую струнность своему позвоночнику и, даже в глазок не моргнув, распахнул дверь. И немного удивился.

На пороге стоял не то, чтобы *друг* (друзей мы не определяем, они просто есть), а некий давний знакомый. Высокий, огромный, внешне он напоминал глыбу глины, из которой еще не успели ничего вылепить. Хотя... Он содержал на своем лице аккуратную бородку, выстриженную «под лубок». Да и вообще, был жутким аккуратистом! Но нет страшнее аккуратиста, лишённого вкуса. Представьте, он носил джинсы, выглаженные «со стрелочкой»!.. А еще он вечно таскал с собой здоровенную сумку, напоминая всем своим видом винтажного корабейника. «Мой альфа-сумец!» — незамысловато хвастал он очеред-

ной жертве знакомства с ним, перекатывая свое сумище из заплечья на живот (которому, кстати, мог бы позавидовать любой борец сумо).

Но в громоздкой сумке пряталась не какая-то коммивояжерная дрянь, а супер профессиональная фотокамера с полудюжиной сменных объективов «на все случаи жизни». (Вот и выходит, что все случаи жизни можно классифицировать всего лишь по шести категориям...) Был он вольным фотографом, причем, даже за границей с успехом провел несколько персональных выставок. «Я — *photograph*», — с гнусавым прононсом представлялся он малознакомым людям. Но, у хорошо его знавших, он имел другое прозвище — «Пото́граф». То ли из-за собственного веса, то ли из-за тяжелой сумки, его лицо всегда (даже зимой!) не покидали мелкие капельки светлой влаги, словно вот только что ангел-хранитель встряхнул над ним своими промокшими крыльями.

Будучи Аркадием, он не обижался за Потóграфа, поскольку имел настолько широкое чувство юмора (в самом деле — необъятное), что даже нарочитые оскорбления в свой адрес воспринимал попросту как неудачную шутку...

— ...Аркаша! — я развел руки в стороны по-одесски (или даже по-детски). — Каким ветром? Или каким дождем?..

Но он не ответил. Лишь привалил «альфа-сумец» к обувному шкафчику, быстро снял свои промокшие мокасины, так же галопом сбегал помыть руки, и вот уже в выглаженных «со стрелочкой» джинсах начал крутиться вокруг моего аппетитного стола, словно конь в цветочной лавке. Широко раздувая ноздри, кося во все стороны лиловыми глазами, он впитывал в себя все мясное богатство — и цвет, и запах. А потом вдруг радостно хмыкнул:

— Да... Моя травоядная змея здесь бы заскучала!
«Травоядной змеей» он за глаза называл свою жену-вегетарианку.

А потом добавил:

— Хотя в пятницу скучать не пристало. Сегодня ведь — пятница?

— Ну да, — ответил я, быстренько сложив дни недели в уме, словно простенький пасьянс, — практически — «пятница, 13». Ну не по «номеру», а просто последняя пятница ноября 13-го года...

И вот мы ели-пили, ели-пили, причем, ненасытный друг Потóграф постоянно вставлял «Ёлы-палы!» во время своего разговора. Да, именно — своего. Формально, конечно же, велась беседа. Но я уже очень давно отучил себя быть *соучастником* неинтересного мне. Я приподымал брови (что не мешало мне жевать), прокашливал междометиями (проглатывая очередной кусок), и даже что-то говорил между глотками виски. Хотя подлинное мое сознание отстранилось и не принимало никакого участия во всем этом действе.

Я включился в разговор уже на балконе, где мы покуривали, да и то потому лишь, что Аркадий назойливо повторял:

— ... все эти танцы-шманцы так же похожи на протест, как я — на английскую королеву. — Он даже прихватил меня за верхнюю пуговицу рубашки.

Терпеть не могу панибратства, тем более панибратства «по случаю», равно как и тупых штампов, особенно в сравнениях. Захотелось как-то приструнить его. А он словно нарывался на это: приблизил свою одутловатую и потную физию почти впритык к моему лицу, вяло поворачивал ею на заскорузлых шейных позвонках, и навязчиво переспросил:

— Нет, ты скажи: вот я, похож на королеву Англии?

Тут я отыгрался сполна:

— Ну... Если в профиль... И немного сверху... Знаешь, — заключил я торжественно: — в таком ракурсе (или дискурсе?..) определенное сходство имеется!

Потограф разразился гомерским смехом.

— Молодец! — похвалил он. — За словом в карман к тебе лучше не влезать!

— Это точно. «Не влезай — убьет!» — знаково ответил я, при этом оскалил череп и скрестил кулаки над ключицами.

Аркадий, конечно же, не испугался, а просто решил вернуться в комнату, поближе к столу. Пребывая в жевательном умиротворении, он спросил:

— Так ты точно уверен, что грядут перемены?

Я напрягся:

— В каком смысле?

— Ну ты же сам полчаса назад сказал, что будут серьезные перемены...

Вот так так... Тик-так. Время неуловимо (ну и неуmöglich, за компанию).

Что же мною было бессознательно высказано во время *разговора*? Сегодня днем я действительно говорил о неизбежных переменах, но... Думону! Мастер горестно качал головой: «На наш внутренний архив посягают? На нашу историю? А перемены по совпадению? Ох... Не верю в совпадения...»

— Так из этого Евро-майदानа в какую сторону перемены будут? Предскажи! — Аркадий изящно вытирал жирные губы салфеткой. — Ты же у нас... как там тебя называют — козанострадамус!

Но я уже плыл в другом времени.

...Во время уроков, как и все нормальные ученики, мы неистово ждали звонка на перемену. И этот звонок не был

похож на современную будильниковую трезвонь, или там, на автоматную очередь. Он казался музыкой сфер, мелодией струн... Нет, скорее, — не казался, да мы и не задумывались о звучании его, это был просто звонок, дар, почти что безвозмездный.

В вестибюле нашего учебного корпуса, на первом этаже, был прикован к стене огромный циферблат со стрелками, словно компас, указывающий в космос неведомого. А под ним была кнопка того самого звонка, сирены, можно сказать. И вот на переменках мы с неистойвой грустью созерцали, как наша техничка — сухая старушенция с раскосыми глазами и выцветшей косичкой, — выносила табурет из своей *подсобки*, неуклюже влезала на него и всем своим сохлым телом припадала на кнопку звонка. Конец перемены. Начало нового урока. Но мы безутешно жили надеждой, что рано поздно ли, вновь будет звонок новой перемены.

И вот вначале в полшепота, а затем и полушепотом, на ухо в оглядку, и безоглядно гласно, на подпольных перекурах за баракком «*трудового комплекса*», и в полночных спальных бдениях, ширился в нашей детдомовской среде миф о предопределенности звонка на перемену. Более того, почти достоверную уверенность вызывало предположение, что существует некая «Книга перемен», по которой, собственно, и производятся все эти надавливания на зычную кнопку. А вот если заполучить эту книгу, то можно будет и предугадать, и предопределить свое будущее...

Весь девятый класс у нас прошел в поисках «Книги перемен». И поиски эти заводили нас в самые невероятные миры.

По-очереди, выпросивши у очередного ненавистного учителя разрешения «пописать», и выйдя из класса, мы

искали эту книгу. Искали истово, как ту надежду о лучшем и правильном, которая уютно гнездится в каждом из нас, но которая редко раскрывает свои крылья для прочтения.

Как искали? А очень просто. Вот я, однажды «выприсившись», причем, во весь голос, и не стесняясь, опередив нерадивый вопрос учителя словами: «Нет! Не уссался опять, а во избежание оного!», вышел в вестибюль. За спиной моей захихикали, в основном — девчонки, но для меня это уже не имело смысла.

Внизу было так пусто, что я даже испугался.

Отсутствовала обычная межурочная суета; пространство первого этажа казалось космосом, в котором я вдруг очутился без скафандра. Но скованность и смятость чувств были недолгими. Это ведь неплохо, когда есть цель. А она у меня была.

На цыпочках, по-актерски оглядываясь, и, совершенно непонятно зачем, растопырив руки, я направился к *подсобке*. Расчет мой был прост — неспроста техничка перед звонком выходила именно оттуда, значит там и должна храниться заповедная книга... Наклонился и заглянул в замочную скважину — там была кромешная тьма. Легонько потянул дверь на себя — она оказалась незапертой. Распахнул ее в ожидании чуда... Но в этом убогом и мизерном пространстве *подсобки* оказалось место всего лишь для швабры с мокрой тряпкой, побитого временем цинкового ведра, хромого табурета, и когда-то черного, но уже выцветшего в серое, халата, повешенного на добротном вбитом гвозде... Я тогда задумался — а в чем же смысл?..

...Но Аркадий бодро пригвоздил меня ударом по плечу (оказывается, он даже успел зашнуровать на ногах свои мокасины), чмокнул растопыренными губами в пространстве (благо дело, не впритык) со словами: «Спасибо за всё!

Ты меня просветил!», и уже ковырялся одной рукой в дверном замке. Что меня удивило — «альфа-сумец» был у него за плечами, но саму камеру он почему-то держал в «свободной», так сказать, руке. Уже из-за порога, из-за раскрытой двери он вдруг молниеносно прицелился. Щелкнул затвор, и меня ослепила вспышка.

Зря он это... Ни я, ни Гек, никогда не фотографируемся, разве что по необходимости — для документов. Я протер ладонью глаза, и глухо, словно из-под мешка на голове, произнес:

— Ох, Аркаша, не играй с огнем!..

Но уже хлопнули двери лифта, и он укатил вниз, в пространство людей, в преисподнюю...

с.

ЛОЖЬ О ПРОМЕТЕЕ

Сразу хотим оговорить, что письменный источник, послуживший основой настоящего исследования, весьма сомнителен, фактически — недостоверен, его невозможно перекрестно проверить, да и сам он (даже на ощупь) весьма скользковат. Тем не менее, факты, изложенные в нем, совершенно гармонично вписываются в психологический портрет нашего мифического героя, а значит — нельзя этим документом пренебречь. Но к самому источнику мы еще вернемся в конце нашего повествования, а пока представим (хоть и фрагментарно) подлинный жизненный путь некоего Прометея.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧАСТИЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Не лучшая судьба — родиться в роду титанов. До возможностей богов ты еще не дотягиваешь (хотя сполна

чувствуешь эти их, божьи, потребности); среди людей ты тоже как-то не у места: словно белая ворона в стае черных дроздов (мелки, мелки человеческие потребности, а уж возможности их — и вовсе курам на смех!)

Кое-кто надменно считает титаново племя коварным и туповатым, но на самом деле, главная беда титанов — они чересчур доверчивы. Еще любопытно: если «коварство» кого-то из них направлено на богов, то люди почитают это «доблестью», а если наоборот — то уже боги венчают своих пасынков доброжелательными взглядами.

...Япет — титан-отец героя нашего — на большое не замахивался, и ничем особо не проявил себя, разве что во время титаномахии (десятилетней бойни с богами) за чужими спинами не прятался, и — как следствие — благополучно был повергнут с остальным большинством в Тартар. Возможно, тогда-то и были заложены основы восходящей «демократии», когда «большинство» неизменно и восторженно погружает себя (и прочих) туда, куда и Макара телят не гонял.

Макара, правда, в те древнегреческие времена еще не было (по авторитетному свидетельству Куна), но кара богов очень даже была, и обрушивалась она как направо, так и налево (да и центристы не минули ее!).

...Само имя — «Прометей», значило — «думающий до», и дано оно было как бы в противовес унылому большинству, думающему «после». Но так считает лишь унылое большинство, не знакомое, ни с нотной грамотой, ни с музыкой сфер, и в лучшем случае, думающее до-ре-ми-до-ре.

Не музыкант Прометей в тростниковой дудочке, нет! — в тростниковой трубочке — даровал людям огонь, похищенный с Олимпа. Чем была набита эта трубочка, уточнять не будем, но с появлением ее (вернее — ее со-

держимого) фантазия людей воспарила в такие запределья, где даже олимпийское спокойствие чем-то напоминало известную картину Мунка (временно похищенную, кстати, подобно упоминаемому огню).

Гнев богов, как и водится, лишний раз подтвердил неадекватность гневающихся. Складывается впечатление, что к тому времени боги уже полностью потеряли связь с реальностью, и действовали иллюзорно (хотя и весьма жестко). Разрушать печень наказуемого можно было бы и более простым способом (о котором в наше время изысканно намекают лишь канадские производители виски «White Eagle»).

Общепризнанная мифологическая трактовка гласит, что наказание длилось 30 тысяч лет и Прометей никогда больше не спускался к людям, но наши сомнительные источники убедительно свидетельствуют об обратном. Поскольку в осознанном понимании физики скорость *протекания времени* — величина не постоянная, более того — замедляющаяся, то десятикратное уменьшение этой скорости с мифологического до исторического периода, представляется вполне логичным и неоспоримым фактом.

Итак, «огнедаритель» был отправлен именно к людям. Как титан, он имел, конечно же, бессмертие, он был неизлечимо жив, но напутственные глаголы гневных богов, желчно и алчно жаждущих смирения, он пропустил мимо ушей. А зря! Ведь сказали они: «Что подарил, от того и погибнешь!» Но персонаж наш лишь истово твердил, что огонь — начало мирное, дровоядное...

Дальнейший путь нашего героя вяло развеивается в мутном и полудрожащем горизонте бессмысленно-бескрайних степей, безысходных и пряных. Так же вяло и безысходно Геродот долдонит о том же: о бескрайних степях, о скифском царе... Но тут-то и всплывают до боли знакомые символы.

...Ох, как пали с неба на землю скифскую золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Подошел к ним старший брат Липокаис, но запылало золото огнем. Приблизился тогда средний брат, Арпоксаис, ко благу, с неба падшему, но и он попал в объятия огненные. А младший, Колаксаис, как подошел, так огонь и погас вмиг. Отнес он золото в дом свой, а старшие братья царем его признали. Ну? Властелин огня неотменяем!

Долго ли, скоро ли Прометей скифствовал, но потянуло его на свою мифологическую родину, да и от богатств подустал он.

...В Афинах было хоть залейся. Самовосстанавливающаяся печень оказалась как раз кстати. Но начали подводить почки, да и вообще, на земле весь род людской читил не дар прометеев, а тупо проматывал наворованное. Эллада явно была не в ладах с пониманием божественной силы, и откровенно бузила.

Отчасти в насмешку, но до некоторой степени и с намеком, Прометей стал называть себя — «Рожденный Зевсом», что по-гречески звучало как «Диоген». Но «эпатаж» — стало его вторым именем. Народ прямо таки возненавидел этого «киника», проживающего во вместительной бочке, а Платон, так тот прямо (хоть и недалеко) слюной брызгал на него. Еще бы! Ведь когда великий мыслитель, глядя на бомжа Диогена, припомнил о своем некогда рабстве у тирана Дионисия, где сам он никогда лично не мыл овощей, в отличие «от этого чмо», то услышал в ответ, что «если бы мыл овощи сам, то не оказался бы в рабстве!»

Благодаря тому же философу, Диоген-Прометей высказал и свое отношение к неблагодарному человечеству. С какого такого бодуна сболтнул Платон, что человек — это «двуногое без перьев»? Наш герой единым духом при-

волок ошипанного петуха и, неистово размахивая им во все стороны (словно имитируя несбыточный полет), стал выкрикивать: «Вот он — платоновский человек!»

А еще он скорбно бродил по городу с горящим светильником — искал «человека», чтобы как встарь, подарить ему огонь...

И кто собственно, кроме загорающего во время сиесты титана, мог сказать Александру Великому: «Отойди, ты закрываешь мне солнце»?..

...Но опять его путь размывается беспощадными дождями и опрелым временем, окрыленным неопределенностью. Как будто, промелькнул он Вифлеемским огнем; вроде бы, при страшном пожаре Рима он отстраненно смотрел на Нерона; поелику последовало Великое переселение народов, то и Прометей переметнулся на север, где умело откосил, и не стал рекрутом Крестовых походов.

Можно, конечно, причислить его и к движению тамплиеров, поскольку вскользь он обмолвился о Жаке де Моле, но тут мы уже непосредственно подходим к источнику, из которого и проистекают все эти сведения.

...В самом конце XV века добропорядочный гражданин Толедо — Хоан Кастильский (надежный меняла и оценщик по случаю), — присутствовал понятым при допросе оголтелого еретика Святой Инквизицией. Подозреваемый не юлил и не ерничал, но нес настолько несуразное повествование своей жизни, что даже известный и заслуженный палач лишь щипцами разводил в недоумении. Еретюга плел что-то о Платоне, о неких скифах, об олимпийском многобожии, титаном себя мнил, Прометеем; и как его ни мяли, от дьявола не отрекался, поскольку, похоже, вообще не понимал — что от него хотят.

Хоан Кастильский был допущен (понятно, лишь как понятой) в первый ряд при аутодафе. Когда огонь костра

взметнулся вверх, он услышал, что сжигаемый еретик лишь скорбно воскликнул: «Быстрее всего стареет благодарность!..»

Следует отметить, что в то время труды древнегреческих философов еще не были распространены в Европе, а посему эта фраза Диогена не могла быть известна обыкновенному меняле. Поэтому возможно допустить правдивость его рассказа, который он изложил на довольно таки недешевых листах, озаглавленных «О людях необычайных встречи». Возможно также, у него был целый цикл таких записанных встреч; но также вероятно, что прочие его встречи сгорели в известном Толедском пожаре, как и наш персонаж...

4

Говорить Думон начал не через пять минут, а почти сразу же после длительного откашливания (я даже по спине его прихлопнул, но он так истерично передернул своими скорбными плечами, словно скорпиона стряхивал, что и я сам отпрянул, будто на того самого скорпиона невзначай наткнулся). Я постеснялся спросить о причине и клинике его кашля — мало ли! — я ведь и сам по утрам курительно откашливаю ой как! Но мне хотелось все-таки дознаться обо всем, как он только вот обещал, поэтому я начал внимательно вслушиваться в его бессвязные хриплые реплики (а в этой архивной брэнности по-другому их и назвать невозможно):

— Вообще-то, то, что конспирологи называют «заговором», является просто архивом... и у нас... и у всех... — глаза Думона разгорались, он обращался ко мне, словно перед ним был зал, в котором пешки заняли галерку, но я уже не был зол, и слушал его с усмешкой.

— «Владеть миром» — это уныло! А вот знать, *что* на самом деле он из себя представляет — занятие вполне достойное! И мы знаем!

Я, конечно же, по-пилатовски не удержался:

— И что есть истина?

Но он не слышал и не слушал меня, словно сам я был лужей, которую должно преступить, даже не заметив.

— Наш архив... — он уже напоминал зажженный бикфордов шнур, — содержит истину — первородную, изначальную, подлинную... О которой подлый свет и не догадывается... Да покажи мы миру любой *оригинальный* документ из нашего архива — и он перевернет мир!..

Я искоса пожал плечами.

Вообще-то, невзирая на свои безволосые седины, он сейчас скорее был похож на гимназиста начала XX века, который вдруг, в отместку нерадивому, с его точки зрения, миру, решил взорвать себя на великой идее... Но не было идеи. И мир был другим. Да и сам Думон, похоже, захлебнулся в самом себе.

Он опять долго кашлял (но я даже не подступил к нему — просто скрестил руки, стоял в стороне и усмехался), а он, сквозь пронизывающий его насквозь кашель, еще долго долдонил что-то о «Еще не время. Сейчас это невозможно озвучить!» Но потом ни звука — дооткашлялся и затих.

Порой в жизни любого человека бывают моменты спонтанной сердобольности, когда он внезапно испытывает экзистенциальную жалость ко всему существу (словно Господь, заблудившись, заглянул случайно к нему в душу, с вечно печальным ликом своим, и невзначай, без всякого повода, светло улыбнулся). Так и меня вдруг порвало.

— Думон! — воскликнул я безоглядно (и безлюдно, собственно), даже сложил над головой треугольником руки, — А вы верите в Бога?!

Обычно я задавал этот вопрос, чтобы «перезагрузить» собеседника, чтобы дать ему возможность погрузиться в свое.

Архивариус протяжно присел на приступку, издавая при этом совершенно неприемлемые в данной ситуации звуки, которые в миру обычно именуют «кряхтя».

Он и сам вдруг изобразил губами некую геометрическую фигуру (дугу), и насмешливо спросил:

— А ты веришь в эволюцию видов? В инфузорных динозавров и ти-рекс-туфельки?

Такого вопросительного ответа я не ожидал, и, отчасти, растерялся. А Думон всё гнул губами свою кривую линию:

— Еще с самого-самого, так сказать — начала, — (я вздрогнул), — *наши* создали такой социальный институт — «церковь». Не ради бога, конечно, а для людей.

— «Для», но не «ради», — настороженно поддержал я новую тему. — Типа оффшорная прокладка с зычным именем...

Думон удивленно почесал шею прямо через меховой воротник. Утвердительно пожал плечами:

— Ну да... Ведь к божественному и к духовному церковь никакого отношения не имеет. Это просто удобный инструмент манипуляции. Как говорится: «каков поп, таков и приход».

— «Приход»? О, покуриваете травку?.. — я запыхал губами.

Мастер, на удивление, совершенно искренне рассмеялся:

— А вот это ты удачно!.. Ценю. Как там, у садистских социалистов: «религия — опиум народа»!

Пожалуй, впервые за весь этот долгий вечер наступил момент истинного расслабления. Мы смотрели друг на друга посмеиваясь, покачивая головами, едва ли не

подмигивая. Думон, альцгеймерски хихикая, пулеметной очередью стрелял носом в собственный воротник, я же вычурно щурился и пещерно ухал. Некоторое время было даже весело.

Все еще блаженно улыбаясь, я спросил:

— А вот «пришельцы» — это тоже *наша* придумка?

— Нет, — старик с серьезным видом хрюкнул, — их «пришельцы» придумали!

Мы опять расхохотались. В самом деле, если некие «высшие» существа «генетически» создали человека, то возникает вопрос — а кто создал этих «высших» существ (очевидно, тоже генетически)? «Сверхвысшие»? А их кто?... И реальности молниеносно начинают множиться в такой прогрессии, что даже сам Оккама готов полоснуть себя собственной бритвой по уху...

Нет-нет, мне одного Бога достаточно, равно как и Ему, я думаю, вполне сполна человек, безо всяких там пришельцев, что, явно, бесово...

— А ты-то сам, как с Богом-то? — старик повернулся ко мне боком, то влево крутя голову, то вправо (стволовые хрящи!).

Но потом вдруг неожиданно переспросил:

— Я-то ладно... Но ты же говорил с Богом? — стукнул каблуками об пол, и, чрез змеящий его кашель, хрипнул: — Мы знаем!..

«Опа! — подумал я. — Полный винтаж!»

Вспомнив его страсти по Пушкину, я пробормотал что-то вроде: «Полно, батенька!» — но он даже не услышал меня. Да и я не услышал себя.

Ведь на самом деле — никто не слышит себя.

Впрочем, как и всех других.

— А сам ты, «батенька», — вдруг огрызнулся Думон, — уж не «боженькой» ли себя возомнил? Как-то слишком уверен ты в этой реальности...

Но я лишь вяло отмахнулся:

— Не навешивайте на меня ярлыков... Хотя...

Я всюду замахал затекшими от бездействия крыльями, и заговорил без оглядки:

— А вот представьте — Бог создал мир, и захотел ощутить его, так сказать, «изнутри». «Вовселелся» в некоего человека, без воспоминания о Себе, чтобы на собственной божественной шкуре ощутить человеческую самость и грусть... Живет Он себе и живет, таким господином Б, по-человечески мучается и радуется порой, а Себя не помнит. Но вспомнить хочет! И лишь в мгновение перед смертью (естественной, или насильственной), осознает, что Он-то и есть — Бог! Но уже не успевает ничего изменить. В «этой» реальности, — я насмешливо глянул на Думона.

Тот лишь сидел с приоткрытым ртом, словно спал, хотя глаза его были широко раскрыты. И я продолжил:

— Но Бог — не промах! Он — Творец, и взрывает из точки уже новый мир, не уже прежнего, а шире. Теперь Он включает в этот мир верование, дабы помочь Себе хоть теперь осознать Себя здесь. И... опять неудача — не успел...

— Он ведь тут живет обычной человеческой жизнью, не осознанно... — пояснил я Думону, (но тот, похоже, всё спал, с раскрытыми глазами).

— Теперь в ново-новом мире Он создает религию. После очередной неудачи — еще одну. Потом — еще и еще... И ведь все они — религии — призывают найти в себе Бога! А для чего? Он ищет Себя *здесь*, хочет осознать Себя и увидеть наш мир изнутри, а не как *внешнее* Творенье. И увидеть именно глазами Бога. Но все не складывается... Вот и воссоздаются миры изначально вновь и вновь, те же самые, но с некоторыми добавлениями, изменениями,

модификациями. А у смертных (они ведь тоже повторно, раз за разом) — то дежавю, то реинкарнации... Полное смятение. Повторы, повторы...

Я, откровенно говоря, устал от всего этого вечера. Устал говорить, устал играть «в себя», устал от Ордена (пропади он пропадом!). Устал просто быть. Да, да, устал просто быть, даже как Творение Его.

Но Думон (как и Бог), явно был не промах. Он поднялся, проморгал остекленевшими глазами, с натугой откупорил из губ сжатую улыбку, и триумфально произнес:

— Трансцендентально! (По-нынешнему, можно было бы сказать проще: «Круто!»)

Так же триумфально Мастер взмахнул широкими рукавами своего халата (словно некий Синдбад из мореходного училища), но затем вдруг как-то совершенно простецки, практически шепотом, произнес:

— Бога трогать не будем. Он — неприкасаемый. Религии, церкви — да, наша наработка, Но мы-то не для того, мы — История.

— Которую, на самом деле, не знает никто, — стремглав добавил он.

Мы смотрели друг на друга взаимно уставши. Конечно, я уже понимал, во что втянут. И даже почти *знал*, что будет потом, через год и позже... Но сейчас, этот старик в халате с облезлым меховым воротником казался мне едва ли не пророком печального образа. Странно — а ведь это *они* наняли меня именно для пророчеств...

— Послушай, а может, перекусим? У нас тут столовая на втором этаже... Приватная ресторация... Готовят отменно... — было похоже, что он сам себя старается останавливать, но не смог, и вяло взмахнул рукой: — За мой счет...

Я принял: даже сюда, в архив, доносился запах чего-то соблазнительно пригоревшего.

— А давай!

— И бог нам в помощь!

— Или мы — Ему...

IV

...Запах горящих покрышек мне нравился — он напоминал мне те, детдомовские зимние полуночные костры, когда мы тянули озябшие зыбкие ладони к чадному огню, когда смачно жевали «заныканные» с ужина кусочки хлеба, когда замирали от леденящих рассказов-легенд о Том, чье имя не произносилось, но которое знали все — Сеятель Тревог...

— О! Чьук, рад вас видеть!

Шульц. Корреспондент «Немецкой волны», немец, попутно пописывает в наших глянцевого журнальцах. Безоговорочное признание у пишущей публики получил, когда статью о погодных аномалиях этот германец-варвар начал таким пассажем: «Снег падал, как Римская империя — неотвратно и даже у Нила»...

Не ожидал я встретить его на Майдане (где сам бывал ежедневно), но и не особо удивился.

— О, хер Шульц! — (по отношению к немцам я всегда использовал этот вежливый оборот.) — И вы — в революции? В борьбе?

Я, конечно же, как и всегда смеялся «в себе», но услышанное сбило меня:

— Я-я, камрад! Ведь любая борьба — это борьба с самим собою. И не важно, где она происходит: внутри тебя, или на Майдане. По сути — это одно и то же!

«Ай, да немец...», — подумал я. — «Майн Кампф, да и только!»

Вообще-то, я терпеть не могу неожиданных и случайных встреч. Но сейчас, все таки, был особый случай — такое время, такое место... да и назвал он меня «камрадом», а не «геноссе»... Решив для приличия немного поддержать разговор, я припомнил издателя Шульмана — подольского еврея с израильским и американским паспортами (который, по слухам, собирался напечатать книгу статей этого самого Шульца.)

— А что Шульман? Он вас издаст?

— О... Вы знаете немецкий... — немецкий журналист почти зарделся. Начал вдруг свои очки протирать. — Что это такое — «он» — сложный вопрос... и ответ не легок... Личность, конечно же, незаурядная, но и «сука», как говорят у вас; очень неоднозначная, можно сказать — «динган зих». Ну, вы понимаете!

Я, конечно же, понял кантовский термин «вещь в себе», хотя не сразу осознал — где это германский варвар углядел в моих словах немецкое «вас ист дас» ...

— То есть — издаст, но без гонорара. Вы это имели в виду?

— Неважно... Сейчас это уже совершенно неважно...

А февраль плакал — и не чернильно, как во время оно, а совершенно живо: жженный запах шин смешивался с еще не развеянным духом слезоточивых гранат, которыми вот совсем недавно, пару часов назад, пытались «разрядить» Майдан. Конечно же — безуспешно.

Шульц шагал широко, аки землемерный циркуль из Замка имени Кафки, переваливаясь с боку на бок (но, как мне показалось, — строго не преступая за межу своего комфорта). Попутно он кивал кому-то, здоровался с кем-то раскрытой ладонью или сжатым кулаком, отвечал на чьи-то приветствия: «Героям слава!»; одним словом — был «наш» (не в масонском смысле).

Внезапно он замер, легонько толкнул меня кулаком в бок и почти шепотом, с обреченностью в интонации, спросил:

— А ведь еще смерти будут, наверное?..

Этот же вопрос я уже слышал сегодня от Думона, поэтому и ответил слово в слово в своих словах:

— Да. Десятки десятков. Тьма тем.

Но европейский журналист резко сменил тему:

— А я вот сейчас в волонтерской группе «Евромайдан SOS». Вот и палатка наша... Пытаемся хоть как-то... чтобы...

Надпись на палатке ударила: SOS!

Я споткнулся, и провалился *туда* — в вечный холод, в ад.

...В колымском холоде я лежал под пергаментным одеялом, гордо называемом «верблюжьим», и пар изо рта, казалось, затуманивал всё спальное помещение. Было темно, как и всегда *там*. День от ночи, свет от тьмы — *там* почти невозможно это различить. Но в этой тьме жило и блеклое свечение, также блекло озярявшее мутное и замкнутое пространство с железными койками, обшарпанными тумбочками из ДСП, липкими занавесками на окнах, грязно-крашеным деревянным полом.

Очень просто: наш учитель физики смастерил однажды *электронные* часы; и вот над входом-выходом нашей спальни зеленовато-мертвенно светились знаки времени.

...Мы мастерили их на *уроках труда*. Гек, помнится, высверливал дырочки в фанере, где потом должны были быть вставлены светодиодные лампочки, а я все путался проводах. Николай Гаврилыч, учитель физики, почему-то всегда горячился, обращаясь к нам:

— Вы, светодиоды! Сядьте, и слушайте, что вам...

Но мы и сами светились в себе своим собственным светом, хотя он и не согревал...

Часы получились хороши: фанерная доска, продырявленная по канонам *золотого сечения*, подобно традиционному трансцендентальному транспаранту, была распята над спальней дверью. Мертвенное свечение времени поначалу тревожило, хотя со временем привыкаешь ко всему, даже ко времени.

Но ломается все. Двоеточие между часами-минутами в этом фанерном отмеривателе времени однажды омертвело и перестало срабатывать, на деревянном табло светились лишь некие прямоугольные знаки, но мы, все же, вполне уверенно — с обреченной безнадежностью — ориентировались в том времени и пространстве, в котором пребывали.

...И вот сейчас я вновь мерзнул под своим «верблюдим» одеяльцем, мне было дрожно и грустно.

«Может ли кому-то быть еще хуже?» — с печальной насмешливостью всеми брошенного ребенка размышлял я, повернувшись к окну. А тьма за окном была чернее, чем даже когда закрываешь глаза (свои, или кому-то).

Ночь здесь всегда. Но есть обряды, которые мы обреченно обязаны исполнять.

И вот, высунув свой оледенелый нос из-под одеяла, дабы увидеть — сколько до подъема осталось (а подъем здесь проводился ровно в семь), на светящемся табло я увидел тревожный сигнал: «SOS».

Да-да! Именно так! Кто-то просил помощи у *меня*! Ведь там было четко прописано:

5 05

Мне даже стало жарко. Я вновь нырнул под от благотворителей одеяльце. Теплее, конечно же, не стало. Долго, очень долго, можно сказать — «всю свою жизнь» (а ведь вся жизнь и есть то мгновение, когда ты осознаешь себя) — я размышлял о том, кому и как я могу помочь, если даже себе...

(Тогда, конечно, я не мог поименно назвать всякого рода спасителей рода человеческого, назойливо возникающих вечно из *никуда*, коим числа несть, кои присно и вовеки *оков*...)

Я не стал будить Гека.

Ведь кто-то ждал помощи от *меня*... Не случайно же, именно я уловил этот сигнал... Кто-то просит о помощи. Но кто?..

Когда, через сколько-то чего-то неопределимого, я вновь искоса из-под покрывала взглянул на светящееся, там был ответ на мое «кто» — *Бог!* Так и было на озаренном табло:

6 02

Я вовсе растворился в пружинах своей «панцирной» кровати. Как Он может просить моей помощи, если я сам жду помощи от Него?

...Должно быть, именно тогда я и задумался о боге. И что-то понял. Он приходит не чтобы доказать, а чтобы подтвердить. Мы по-разному встречаемся с ним, но за-

бываем его одинаково — как и свои сны, как и свое прошлое. Мне же не хотелось забыть этого мгновенья, нужно было кому-то о нем рассказать: я тряс и тряс Гека за плечо, губы шероховато шелестели какими-то словами, но...

...Это Гек встревожено тряс меня:

— Ты что? Что с тобой?

И я вынырнул из ада.

Гек действительно был испуган: он оттянул балаклаву на лоб, а рыжую строительную каску отбросил за голову.

— Тебе плохо? Нужна помощь?..

— Ну что ты, что ты! — Я пропеллерно замахал на него руками, словно Карлсон, сослепу залетевший в липкий и вязкий свет собственных воспоминаний. — Просто вспомнилось... Детство... Когда я тебя не добудился...

Гек понимающе (в самом деле — *понимающе!*) кивнул головой.

— Тогда и не будем об этом... А как твои масонские бродилки? До какого уровня уже дошел?..

Как всегда! С братом мы не виделись с самого дня рождения — пять месяцев практически! И вот, при случайной встрече он начинает... На самом деле, я понимал *что и почему*, почему и ответил совершенно серьезно:

— Уже, можно сказать, «на верхнем». И кстати, «наш архив» — это та самая приснопамятная библиотека Ярослава Мудрого. С последующими добавками, конечно... И действительно — предай гласности *любую* страничку из этого архива, и мир перевернется!

Гек рассмеялся:

— А мало ли *страничек* из ваших всяких архивов уже публиковалось? И что?

Тут уже я рассмеялся:

— А покажи хоть один *оригинальный*! Фишка в том, что время от времени тот или иной орден запускает какой-то фейк — может, истинный документ, а может «пробный шар» — посмотреть реакцию на его появление. Кстати, с тамплиерами как раз ситуация подлинная — магистры истинные! Но... оригинала-то нет! Так и со всем остальным — может-не-может. Вроде бы и что-то подлинное, но оригинал «сгорел», «пропал», осталась перепись... Там переписали, а что — никто и не знает, но все трубят — о! Нашли! Фейк и фейк всюду! Ой, Гек! Я не хочу мусориться во всем этом! Поверь — историю могут изменить лишь *подлинные* документы. Когда-то, возможно, мы доберемся и до них... Но сейчас их никто не покажет, никогда, ведь это вызовет цепную реакцию: каждый орден начнет в оправдание открывать свои подлинные контр-документы... И к чему это приведет... Я и думать не хочу!

— А ты подумай!.. — Гек смотрел на меня грустно. — Ведь что-то менять нужно... И то, что здесь сейчас есть — только начало. Это-то ты понимаешь?

Понимание страшно. И, порой, попросту не нужно. Мы остановились у какого-то костра, поели предложенной каши (вкусной, кстати), и... разошлись.

Как и обычно, Гек вдруг, исчезая, метнулся в сторону:

— Ну, при случае увидимся...

Нас не стало. Но у меня в голове по-прежнему крутились «Бог» и «SOS».

Я общечеловечески всё пытался понять: то ли мы ищем бога, то ли он ищет нас, то ли он выдает себя за человека, то ли мы просто что-то выдаем...

Хотя, и эти мысли были лукавыми, не ортодоксальными, по сути...

d.

ЛОЖЬ ЛЖЕЛОЖНАЯ

НЕОНДЕРТАЛЕЦ, ИЛИ СТОЯЩИЙ ЗА СПИНОЙ

*Фрагмент статьи из ежемесячника
«Конспирологический журнал», выпуск 21*

<...>

Череп неандертальца с черепом современного человека (кроманьонца) никто не спутает — весьма и весьма разнятся они.

Итак, складывается довольно парадоксальная ситуация: десятки тысячелетий существуют бок о бок два примитивных человеческих вида — кроманьонцы и неандертальцы. Затем, в одночасье, каменный век вдруг молниеносно исчезает, зато появляется Шумер — с городами, властью, судом, школами и прочими социальными институтами; возникает письменность, математика, астрономия, философия и литература; создаются высокоточные орудия и приборы. Кроманьонца, понятное дело, уже нет, неандертальца тоже. Только почему-то считается, что один «превратился» в «человека», а второй — «вымер».

Приводим лишь малую часть высказываний современных антропологов о неандертальце.

«...неандертальцы отличаются от современного человека более низким лбом, выступающим затылком, надбровными дугами. Объем мозга — как у современных людей или даже больше», «...открытия ученых, недавно рас-

шифровавших геном неандертальца, указывают на то, что люди, вступали с неандертальцами в половые связи в течение многих тысяч лет. Считается, что такие половые контакты были редкими и случайными. Но они имели огромное значение: почти все современные люди (за исключением людей чисто африканского происхождения) имеют 1-4 % неандертальских генов в каждой клетке своих тел», «...либо неандертальцы развивались очень быстро, либо их сообщества представляли собой очень маленькие группы», «...было также обнаружено захоронение неандертальца в железной кольчуге и с железными наконечниками стрел», «...он обладал прямо противоположными человеку свойствами. Человек слаб — неандерталец силен, человек разумен — неандерталец интуитивен», «...беру на себя смелость предположить, что у неандертальца очень сильно развился тот «вариант» разума, который у современного человека развит гораздо слабее, и к тому же упрятан далеко в подсознании — символическое мышление, основанное на ассоциативных связях. Такое мышление подразумевает наличие речи, но очень странной — всего из нескольких десятков слов, каждое из которых охватывает целый круг ассоциативно связанных понятий. Если есть хоть какая-то реальная основа под всякими магиями и телепатиями, то у неандертальцев это должно было быть развито максимально», «...видимо, неандертальцы владели тем, что мы сейчас называем гипнозом и телепатией».

...Как уже было сказано, в древний период в места обитания неандертальцев буквально «хлынули» кроманьонцы, которые были существами групповыми по природе, они размножались с чрезвычайной скоростью, и при этом имели сильно развитые лобные доли — моз-

говые центры «социального послушания». Их количество на порядки превысило количество неандертальцев, словно мыши, которые поглотили гору... Но существовали ли между ними «смешанные браки»? Да. Такие могли быть, но не системно — неандертальцы ведь всегда жили очень маленькими, «элитными» сообществами-семьями. С другой стороны, то, что у отдельных представителей «потомков кроманьонцев» — нынешних людей — пусть крайне редко, но в яркой и сильной форме проявляются паранормальные способности без специального их развития, свидетельствует о наличии «гена интуиции неандертальца». Почти всегда подобный дар (правда, только между собой) существуют среди пары близнецов.

<...>

Итак, как же они продолжили совместное существование уже в *цивилизированном* мире, эти два вида — те, кого мы называем «современными людьми» и неондерта-лецы?

Общераспространенное мнение — неандертальцы были примитивными, грубыми, тупыми существами, ведь если бы у них могли быть сверхчувственные способности, то этот вид еще давным-давно «победил» бы кроманьонцев и обрек их на вымирание.

Это по логике современного человека (коренного потомка кроманьонца). Но не следует забывать, что неандерталец обладал совершенно иным способом мышления, был менее «привязан» к чувственным удовольствиям и таким качествам как «гордыня», «эгоцентризм», стремление «выдвинуться» и т.п. Он обладал способностью непосредственного получения знаний (духовной информации), и намного раньше человека осознал свое

«задание» в этом общем существовании в этой данности. Не случайно древнейшие мифы египтян и вавилонян рассказывают о приходе «неизвестного» человека», который говорил на непонятном языке, и обучил людей изготавливать орудия, строить города, дал календари и письмо.

А первыми «посредниками» между *неондерतालцами* и человечеством стали жрецы.

<...>

Неондерталец не может долго находиться в большом скоплении людей — его мозг разрывается от «шума» бессвязных (и чаще всего — бессмысленных мыслей) окружающих. Их не встретишь на улицах мегаполиса, они по-прежнему живут маленькими «элитными семьями» и выполняют свое предназначение — помочь людям вырваться за рамки бестолково-рационального существования.

...Именно для контакта с человечеством в целом создавались эти «тайные» общества (правильней сказать — «закрытые»), которые и занимались непосредственным руководством.

<...>

Как происходят обряды «посвящения»? Адепту задаются вопросы, на которые он отвечает, причем и вопросы, и ответы на них заранее известны всем участникам. Для чего это делается? Это напрямую связано с присутствием при обряде «некоего человека с закрытым лицом». Вопрос-ответ, вопрос-ответ... Не напоминает ли это детектор лжи, «полиграф»? Только здесь считываются не физические параметры испытуемого, а духовные; и не мертвым устройством, а живым *неондертальцем*, кото-

рый, собственно, и определяет — подходит ли данный человек (кроманьонец) для выполнения нужной задачи, или нет.

<...>

Символическое и ассоциативное мышление неондертальцев проявилось даже в атрибутике человеческих «тайных» обществ (обществ-посредников). Например, «вольные каменщики» со своим символом — пирамидой. Да, есть здесь сугубо «человеческий» аспект — началось, мол, все с мастеровых-строителей, а пирамида — это и мастеров, и связь с тайным знанием, тянущимся со времен пирамид... Но для неондертальца здесь виден совсем другой смысл — «вольные» времена каменного века, когда только закладывались первые камни здания человеческой цивилизации. А пирамида — это одновременно и символ пещеры, и черепа неандертальца (низкие выступающие надбровья и удлинённая теменная часть головы; на наскальных первобытных рисунках легко различить, где люди, а где неандертальцы — у первых головы в виде треугольника, опущенного вниз, у вторых — вверх).

...И ни в коей мере не следует считать их «Правителями»! Путем построения различных систем и практик они лишь дают возможность людям подняться на иной (высший) уровень духовности, «возвратиться» в целостное вселенское существование, побороть в себе «зверя», доставшегося в наследство от кроманьонца.

А все то, что мы имеем в сегодняшнем «цивилизованном» мире — натворил сам человек, и в большой степени из-за неправильного понимания полученных знаний... Да и «общества-посредники», вполне вероятно, введут какую-то свою игру, неизвестно что сохраняя... Но это уже вопрос отдельный.

Выходя из архива, я лишь почесывал свои мало бритые щеки. От всего рассказанного Думоном голова шла замороченным кругом.

Мы вновь прошествовали сквозь кабинет, затем через прихожую, но именно в прихожей прошмыгнули в какую-то невидимую ранее мною дверь, оказались на рядовой лестничной площадке — совково-совковой — спустились этажом ниже, и вошли в некий зал, по виду (да и по духу) напоминавший уже совершенно подзабытый бытеский общепит.

Одно лишь различие: около конвейера раздачи еды не было очереди. Были только мы.

Я напрягся: все-таки уже почти 10 вечера, а тут повсюду свет, как во времена Творенья; оно, конечно, хорошо, но уж как-то непривычно для мучительно собранного по колючим крупицам опыта...

Из пирамиды пластиковых подносов мы взяли по одному, положили их на никелевые полозья и двинулись вдоль. (Думона я пропустил вперед, для *уверенности*.) Не успели мы и двух шагов ступить, как откуда-то из-под ног, сбоку, послышался хрипловатый, протяжный и неразборчивый возглас:

— Ми-ау-у!..

Мастер восторженно охнул и присел на корточки; причем, полы его потертого халата маковым цветком разлеглись по кафельному полу, словно мантия мышинного короля. Руку он протянул куда-то вглубь, а ко мне приподнял лишь подбородок, и на выдохе шепнул:

— Это... это наш всеобщий любимец — кот Дивуар!..

Затем он так проникновенно просюсюкал: «Кись-кись!», — что стал похож на карикатуру.

Но всеобщий любимец материализовался почему-то около моей ноги. Это был дородный плосконосый перс цвета слоновьей кости — явно зажавшийся и зарвавшийся. Он недобро посмотрел на меня своими совиными глазами, еще раз повторил: — Ми-ау-у!.. — и триумфально пошел в зал, туда, где столики и стулья.

Думон выровнялся, любовно проследил за наглым ходом Дивуара, и лихо кивнул затылком в мою сторону, мол, — каково?!

Но я лишь скромно спросил:

— Кушать будем?..

— Да-да...

...А где-то за полозьями, в глубине, что-то позвякивало, скреблось и постукивало. Мой новый начальник (да, уже так!) начал флюгерно вертеть головой из мехового воротника халата, затем тихо, в пол крика, спросил:

— Барбара! Ты здесь?..

Я чуть было не начал осознавать себя героем какого-то мыльного телесериала, но — нет! — из кухонных глубин появился новый персонаж. Это была худощавая сухонькая тетка с редкими пепельными волосами, сплетенными в неуклюжую косичку. Она возникла вдруг совершенно по ту сторону от нас, и абсолютно спокойно, в растяжку, спросила:

— Чего желаете?

Думон радостно воскликнул:

— А выдай-ка нам вашего фирменного! Праздничного!

Он вдруг хлопнул меня по плечу, словно комара прибил:

— Тут у нас новый сослуживец. Порадуй же!

«Ликуй, Исайя...», — подумал я.

Но Думон слюнным шепотом начал вдруг быстро рассказывать, мол, она мастер кулинарии, да она такое из продуктов вытворяет, да она такая повариха!..

— Бабариха? — переспросил я вежливо. — Типа, а во лбу звезда горит? мишленовская?..

Гневного ответа я не услышал, поскольку молниеносно на наших подносах возникли широкие-широкие тарелки, высокие керамические стаканы, по паре вилок и ножей, целомудренные салфетки и отточенные зубочистки.

Содержимое тарелки я смог рассмотреть уже за столиком, сидя, когда нахрапистый Дивуар пытался своим плоским лбом раздробить мою щиколотку.

На тарелке было *нечто*, напомнившее вдруг мой день рождения в глубоком обморочном детстве. Это было белым, объемным, а по периметру обрамлялось тонкой линией непрозрачного соуса (или сиропа?).

Минуты полторы-две мы молча ели. Я, честно говоря, не в восторге от молекулярной кулинарии...

— А скажите, Мастер Дум, вы действительно верите в правильность этих восприятий — когда детская манная каша имеет вкус черной икры?

Моя искренняя серьезность и вежливость, похоже, позабавила Думона.

— А что, по-твоему, вообще может определить *правильность* восприятия? — он в очередной раз смаковал победу надо мной. — Что можно есть — то и есть! Всё же лучше, чем черная икра со вкусом манной каши!

Хихикнул, причмокнул, вытер нитевидные уста салфеткой, и вдруг начал оглашать какой-то странный (и совершенно неуместный в данных обстоятельствах) литературно-исторический пассаж.

— Достоевского, поди, читал?

— А то! — ответил я гордо (хоть губы мои были облеплены черной икрой, имеющей вид манной каши).

Мастер доброжелательно кивнул, хоть глаза его были похожи на клюв хищной птицы.

— Федора Михалыча поначалу приняли, поверили ему (ну, вот, как я тебе верю), — Думон больно клюнул меня костяным взглядом, но я широко распахнул крылья своего духа — мол, а какие проблемы?

И тут я услышал совершенно безумную историю, рассказанную почти зловещим шепотом. Оказывается, Родион Романович, с топором под мышкой, возник на книжных страницах не просто так. На самом деле, творца его — Федора Михайловича, вначале приняли в местный Орден за всеоширь видения бытия, но затем поспешно исключили за чрезмерный антисемитизм, и за неподчинение каноническому мышлению Ордена (местного, естественно).

Итак, гордый писатель, отвергнутый кучкой... какой-то «могучей кучкой», решает отомстить. И вот он пишет гневный роман, который насквозь, вдоль и поперек, сверху донизу пронизан темой масонства.

Ну-ка, где Раскольников привешивает на своем пальто топор? — да! именно там, где носили мастерок присно известные *вольные каменщики*; а это маргинальное представление о масонах: «Кто я — тварь дрожащая, или право имею?!» — не что иное, как цинично и вульгарно перифразированный главный постулат любого Ордена. Тот же Свидригайлов отправляется в Америку весьма своеобразным образом (Как раз во второй половине 19-го столетия начался конфликт российского масонства с американским.)... Да и сексуальный аспект, оказывается, не следует отбрасывать. Есть в романе достаточно четкие намеки, что студент Родион вполне мог быть «любовным продуктом» для Алены Ивановны... Одним словом, Федор Михалыч стыдился своего масонского прошлого, но зато и отыгрался на его идее по полной. «Отрыгнулся», можно сказать...

Вся эта услышанная галиматъя меня попросту ошарашила (ведь я люблю Достоевского как писателя!)

— А как же «Село Степанчиково», «Бесы»? — спросил я почти робко, словно спичечный коробок переворачивая.

— Это ты специально, чтобы меня взбесить?! — Думон засверкал своим вялым светом.

Но ситуацию разрулил кот Дивуар — он вдруг опять появился из ниоткуда, запрыгнул на стол, и по-собачьи стал обнюхивать тарелку Мастера.

— Кись-кись! — сладко прозвучало вновь, но персидское диво лишь гребануло лапой по краю тарелки, недобро фыркнуло, неспешно прошлось по столу, а потом вообще исчезло так же внезапно, как и появилось до того.

Мастер грустно нахохлился, машинально провел вилкой по манной каше (со вкусом черной икры), а затем как-то совершенно по-человечески — печально и безапелляционно — сказал:

— Любые исторические исследования — это просто препарирование трупов. История, — он, похоже, начал окукливаться, подобно... да, тем, из которых потом... — ...такое... Мы ведь, как анатомический театр — копаемся в потрохах прошедшего, но несведущим это неведомо... да и ни к чему это им...

Я даже проглотил нервно еще одну вилочную порцию манной каши. «Тогда — к чему это всё? И о чём?..» — извечная растерянность навалилась на меня подобно известной рассеянности нашего трехмерного мира. (Правильней было бы сказать: я ощутил себя среди «темной материи», хотя она, на самом деле, это бесконечно малое приращение из трех- в четырехмерное, чтобы те самые «бляшки», о которых говорил Гек — ангелы или аггелы — могли через нас пребывать *здесь...*)

— Ну, батенька, — мне даже удалось снизить уровень говорения до наинизшей планки. — Я, конечно, не стану ломать копыа за копейку в базарный день... Но ведь должна же быть, в конце концов, справедливость... Почему люди не могут знать, то, что могло бы им... — и тут я замер — «помочь»? «задуматься»? «осознать»?.. — ...Что могло бы сделать их мир справедливее!

— А почему ты решил, что существует (или должна быть) какая-то «справедливость»? — Думон искренне удивился, хотя говорил как-то рассеянно, словно и он был вне нашего пространства и времени. — Вот возьми для примера: в животном мире все пожирают друг друга... Но всё находится в равновесии.

— Но мы же — люди! — Я всхлипнул.

— А какая разница? Для мира важна не справедливость, а равновесие. Любым путем.

— Но ведь пути Господни... — начал было я, но затих, словно стих, недовысказанный и прерванный, чем угодно — пулей, словом, взглядом.

Думон весело потрепал меня по плечу; словно старший брат; словно Старший Брат.

— Пора и честь знать, — он, похоже, собирался вздремнуть на время, а я ему мешал. — Пойдем-ка на выход, а по пути я тебе самое главное скажу...

И я пошел за ним — как на плаху, в то же время неистово смеясь внутри себя: ну полный бардак!..

V

— Ну, у тебя тут полный бардак! Как и всегда, впрочем... — Лана лишь коромысленно поводила плечами, озирая мое бытейство.

...Всего лишь месяц назад она вдруг *вновь* появилась в моей жизни. Да, ведь была ярко-цветущая весна, как и те лет пять, шесть, семь, или сколько там тысячелетий назад, когда мы опять внезапно оказались вместе.

Но, самом деле, познакомились-то мы и того ранее, едва ли не в мое позднее студенчество. Когда я только-только перебрался в съемную однокомнатку на Ветряных Горах. Квартира тогда была пуста — матрац с одеялом на полу, нагромождение коробок с *необходимым для жизни*, и... всё (впрочем, после колымского ада и это казалось раем...).

В ходе какого-то обычного школярского гаудеамуса я заметил раскосую студенточку, у которой желтоватопепельные волосы были стянуты на затылке «хвостиком», игриво переходившим в небольшую косичку. Предложение побывать на Ветряных Горах вызвало у нее восторг:

— О! Ветреные Горы! — Она хлынула за мной, словно игристое вино из опрокинутого стакана.

...Поскольку стола не было, накрыли на гладильной доске. Без утюга. Гаудеамус, игитур...

...Она так быстро разделась и юркнула под одеяло на полу, что я и дыхания не успел перевести...

...А на завтра продолжилась все та же затяжная сессия — с экзаменами, с лотерейными билетами на столах, со сдачами и не сдачами, с вопросами, на которые нет ответов... хоть и вопросы эти мы задаем сами себе... всегда... и не о полете на четырех крыльях... где экзаменатор во рву Миланской крепости созерцает черных стрекоз... и где костюм профессора напоминает одеяние древнеегипетских инквизиторов... и где ты в очередной раз возносишься ангелом в духе своем... и где тебя повергают в преисподнюю непризнания... и ты осознаешь

справедливость этого... и теряешь равновесие... но все равно все заканчивается очередным школярским гаудеамусом...

После той ночи с Ланой мы не виделись больше никогда.

Лет десять.

...Мы время на тормозах спускаем. И вот, спустя сколько-то, на какой-то очередной презентации чего-то очередного бессмысленного, я, уже в роли маститого журналиста-пророка, хаживал с неизменным стаканом виски в руке, когда, вдруг, углядел светло-надрывную косичку и раскосые глаза.

— Лана?! Сколько лет, сколько зим... — от собственной банальности я начал ощущать себя тупым бананом.

Но ее радость увидеть меня была совершенно... совершенной.

Будь прокляты те, кто говорит, что «нет в мире совершенства»!

...Она тоже была уже весьма авторитетным психотерапевтом, а не студенточкой с «психушки» (как называли в бытность учащихся на факультете психологии). Теперь я узнал причину глаз-щелочек, да самого ее имени. Оказывается, в начале семидесятых в киевский Сельскохозяйственный институт поступила девушка из Северной Кореи, в аккурат после принятия там «Социалистической конституции». Отчаянно не желая возвращаться на свою северную родину, она через год учебы вышла замуж за своего сокурсника-украинца, а еще через год родила Лану. Пребывая в паутине постоянного страха высылки, семья перебралась в какое-то глухое село на Полтавщине, где и прошло детство Ланы.

— Да и имя у меня на самом деле корейское! — (я с удовольствием слушал). — «Лан» по-корейски значит «мирная»! И я даже могу написать это. Смотри!

Схватив лист бумаги с моего стола, она нарисовала изящные загогулины:

Внимательно рассмотрев рисунок, я промолвил:

— Вообще-то, похоже на какое-то корейское «чуч-хело»... — но, ожегшись о гневные лучики из ее глаз, - насмешливо-уважительно добавил: — Как сказал бы «великий вождь товарищ Ким Ир Сен».

Лана в ответ принялась весело пинать меня ногами — должно быть тхэквондо у корейнок в крови. А я лишь кричал: — «Мирная»? Ой! Да какая же ты «мирная»!..»

...Хотя и тогда мы недолго пробыли вместе — недель девять почти, ну чуть более. В принципе, все было прекрасно и безмятежно, до поры до времени: ночи сменялись днями, свет казался назойливой радостью, спаянные губы не давали говорить (да это и ненужно было!), а потом вдруг словно между нами пробежал мороз по коже.

Я даже еще некоторое время помнил эти странные наши с ней диалоги, в стиле древнегреческой трагедии:

— ...Ты просто боишься брать на себя ответственность!

Меня кукожило:

— Оставь ты это психоложество... Давай без фрейдизма — не будем о моих страхах. И вообще, я не вижу смысла продолжать этот разговор — бессмысленный и беспощадный...

А она, отвернувшись, и словно из-за кулис, бросала:

— Если у тебя дурное настроение — это не повод, чтобы я состязалась в этом с тобой! Да ты ведь вообще, для нас, *простых смертных* — недосягаем! — И насмешливо: — Я тобой просто восхищаюсь!

На что я отвечал с мрачноватой веселостью:

— Я ведь не закат на тропическом острове, чтобы мною восхищаться...

Лана парировала вполне достойно:

— Надеюсь найти в тебе то... Но это так утомительно и гадко! Вроде как искать фамильную серебряную ложку в бочке дёгтя...

Короче, все получилось, как в старинном романсе:

Она на него положилась,
А он на нее положил...

...Но вот уже почти месяц, как Лана вновь время от времени возникает в моей ветреной жизни, в отовсюду продуваемой квартирке на Ветряных Горах.

И в этот, третий раз, она появилась внезапно. В конце апреля мы («журналистская братия») в какой-то пивнушке провожали Потóграфа — он отправлялся на восток, в добровольческий батальон «Донбасс», военным фотографом. Это было абсолютно неожиданным для всех (для его «травоядной змеи» — в первую очередь, возможно, он просто... ну да ладно!). Тогда еще никто и не догадывался, что всего через четыре месяца Потóграф будет выходить из Иловайского котла, будет серьезно ранен, но выживет (как и его ошеломляющие фотографии, которые разлетятся по всему миру)...

Да, это было еще и через несколько дней после того, когда я, пожалуй, впервые предъявил Мастеру Дум серьезную претензию:

— Так если мы *право имеем*, то не должны сидеть сейчас, сложа руки!

На что Думон лишь горизонтально подвигал головой:

— Наше дело — архив от орков уберечь, а всё человеческое... преходяще...

Да, это было еще и буквально через день после нашего последнего и *самого серьезного* разговора с Гekom...

..Так вот. Лана вдруг появилась из ниоткуда, легко взмахнула своей пепельной косичкой. Даже дубовые потолочные балки бара вздрогнули (не говоря уже обо мне).

— Пойдем? — она смотрела лишь на меня.

Да и все глядели на меня лишь. Я обнял Аркадия, прощаясь, хлопнул его по плечу, ткнул ногой приснопамятный «альфа-сумец», и мы с Ланой пошли к выходу. В дверях я оглянулся: Аркадий-Потóграф подмигнул мне на прощанье правым глазом.

...И я провалился в прошлое.

...Старшекласье. Худющий очкарик, надсмехаемый всеми, носил имя абсолютно не подходящее (даже более моего) для этих промозглых мест — Аттила. Дразнили его, конечно же, просто — «Гнусный Гунн». Мало того, что глаза его были слабы, он еще и страдал каким-то нервным тиком, отчего правое веко его постоянно дергалось. («Тикало», как говаривали мы).

— Ну и сколько нам до подъема осталось? — спрашивали иные, лыбясь, укладываясь ко сну. — Сколько там, у Гнусного Гунна, натикало?..

Но Гек всегда защищал этого школьника, а однажды предложил такое:

— Аттила, — сказал он вдруг, — а вдруг ты — связь со Вселенной? И через тебя передается какая-то информация, как азбука Морзе? Давай проверим!

Он схватил бумаги лист, ручку, взмахнул рукой:

— Закрой глаза и расслабься!

Все вокруг смотрели на все это во все глаза.

— А теперь открой, и не думай ни о чем!

Аттила ошарашено сидел, и однозначно ни о чем уже и думать не мог! Лишь правый глаз его еще более нервно дергался. Гек записывал вслух (он ведь знает всё, и азбуку Морзе):

— Так... точка, точка, точка; тире, тире, тире; точка, точка, точка... SOS! — закричал он неистово. — Кто-то просит помощи во Вселенной!

Все посмотрели на Аттилу едва ли не с уважением.

— А кто может у него просить помощи? Он ведь и сам малахольный! — отозвался кто-то из задних кроватей (дело-то происходило после отбоя).

— Бог... — ошарашенно прошептал я. — Кто же еще?

Хоть я и шепнул, едва ли не сглатывая эти слова, но все повернулись в мою сторону.

Гек ситуацию спас, да, спас.

— Читаем дальше! Продолжай, ни о чем не думать! — (Это уже к Аттиле). — Тире; тире, тире, тире; опять тире... «Тот»!

Все мы в этом спальном помещении попросту *смялись*.

...Что мы искали тогда (да и сейчас, пожалуй) — никому не ведомо. Да и поиски наши походили больше на бег по кругу. Но иной раз, когда гас свет, и лишь светодиодные часы нервно и беззвучно *тикали*, мы вдруг начинали говорить... О Том, чье имя неназываемо, да и никому неизвестно было. Может, и ведомо, да называть его мы боялись, вот и говорили просто — Тот, кто... Вежливо, с большой буквы — Тот... Кто может всё. Но сами-то мы не могли почти ничего... «Сеятель Тре-

вог» — имя это знали все, но никогда не произносили вслух. Разве что, в подушку уткнувшись слезами, в перья из грубой наволочки колющие, сдавленно шепча, сглатывая слюну и страх: «Сеятель Тревог! Не засеяй меня!»...

— Созерцая весь этот твой бардак постоянно, я думаю лишь об одном — а способен хоть кто-то засеять здесь спокойствие и равновесие?

Лана, конечно же, намекала лишь на себя. (Как это по-женски!)

— Погоди, я вот думаю...

А думалось мне такое: женщина — это время, а мужчина — это пространство.

Я попытался рассказать об этом, но Лана засмеялась. Как это она умеет. Точнее — как это в ней заложено.

Удивительно, но для меня женщины привлекательны именно своим смехом.

...В самом деле, когда иной раз внешне сексапильная барышня засмеется внезапно крысячим «хи-хи-хи», тонко-пронзительным, переходящим в ультразвук, то ты уже ощущаешь себя мешком зерна, который непременно и радостно сожрут.

А бывает что и громогласное «гы-гы!» — среди людей (да и сам-на-сам) — повергает тебя в шок.

...Красиво отсмеявшись, Лана обняла меня.

— Всё хорошо!

Я вдруг решил: «А вдруг и вправду...» Уже было почти решился рассказать ей обо всем...

Но Лана погладила меня, как подброшенного шелудивого котенка — от переносицы до затылка.

— Ой, Чук, меньше думай, проще будет!

Я даже передернулся — от *нее* такого я никогда и ожидать не мог...

И сразу ощутил себя гладким и ровным куском фольги, который вдруг скомкали — шумно и до скрипа, со вкусом и с наслаждением... Остался просто круглый ком — корявый, и не имеющий смысла...

е.

ПСЕВДОЛОЖЬ

АМОН-РАЖ

*Вольный перевод
коптского свитка неизвестного авторства,
найденного в Поле Тростников в 2013 году*

Когда солнце рождается в каждой песчинке, нет покоя.

Когда жаркий песок скребется между пальцами ног, шевелящимися, нет покоя...

— Нет покоя тому, кто был спрятан, — говорит жрец, — я был спрятан, но я обнаружил пределы. И я нашел для себя самого границы...

Техути провел ногой по горячему песку. Его немного пугал Путь, ему предназначенный. Да, он тоже будет жрецом истины, тайным, избранным. Но сейчас, в предзакатье, сидя перед Великой Пирамидой, он пытался осознать смысл всего этого.

— Ако! — наконец он обратился к жрецу. — А что есть Пирамида?

Ако стиснул и так свою редкую бороду в кулак. Словно вместе с нею и себя всего хотел вытащить отсюда.

— Ты видел песочные часы? — спросил он вдруг тихо и утомленно.

— Да.

— Когда время вытекает из верхнего сосуда, то внизу остается лишь песочная пирамидка. Так ведь?

— Да, — вновь повторил Техути.

Великий Амон обжигал с неба.

А песок жег и так обожженные песком пальцы ног. Техути посмотрел вверх, и, ослепленный, спросил:

— А где же тогда верхний сосуд?..

Ако засмеялся:

— Так ведь он уже пуст! — потом шепотом добавил: — И, кроме того, как ты можешь увидеть *пределы*, если сам находишься в этих часах?

Техути большими пальцами ног подхватил горку горячего песка, попытался сохранить ее равновесие, но песок просыпался между пальцев, и на песке образовалась маленькая пирамидка.

— Выйти за пределы этого мира — значит просто выйти из часов, в которых ты живешь?

— Да. Просто выйти за сыпучие пределы времени, в котором ты, увы, находишься.

Прищуренными глазами ученик посмотрел на сияющее тело Ра.

— А для чего мы стремимся вверх?

— Ты поднимаешься вверх для самого себя, о Тихое сердце! — протяжно и напевно проговорил Ако.

Пирамида в знойном мареве шевелилась, словно это бабочка пыталась вырваться из своего когтистого кокона. Техути вдруг вспомнил: всего лишь год назад, до того, как его *избрали* в избранные, они, друзья-мальчишки, от нечего делать придумывали несуществующее. Кто-то, на мгновенье задумавшись, предложил: — «А вот пред-

ставьте, что вода может быть... твердой!» — «Вода — твердой?!» — Все захохотали; Техути тоже, он даже ответил: — «Проще представить себя богом!» Но все как-то сразу замерли и затихли. Тогда он виновато проговорил: — «Я никогда не делал вещей, которые ненавистны богам... Господа правды и истины — суть Тот и Астес...» — И оробело спросил: — «Я расставил богов по их дорогам?..»

Также конфузливо он спросил и сейчас:

— Пирамиду нам оставил Тот?

Ако, словно священная змея Сата (чьи годы нескончаемы), приподнялся над песком, лицо его отражало закатное сияние Амона:

— Да-да! Ты умеешь *знать*... Ведь Тот — владыка времени. Он идет, принося известия. Но, создав Пирамиду, он сказал так: «Я открыл путь к вам для себя самого». Ты понимаешь, о чем это?

И Техути вдруг понял: Тот — в каждом из нас. И Пирамиду мы строим в себе, чтобы Тот нашими устами шепнул: — «Я никогда не приду к концу!»

— Учитель! Но я чувствую беспокойство от этих мыслей... — Техути начал просто стряхивать капельки пота с лица, а затем двумя распахнутыми ладонями провел ото лба до затылка; в движении полосок его пальцев сложился почти что немес фараона.

Хотя династии фараонов исчезли уже почти четыре столетия тому, Ако по-змеиному отпрянул:

— Истина всегда тревогу сеет...

Техути неосознанно покачал головой, и вдруг глухо, словно это был кто-то другой, проговорил:

— Мы сами ее сеем... В нас Тот, в нас истина, в нас и тревога... Постоянно...

Жрец вдруг встал на ноги. Один среди иссохшего песка времени.

— Постоянно?.. Да что ты в свои годы можешь знать о постоянстве... Вечность — это День, а Постоянство — это Ночь.

Да, был день, но был и вечер. Амон скатывался по гребню Пирамиды. Ако развел руки, будто хотел сказать: «Когда не останется солнца, останусь только я...»

Ученик пригоршнями ухватил понемногу остывающее время, но песок все так же исчезал. Техути робко спросил:

— А почему пали наши династии?

— А почему падает песок в часах?

Ако опустил взглядом, и невнятно бормотал: «...и дайте мне мощь плыть вниз по течению и плыть под парусом вверх по течению потока в Поле Тростников...»

В песчаной тишине, даже без посвиста ветра, он бесвязно продолжал: «Я ведь уже стар... Я положил конец своим проступкам, и я устранил свои ошибки...» Брови учителя были печально изогнуты, словно клюв в иероглифе «ибис».

Техути смотрел на жреца почти с испугом, ведь он знал, что истина скрыта в бровях. Но тот вдруг тихо и ласково, словно священную кошку гладил, молвил:

— Всегда помни, что ты — копт. А я расскажу тебе всё...

<...>

(Последующие страницы списка настолько повреждены, что дальнейшее прочтение их невозможно. Разборчиво встречаются лишь отдельные словосочетания: «Книга Тот», «Александрийская библиотека» и «Мы ее храним уже веками».)

В прихожей Думон почему-то вновь уселся за стол. Да и выглядел он вдохновлено-восторженным, словно вот только что перечитал «Египетскую Книгу мертвых».

— Ну что, Подмастеренок, «на коня»?

Заветный графинчик засверкал на столе.

Обычно я избегаю подобных поводов для «накачать», ибо, как подсказывает колючий опыт, одним коном дело не завершится. Чаще всего, в какой-то просветленный миг, по-некрасовски, ты видишь, что «шестернею цугом показались дроги»...

— Ну, «вздрогнем»?

Мастер, оказывается, как-то молниеносно успел разлить печальную «Осень» по стоящим здесь уже три часа, и застывших в ожидании, брильянтовым гранчакам.

Я даже растерялся. Откинулся в кресле, вцепился в подлокотники скользкой слоновьей кости. Но Думон, совершенно не глядя на меня, хрипло прокаркал:

— Вперед! Карты брошены!

Он даже плюхнул свою сохлую песочную ладонь на стол. Должно быть, сказывался возраст: большой палец и мизинец его изогнулись внутрь; на гладкой поверхности столешницы темнели лишь три средних пальца. Будто птичья лапка, точнее — словно окаменелый след какого-то священного птаха. И, в то же время: — «Буква «Шин!»», — подумалось машинально (и, непонятно почему, нос подсознательно ощутил запах горящих шин; наверное, что-то пригорело в столовой).

Да, я опубликовал когда-то статью о картах Таро и магическом их значении, и, глядя на эту букву — Ш («Шин») — сразу вспомнил карту, которой она соответствовала. «Шут»! Ну, это там, где какой-то дурачок с песи-

ком стоит над пропастью, во ржи... (Видать, не случайно сказал Творец: «Остановись, творение, на букве Шин и не распространяйся более...») Шут! Что ж, эта картинка мне подходит. Поэтому, играя роль своей карты, я разулыбался:

— Ничего не скажешь, двадцать один — очко! Выигрыш ваш!

Но он смотрел на меня так, словно загнанного коня держал на аркане. Да, на двадцать первом аркане...

В этот, последний раз, мы выпили молча — без тостов и стихотворного стриптиза.

Отдышавшись, Мастер вразной подвигал бровями, и вдруг проговорил с какой-то невероятной грустью, словно потомственный экзистенциалист:

— А предают все. Абсолютно все! Порой сами этого не замечая, но чаще — сознательно. Хотя и по разным на то причинам...

— Если вы обо мне, — начал было я, как и в начале этого вечера, — то...

Договорить не удалось — Думон выпрямился в своем кресле и понес полнейшую чушь совершенно официальным тоном:

— По утрам тебе позвонят, справятся о здоровье («А то — мало ли что!» — он округлил глаза), подъедут и отвезут на работу. Сюда.

Какое-то время он старчески поплямкал губами: плям-плям. Затем строго продолжил, даже указательным пальцем немного подвигал:

— И не пытайся определить, где мы находимся. Это — запрет!

— Ну, то, что в вашем «бобике» затемненные стекла... я ведь и по звуку, да и вообще... могу *знать*...

Лишь криво усмехнулся:

— Лучше не знать... А «бобик», как ты выразился, — (похоже, Думон искренне оскорбился), — это Мерседес-Бенц, Джи-класс!

Я почему-то автоматически брякнул:

— Угу... «Unadulterated Class», — хотя так и не вспомнил, что бы это могло означать.

Но Думон понял, он даже картаво покивал головой.

— Да-да... Именно. И телефоном здесь не пользоваться! Он все равно работать не будет — защитный фон!

Еще покивал, еще, и душевно добавил:

— Да не заморачивайся ты тайнами! Ёксель-моксель...

Он проговорил с такой растяжкой, вяло, но уверенно, что возникло воющее ощущение, что меня бьют резиновым шлангом по голове.

У кого-то иногда бывают провалы в памяти. А у меня порой случаются провалы в детство...

...«Ёксель-моксель, балалайка,
Под столом сидит хозяйка.
У хозяйки длинный нос,
А зовут её...» —

И все вместе мы радостно кричали: «Барбос!»

Да, этот черный лохматый клубок был одной из немногих (если — не единственной) радостей *там*. Я однажды с ужасом подслушал, как наша техничка-уборщица, кося и так косые свои глаза, предлагала директору детдома «отравить суку крысиным ядом». Но тот, будучи человеком партийным, все же, немного оставался еще человеком: «Ну что вы, что вы, зачем нарочитые крайности...»

И мне думалось, что наш Барбос — безоглядно облизывающий всех, подставляющий свое шерстяное пузо для тисканья, не обижавшийся на отсутствие «вкусняшек», — что вот он, просто существо из другого мира, доброго, светлого, и пришел он сюда лишь для того, чтобы с нами разделить нашу скорбь. Вернее, принять на себя часть этой грусти; а нам стало бы чуть-чуть легче...

— ...Эй, заснул что ли? — Думон нахохлился, едва ли не чистил перья своего халата. — Какой-то ты беспокойный...

— Я абсолютно спокоен и невозмутим. Как айсберг. Да. Абсолютно спокоен и невозмутим, как айсберг. Да. Перед свиданием с «Титаником».

Хоть я и говорил совершенно автоматически, мысли мои занимались своим привычным делом — перебирали какую-то словесную шелуху (услышанную и запомнившуюся), отыскивали в ней что-то удобоваримое, переругивались между собой, претендуя на особую значимость, и вообще были беспорядочны.

Взгляд старца мне не понравился — он смотрел на меня уж как-то слишком пристально, окаменело, можно сказать. А губы его двигались, словно и не принадлежали этому лицу, этим глазам:

— Я о «тайнах». Ты заметил — у нас нигде здесь нет окон, так что не пытайся определить, где мы...

Рассмеявшись, я ответил:

— Вся моя жизнь — это попытка понять, *где* я. Так что и вы, *mon cher*, не исключение, а скорей — продолжение вопроса.

Усталость напоминала о себе. В самом деле — весь вечер провести в помещениях без окон: где было как-то слишком темно (и не из-за отсутствия ламп и светильников), где воздух висел, дергая связанными ногами и высу-

нув затхлый язык, где даже стены, казалось, пытались спрятаться друг за друга....

Именно здесь мне и предстоит работать...

Думон поднялся. Постоял, покачиваясь. Поморщился:

— И поменьше со всеми этими своими мифами...

Я тоже встал. Смеясь:

— Ну... Можно ведь вообще замутить такой миф, что тебя возьмут на пожизненное обеспечение! Нет?

— Ладно тебе, будет уже, — старик вяло плелся к входной двери, но вдруг резко обернулся: — А что, скажи, ровно через год будет?!

Мне, уже в который раз, все эти вопросы осточертели:

— Да самолет с туристами собьют! — и добавил в безбровые округлившиеся глаза: — Нет, не мы, конечно, а... орда! Да! Бяки-буки.

Мастер в сердцах беззвучно сплюнул.

— Так... Сегодня у нас какой день?

— Вообще-то, уже вечер... Ночь, можно сказать. А с утра была среда.

— Хорошо, тогда разберись там со своими делами до конца недели, а в понедельник тебе позвонят и привезут. И не вздумай нас предать!

— И вам всего доброго!

Думон буквально вытолкал меня за дверь. Словно это был не старик в халате с меховым воротником (хотя и Мастер), а царственный швейцар в ливерной ливрее...

Все тот же «бобик» джи-класса отвез меня на Ветряные Горы. Дороги я даже не заметил, и весь путь мысли мои крутились почему-то вокруг космологии: если почти доказано, что есть невидимая «темная материя», тогда должно существовать и «темное время»! Время, которое мы не замечаем, Время, которое проходит то ли рядом с нами, то ли мимо нас...

VI

Лана внимательно слушала меня. Лишь сейчас, спустя два месяца, я вновь решился, и начал рассказывать ей всё: как год назад был принят в Орден и никто не должен был об этом знать (потому-то среди недели не позволял ей оставаться у себя, и даже ночью отвозил ее домой); как *вещал* в неизвестном мне месте и потом был допущен во *внутренний архив*; как в начале этого года призывал Думона задействовать возможности Ордена, чтобы не допустить вторжения (но его интересовала лишь сохранность архива); как в апреле («...буквально за неделю до нашей очередной, — улыбка, — встречи») заявил, что разрываю с Орденом и ухожу; как Мастер Дум прошипел, тряся своими паутиновыми пальцами: — «Что ж, уходи! Исключим тебя. Но если хочешь *мирно* — то еще три месяца отработай! Так у нас *принято!*»; как тогда же рассказал все брату Геку, и он меня поддержал.

— Вчера моя «отработка» закончилась. Теперь запросто, хотя сегодня и вторник, а не суббота, ты можешь остаться у меня! Если захочешь, конечно... — закончил я свой рассказ и вприщур посмотрел на Лану.

Она уже привычно погладила меня, начиная с переносицы, и грустно произнесла:

— Ох, Чук! Чукча, ты чукча...

— Ох, Лан! — так же нарочито горько поддержал я: — Чучхе ты, чучхе...

Но сейчас в ее глазах не было лучей. Никаких — ни смеха, ни гнева.

Скорее, в ее глазах была тревога (за меня? за себя ли?).

— Нет, я понимаю. Неизвестное место, никто не знает где оно. Да и ты просил не звонить в «рабочее время»,

поскольку там что-то «глушат»... Но почему, вспомни, ведь было, и не раз, — я тебе звонила днем, а телефон твой работал, и ты был дома, и я к тебе приезжала...

Я даже привскочил с дивана под мерзкое «буум» турбийонного дива (все еще живущего у меня), поскольку невзначай зацепил его ногой:

— Ты о чем?! Да, было пару раз такое, действительно. Но ведь я и тогда объяснял тебе, что просто немного приболел... Скажу честно — это я *им* говорил, что болею, просто на работу ехать не хотелось... А в чем проблема? Ведь согласишься, в другие дни ты просто не могла до меня дозвониться!

— Я не пробовала «в другие дни»... — Лана сидела с опущенной головой. — Просто иногда я *очень* хотела увидеть тебя... Звонила... Ты был дома... Всегда, когда я звонила... — Она подняла голову: — И это ведь прекрасно!

Она принялась обнимать меня, тискать и ластиться (как это она умеет). Но я отстранился, поднялся, и начал ходить по комнате, размахивая руками, как сеятель с какой-то мифической облигации госзайма.

— Всё-всё! Давай о другом! А почему ты до сих пор не познакомил меня с Гekom? Или ты стесняешься меня?..

(Только представьте, как могут выглядеть прищуренные узкие корейские глазки!)

— Лан... Ну Гек — он нелюдим, да и виделись мы с ним в последний раз месяца три назад, еще до тебя, так сказать...

— А вообще — как часто вы с ним видите? Вы же братья, как ты говоришь, близнецы-братья, родственники... — в голосе Ланы начали появляться нотки каких-то новых интонаций.

Я изобразил свирепость:

— А ты со своей мамой-корейкой часто видишься?

Лана покачала головой:

— Нет, но это совсем другое!

Она взяла с дивана свою сумочку, долго (словно нарочно!) копалась в ней, достала какой-то пестрый кулон, раскрыла его и показала мне:

— Вот, смотри. Моя мама.

Я посмотрел на изображение корейки с узкими перепуганными глазами. Да, некоторое сходство с Ланой можно было найти.

— А теперь ты покажи мне фотографию Гека. Новую, старую — хоть одну!

Стук по столу сначала был тихим, но постепенно становился все громче. Передернувшись, словно это и не я стучал, очень четко выговорил:

— Мы с Геком никогда не фотографируемся. Нет у меня его фотографий! Ни старых, ни новых.

Лана обняла меня, потянула всем телом, и мы вновь сидели на диване.

— Ты только не нервничай! — и она опять стала гладить меня ото лба до затылка растопыренной ладошкой.

— А помнишь, в начале июня ты водил меня на презентацию книжки какого-то немца...

— Ну да, хер Шульц представлял книгу своих статей...

— ...И там еще какая-то рыжая тетка всё лезла к тебе целоваться, и кричала, что знает тебя сто лет...

Я хмыкнул:

— Сто лет в обед... Это была Тина, главный редактор очень серьезного издательства... Шульмана... А ты это к чему?

Лана опять понурила голову.

— Дело в том, что на той вечеринке я у нее спросила — почему здесь нет Гека? Она удивилась. «Разве у Чука есть брат? Никогда не видела и не слышала». Так и сказала.

Мой театральный хохот был ей ответом:

— Раз ты никогда не видела Австралии, значит, ее нет! Ты это хочешь сказать?

— Слушай, а вот прямо сейчас, ради меня, — Лана изобразила лик мультяшной куколки, — позвони Геку! Я хочу ему «привет!» прокричать. Пожалуйста, ради меня!

— Мы никогда не говорим по телефону... У меня и номера его нет...

— Как же вы тогда видите?

— Ну... Когда нужно, то он приходит ко мне, или я прихожу туда, где он...

— И нет никаких *свидетелей* ваших встреч?

Слова Ланы все больше и больше походили на фразы из какого-то специализированного пособия.

Я потряс головой:

— У меня такое впечатление, что ты говоришь сейчас со мною как врач. Да? Нет?

Она кивнула.

— Чук, а давай пофантазируем, у тебя ведь богатая фантазия! Представь себе маленького мальчика, совсем маленького...

— Мальчик-с-пальчик, — улыбнувшись, поддержал я.

Лана и сама заулыбалась, продолжая теребить кулон с портретом своей мамы, подняла голову ко мне, почти в глаза посмотрела. Но все, что она проговаривала дальше, было уже совсем не смешно.

— Да-да! И вот этот мальчик оказывается в интернате, в детском доме, где-то в северных глубоких снегах. Совсем один (не будем уточнять, что его родители были диссидентами, поехали на Колыму навестить своего высланного друга, а там их...), да, совсем один среди чуждого и совершенно непривычного мира...

Сломанным эхом отозвалось мое:

— Совсем один...

— Да, — продолжила Лана свою историю. — А еще можно представить, что, скажем, на самом деле родились двойняшки, близнецы, но один из младенцев был, увы, мертворожденным. Но у нашего мальчика осталась *перинатальная* память о брате. Которого, на самом деле, нет.

Лана вздохнула, и опять погладила меня.

— И в этом ужасном детдоме наш мальчик находит поддержку — его брат! Они общаются, помогают друг другу... Но это лишь в представлении нашего мальчика! Это его щит, между ним и враждебным миром. Из года в год это *общение* крепнет. И оно остается, даже когда наш мальчик уже перешагнул за сорок...

— То есть — Гека на самом деле не существует?

Я почти был уверен, что взгляд у меня сейчас растерянный, точнее — растерзанный терновыми колючками непонимания.

— Почему же? Он существует. Но лишь в представлении нашего мальчика... И все бы ничего, это ведь никому не мешает, — Лана легко водила рукой, и ее кулон на нитке, словно маятник, тихо качался: туда-сюда, туда-сюда. — Но болезненная фантазия начинает порождать всё новых призраков!

Лана повернула голову и, пристально не глядя мне в глаза, продолжила:

— За эти три месяца, что мы... как ты сказал: *в очередной раз*, вместе, на всех этих тусовках, где мы бывали, я ведь со многими говорила... И все удивлялись — в последнее время ты, Чук, — сам не свой...

Ровный ход маятника-кулона почти загипнотизировал меня, но я поднялся и пошел на кухню со словами:

— Кофейку не худо бы!

...Пока я двигал кофейную турку над конфоркой, Лана сзади прильнула ко мне. Мягко прижалась грудью к моим костлявым лопаткам, и я уже был готов эротично воскликнуть: «До кофе, или после?..», но Лана отстранилась, тихо проговорила:

— Так вот, все и удивляются: последний год — ты сам не в себе...

— Так ведь и времена какие! — закричал я. — Революция! Смена парадигм! Как здесь оставаться беспристрастным!

Лана разлила сваренный кофе по чашкам.

— Кофе будешь? — она смотрела на меня так ласково и нежно, что я готов был забыть о безумном разговоре, который мы вели.

Она подала мне чашку, я отсербнул, охнул на горячесть...

— А представляем дальше: наш сорокалетний мальчик постоянно ходит на Майдан, борется... Мальчику видится, что не помогают те, кто мог бы, как ему кажется, *реально* помочь... Он вещает им, но они его не слышат...

Лана отставила чашку — вначале свою, затем и мою забрала.

— И получается, что он, наш мальчик, — она проговорила это так надрывно, словно о нашем с ней ребенке говорила, — нуждается в помощи...

— ... Да, еще о детстве... Я, конечно же, не имела права, но я нашла в интернете (хотя и непросто было) список выпускников твоего года в том самом детдоме. Твоя фамилия в этом списке только одна, не две. У меня и распечатка есть, — она потянулась к сумочке. — Показать?

— Не надо... — глухо ответил я.

Мы опять сидели на диване. Профессиональный психолог гладила меня по голове и мягко ворковала:

— Конечно, это не просто принять, вот так, сразу... Что уже год ты, фактически, живешь в каком-то параллельном мире, в каком-то мифическом «ордене», тебя почти не нет в реальности, ты просто выпал из времени...

— «А время проходило то ли рядом с нами, то ли мимо нас», — процитировал я запомнившуюся когда-то мысль.

Лана закивала:

— Да, да! Полное понимание и осознание придут не сразу... Но я помогу тебе! И, конечно же, я сегодня останусь у тебя... И не только сегодня, если ты, конечно, сам захочешь...

...А ведь я ее любил...

Дотянулся до пульта на тумбочке возле дивана:

— Хватит. Давай телевизор посмотрим...

...На всех каналах говорили лишь о сбитом Боинге рейса МН17...

f.

ЛОЖЬ НАРАСПАШКУ

Четыре года я хранил молчание. Постоянно был в масках (это ведь так непросто!). Поначалу я *изображал прием таблеток*, которые мне приносила Лана. Я их забрасывал в рот, имитировал проглатывание, а затем благополучно и незаметно выплевывал в унитаз. И спускал воду. А спустя три месяца, ни разу не упоминая ни Гека, ни Орден, я начал вести себя как Оскар, персонаж Питера Койота (помните, «Горькая луна»?). Нарочито третировал Лану (а ведь я ее любил!), но не мог простить, что она начала *играть* против меня по их указке.

Как ее завербовал Орден, и *когда* — я не хотел разбираться. Может, мама-корейка была заложницей, может, что иное. В конце концов, я довел наши отношения до того, что Лана не выдержала. После какого-то очередного, «взрослого гаудеамуса», поутру она сказала:

— Я ухожу... Ты уже совсем здоров. В психическом смысле, не в нравственном... Надеюсь, что это не ремиссия, а полное выздоровление, если можно так сказать...

Мне было больно — я *знал*, что и она меня любит, но тогда у меня не было иного выхода. Как и у нее.

...И сейчас я говорю и Лане, и Думону: вы промахнулись, слишком уверовав в свое «всезнайство»...

А вот капельки «реальной реальности».

Действительно, Гек родился мертвым. И это было зафиксировано в больничном журнале роддома. И главврач подписался под этим. Но! Через 20 минут Гек начал дышать. Феноменально, необъяснимо.

...Когда мы, *освободившись*, приехали в Киев, и наша тетка (мамина сестра, которая «удерживала» квартиру на Толстого) рассказала нам все, мы были обескуражены. Оказывается, тогда из-за канцелярщины было почти невозможно получить *справку о рождении* (Гека), ведь ребенок был прописан *мертвым*. Но наш отец каким-то образом умудрился выбить копию справки о *моем* рождении («мол, оригинальная, где-то потерялась»), по ней Гека и «легализовали».

...После празднования нашего шестнадцатилетия (с все той же манной кашей!), уже ночью, в *спальном помещении*, мы из окон смотрели наружу. Каждый в своем окне. А за окнами была сентябрьская темень. А еще двор в изморози напоминал огромное озеро. А еще около этого озера сидел наш Барбос и какая-то приبلудная лайка. А еще они жутко выли. И Луна была огромной...

А Гек шепнул, чтобы не разбудить спящих: «Мы в этих разных окнах, как в двух башнях, смотрим на озеро, которого нет, но и мы смотрим оттуда, где и нас нет...»

Позже, он сформулировал более четко: «Мы всегда должны оставаться в разных башнях...»

В выпускном году, когда наши 16 лет уже позволяли получить паспорт, Гек заявил, что хочет быть «именованным» по девичьей фамилии нашей мамы. И ему это позволили.

В выпускном списке он уже проходил по фамилии, отличной от моей.

Но и это все это я рассказываю не ради возвращения Ланы (ведь я ее люблю!).

Есть более жесткие критерии реальности.

В самом деле, мы с Геком умеем *чувствовать* что и когда. У него, видимо, из-за двадцатиминутной комы,

все более ясно... Ведь не случайно, тогда же, после «башен», он стал отрачивать патлы, а я вечно брил голову...

Но и не в этом суть. Вы можете спросить — почему лишь через четыре года я начал об этом говорить?

Я расскажу. Еще в том, темном детстве, Гек сказал: «Я знаю... чего нам лучше бы не знать... но это будет...» Именно тогда мы договорились с Гekom не договариваться о наших дальнейших встречах. Ведь мы и так между собой *знали* когда нужно встретиться, и так, чтобы не было никаких свидетелей наших встреч.

Но и не об этом речь. Вам не кажется странным, что вдруг «неожиданно» и «случайно» в мире начали *находить* оригинальные коптские свитки Мертвого моря? Египтяне жгут! Именно их Орден начал первым выброс *оригинальных* документов. Процесс пошел. А если учесть, что сожжение Александрийской библиотеки было всего лишь имитацией (чтобы Птоломеи-оккупанты поверили в уничтожение)... То что, они, копты-египтяне, еще могут «ореальность»!

Мир меняется. И Думону я хочу лишь посоветовать проверить документ из *внутреннего архива* под кодовым номером 22_X_ук. Да. Он не найдет там оригинального документа. Его там нет. Он у Гека, и я передал ему этот артефакт в апреле 2014-го года.

Какие будут последствия после «случайного обнаружения» этого документа, Думон прекрасно понимает. Известный нам исторический мир просто рухнет.

Но, как я уже сказал, мир меняется. Он становится все яснее. У нашего Ордена есть некоторое время, чтобы начать «открытость». Мы с Гekom даем ему этот шанс.

Почему я не боюсь сейчас говорить об этом? Именно из-за документа 22_X_ук. Мы оба с Гekom ощутили, что

пришло время рассказать обо всем. Попробуй Орден уничтожить меня за эту публикацию, и Гек немедленно опубликует тот самый «похищенный» документ (который взорвет не только общеевропейскую, но и мировую историю, ведь это будет оригинал...)

P.S. А еще я почти *знаю*, что где-то в течение недели совершенно случайно встречу Лану... И хочу *верить*, что в этот, *очередной* раз, наша встреча произойдет из-за нашей любви...

ПОРОЧНАЯ СМЕРТЬ

Внутренний монолог —
это непогребенный труп смысла,
а вот внешний диалог — его захоронение.

ТЕЛЛИ ОБЛЕГИ «Путь Языка»

*

— Ура! Дедушку привезли!

— Ты, Оська, уйди погуляй пока. Дедушка устал после больницы, ему отдохнуть надо... Так что никому не говори, что он уже дома. Понял?

Папа смотрится грустным, или, как говорит мама, — «сосредоточенным». «Сосредоточенным», это точно — от слова «SOS», это когда вокруг бушевание избытка влаги, перехлест, взмах и навзрыд. Уже как бы и вечер, но свет в комнате не зажигают, вот папа и спотыкается — о подлую ножку дивана («О, черт!» — «Не чертыхайся, нехорошо это в такой ситуации...»), о подвернувшийся край старенького коврика («Когда наконец мы выкинем эту ветошь?» — «Вот получим новую квартиру, тогда-то уж и заживем по-новому...»), о собственную ногу.

— Так ведь считайте, что почти получили. Ордер когда выдадут?

Папа смотрит на дядю Ивана с мукой:

— На следующей неделе. А еще надо в ЖЭКе повторно справки собрать. О прописке...

Дядя Иван с пониманием закуривает.

— Да-а... А сегодня пятница... Ну что тут скажешь... Побольше лаванды, ромашки, короче, трав всяких. И венти-

лятор включите, но окна не открывайте — нельзя доступа кислорода. Дня три, я думаю, продержитесь. Хотя, при нынешней жаре...

...Помню, было — солнце пекло сорок дней и сорок ночей... Или будет?.. Из треснувшей земли зело выползали ободранные пальцы кореньев, покрытые рябой коркой... И было имя им...

— Смерть, — говорит дядя Иван, — всегда приходит не вовремя.

С опозданием? Как поезд из...? А паровоз пыхтел, пыхтел. И комиссар был ликом бел, а взгляд — пятиконечный...

— Оно, конечно, — папа садится на прохудившийся диван, — только последний год отец совсем сдал. Как ребенок был. Но такой, знаешь, ребенок, который уже знает слово «хуй».

Братья смотрят на Оськин топчанчик у окна. Неуютное это теперь место. Да что делать...

Мама приносит всякую еду («снесь» — как говорили раньше), а именно — дымящуюся картошку с укропчиком, угоревшую в масле свинину, крупно резанные помидоры.

— Помянем дядю Колю, отца твоего, — говорит Иван-племянник, — пусть пухом... короче, прахом... одним словом, все там будем...

И пьют. Дальше — больше (то есть — чаще). Мама выгоняет докучливых мух, закрывает окно, тяжело вздохнув.

— А еще лёду надо, — выдохнув, говорит дядя Иван, — тут я пособлю... И вентилятор... И окно открывать — ни-ни!..

Уходит.

Распластывается матрасик на кухне, паутиновая простынка...

— Оська, дуй спать.

— А почему на кухне? Тут же дедушка спит!

— Теперь ты тут спать будешь. А дедушка с нами. Ё...
Грустно покидать насиженное место. Налёжанное.
Надуманное. А что приснится на новом месте?..

*

Понедельник — тяжелый день. «Как грехи наши». —
«Да чем же мы провинились так? Живем как все... Чередом...»

То-то и оно... Может быть, именно потому, что как все...

Заглянул дядя Иван.

— Фу-у... В смысле — жарынь. А так — атмосфера у вас, вроде бы, и ничего... Не воняет. Ну что слышно? Скоро предадите?

— Хочется верить, — мама поджигает губы и выходит на кухню. — Сколько можно над задачей сидеть? Каникулы ведь. Давай заканчивай и пойди погуляй.

— Ма! Да задачка очень интересная. Про землекопов, как они друг другу ямы роют, роют, а когда выкопают — неизвестно.

Дядя Иван шевелит бровями:

— Хорошо, что летом, а то зимой копать — в три раза дороже.

— Да и так в копеечку добрую выльется. Я уже прикинул все.

— Ради новой квартиры ни с чем считаться не надо.

— Как раз наоборот, — вздыхает папа, — со всем приходится считаться и мириться.

Двоюродные братья. Двоюродивые.

...А когда раздался звонок в дверь, все заметались по квартире, стали заламывать руки и громко причитать. Хозяйка то начинала собирать теплые вещи, то усаживалась на стул посреди комнаты истуканоподобно и бесцелесобразно...

— Вечер добрый, хозяйюшка, — Гриня-ветеран всегда воспринимает действительное за желаемое. — Николай Гаврилович уже одюжал? Что во двор не выходит с друзьями повидаться, козла-другого забить? А то ведь козлов развелось... — и смеется мажорно.

Папа переполошенно смотрит на дядю Ивана, тот пожимает плечами — раз, другой, словно пробует прокле-вывающиеся крылья.

В мамином голосе сквозь деланное равнодушие настойчиво пробивается истерический испуг:

— Нет... Николай Гаврилович еще в больнице. Он в очень, в очень тяжелом состоянии.

— Да брось ты, я же слышал, как он сегодня днем на своей скрипке наяривал.

Похоже, что мама сейчас повиснет в воздухе (сантиметрах в пятнадцати от пола) и задержится, затрясется, пытаясь прикоснуться хоть к какой-нибудь твердой поверхности — будь то даже стена или потолок...

— Это Оська, должно быть, баловался... Ты зачем дедушкину скрипку брал?

— Да не брал я ничего. Я у Вовки весь день был — в крестики-нолики играли.

— Видите — в крестики играли... Вам послышалось...

Гриня-ветеран, видимо, выпячивает грудь и тужится, как перед врагами народа.

— А то! Я Колины — как их? — капризы! — все назубок знаю. На пятидесятилетия Победы нас так и называли: он — пан Скрипка, а я — пан Голос.

Кандид арестных наук погружается в воспоминания, захлебывается, пускает пузыри, но никто не пытается ему помочь — все равно бесполезно. Впрочем, как и все остальное в этом лучшем из миров...

Наконец старый (в смысле возраста) друг уходит, сообщив, что «человек создан для счастья».

— Как птица для отстрела, — добавляет дядя Иван.

— Ты подумай, — говорит папа, — «на скрипке». То же, видать, уже в маразм впадает.

Свет в комнате по-прежнему не включают. Даже вечером.

*

Стол накрыт. Все сидят, настроившись на минорный лад.

— По христианскому обычаю, на девятый день, — дядя Иван смотрит на Оськин топчанчик у окна, — помянем дядю Колю. Пусть он там, на небесах, покоится с миром.

Маленькие рюмки привычно тянутся чокнуться, но руки взрослых одергивают их и ставят на место, предварительно опустошив.

— Скоро, чувствую, мы сами на небесах будем... — папа мрачен.

— На седьмых? От счастья, что квартиру получили?

— Ты, Оська, закусывай, то есть — ешь и молчи. А еще лучше — иди гуляй.

— Да я тут возле дедушки посижу, почитаю.

Дядя Иван, накаляясь понемногу, разглагольствует о негодях в ЖЭКах и квартуправлениях, чехвостит всех инстанционных зрителей и управленцев, на которых, как повелось исстари, нет управы...

Налили по второй. Подняли.

— Горько, — говорит папа, — что вот так у нас выходит — не по-людски как-то. Прости отец, но сам видишь — нет у нас другого выхода. Тот в отпуске, тот заболел, тот в командировке паскудной... А пока ордер не получили, приходится тебя за как бы живого выдавать... Но будет земля тебе пухом, это я обещаю.

И — хлоп! — рюмашечку.

— А соседи как — ничего? Того? Не догадываются? — луковые слезы по щекам.

Мама покачивается, покачивается и говорит:

— Да вот вчера опять заходил Григорий Назарович: «Слышал, что Коля на скрипке играл, значит, дома он. Чего вы его прячете?» — спрашивал.

— Скажи — чекист хренов! — папа округляет глаза, обращенные к дяде Ивану, словно ищет помощи.

Мама выходит, гремит на кухне посудой, да и вообще в последнее время полюбила она этот уголок. Не то, что раньше — даже дверь всегда поплотней закрывала, когда доносились оттуда неистовые звуки «По ту сторону шкалы» Рихтера...

— Чего, Оська, читаешь-то? — взгляд папы прикипает к сидящему, чтобы — храни Господь! — не задержаться на топчанчике; но тянет, тянет! — Что за книга такая?

Дядя Иван улыбается в мудрые усы:

— Зачитался... Не слышит...

Аллегровое шуршание страниц... Ан, Данте? Нет...

— «Основы психологии трупа», рассказ называется.

— Че-э-го?!

Дядя Иван потускнел своим усатым ликом. Растерялся.

— Мы в свое время, помню, читали «Основы марксизма-ленинизма»...

Папа как-то опасливо, с опостыlostью в жесте правой руки берет.

— Действительно... Ты погляди, чего теперь только не напишут. И с эпиграфом...

Две умудренные головы склоняются перед «Основами психологии трупа». Актуальность темы пребывает в покое. Пока что... Нет, просто пребывает.

— «...а поэтому практически доказанным является проявление отчужденности на этом этапе развития мыслепроформирования умершего. Но, как уже было сказано, это обморочное состояние усопшего длится только пер-

вые три дня. Какие же психологические свойства проявляются потом?» — папа протрезвело смотрит на дядю Ивана — растревоженно — и тот, так же надрывисто, отвечает:

— «Главная черта этого состояния — смешание действительной и представляемой реальностей, что, впрочем, для самоперсонизированного трупа, лишено какой бы то ни было привлекательности. Тем не менее, восприятие реальности происходит, но с наложением на нее фрагментов личного опыта, сохраненного в памяти или подсознании, и лишенное адекватности»...

Папа ошалело подхватывает:

— Это в каком же смысле?.. А!.. «Происходящее теперь и пережитое в прошлом приобретают для умершего характер одновременности, наложения и синхронности. Трансформируя воспринимаемую действительность, труп инстинктивно отгораживается от осознания собственной смерти». Ты понял — «отгораживается»! — папа шевелит пальцами, изображая зыбкий заборчик.

— «Но когда приходит это понимание, в психике трупа появляются новые особенности, — дядя Иван выдерживает интригующую паузу, — то, что мы называем “выпадением слов”».

Папа ошалело трет виски, а потом дрогнувшей рукой наливает.

— Надо, надо... А то я сейчас сам выпаду в осадок... «Потому что исчезновение из потока сознания и восприятия отдельных слов предшествует последующему размыванию смысла. Это, в какой-то мере, сравнимо со сновидением, когда границы логики устанавливаются произвольно»...

— «Выпадение слов» и «размывание смысла» — наиболее характерные проявления психики трупа, что мы и вынесли в эпиграф.

Дядя Иван перелистывает страницы, путается, но находит нужную. Перечитывают оба. Папа вдумывается, по его лицу скользят гримасы.

— Это что же выходит, — наконец говорит он, — вот мы с тобой диаложим и, тем самым, захороняем батю, что ли?

— В сакральном смысле — да, — отвечает дядя Иван и краснеет.

*

Отпетые дожди осени уже вторую неделю. Прохладно.

— Сколько же будут наши мытарства длиться?.. — охает мама.

— Всем несладко, — режет дядя Иван кусок мяса и подымает свою: — ...На сороковой день грех не принять по сорок граммов. Будьмо!

Оськин топчанчик покрыт мятенским куском марли, но все равно взгляды обтекают выступающие формы.

— Но что утешает, — говорит папа, — сессия райсовета будет в понедельник, это полный верняк.

— Сколько раз уже тот «верняк» был, — мама выходит на кухню.

— Давай по-мужски, на троих, — дядя Иван быстро наливает еще одну рюмку.

Покрывает ее куском хлеба, небрежно посоленного, ставит в головах.

— По-мужски, — повторяет он, — за... дам! — и, смачно выдохнув, интимно: — Кстати, как у тебя это... с Ингой?.. в новых условиях?..

Папа бровями буравит собственный лоб.

— И не спрашивай. Вот, пару дней назад, попытались было, по-первому за это время. И что ты думаешь? Только въезжать начали, как угораздило меня на окно. А еще луна была, а марли не было. Глядь — повернул отец голову

и смотрит так... Сам понимаешь, колесо спустило напрочь, и запаску не найти... Да и теперь — с марлей — все как-то не складывается...

Дядя Иван с умным видом кушает, обтирает губы и наконец молвит:

— А за палец ноги не держался?

Папа ошарашивается — в каких, дескать, эмпиреях, и что за нога такая? Под себя даже поджал, на всякий случай.

А дядя Иван: мол, есть в народе такая примета, или поговорка, если угодно, что коль за большой палец голой ноги *его* подержаться, то все страхи как снимет; но папа: это носок снимать? сам нет уж.

*

...Еще больше недели, но все это весьма надоело. Однажды, когда никого не было дома, поднялся и ушел. И, непогрешенный, [я] он ходит где-то среди вас.

(1999)

ЧУЖАНИН

1

Он не был похож на бродягу, хотя и подходил вначале настороженно. Мы тоже всматривались — человек? призрак? Но широко разведенные руки охватывали пустоту, уголки губ лучились в звездное небо, и, усмехнувшись, я кивнул:

— Подходи. Кто к нам со своим добром пришел, тому нет худа и без добра.

Все засмеялись, даже плоское лицо Ин-Вана рассклала улыбка, словно зарождающийся месяц где-то там, выше. Очевидно, сейчас он был Куоем, так что нужно быть настороже — чего доброго скажет как-нибудь чересчур уж остро, а это не всякому по вкусу.

— Экий ты, Хранитель, *безобразник!* — прощмякала Госпожа Удача. — Все шутишь? Скойко можно?

Шершаво погладила подобравшуюся Малютку — та, видать, испугалась незнакомца. Ничего не поделаешь, жизнь нынче такая: с детства приручает к осторожности, от младых нестриженных ногтей становишься недоверяющим.

— Что вы все смотрите на меня, словно призрака увидели? — как-то уж очень громко и отчаянно улыбнулся пришедший.

Даже глохнувший костер зашевелился. А о людях и говорить нечего (зачем о них говорить?) — загудели, запылали. Но каждый на свой салтык: Гриня принялся

знамениями осенять пространство вокруг себя, да так неистово рукой взмахивал, будто вбивал гвозди в ту самую перекладину; Госпожа Удача старческими руками обвила Малютку; а вьетнамец сощурил глаза (хоть звучит это неправдоподобно), по-змеиному задвигал головой и вдруг выпалил:

— Привет, буфет!

Юный месяц в небесах выжидающе застыл, как ручка стоп-крана.

— В это время призраки здесь не появляются, — успокоил всех я, — ночь. Присаживайся. Будешь есть? — это уже к этому.

— Есть?! — не то спросил, то ли отрапортовал новенький.

Сел, обхватил руками колени, словно сцепил зубы, и:

— Со мною что-то произошло, — проговорил.

— Это с миром что-то произошло, — объяснил Гриня. — Ты ешь, а Хранитель и объяснит пока, — в меня кивнул. — Ешь, ешь, хорошая килька, давно такой не находили...

Госпожа Удача сдвинула нашу бумажную самобранку в сторону, пока что, постороннего. Поприглядней разложила оставшееся (мы-то уже поели!) и призывно задвигала всем, что двигалось на ее песочном лице, рассыпающемся всуе, как время из часов [умерших цивилизаций]...

— С миром? — отчего-то безразлично чужанин копался в тусклых тельцах просоленной рыбы. — А что с миром может произойти?

И глядя на эти скорбные останки водных позвоночных, разложенные на обесмысленных текстом широких листах, я рассказал ему все.

...Это произошло не вдруг. Закат Европы мягко перешел в ночь, и темь накрыла цивилизацию. Во мраке

выжили единицы, да и те не могли смириться со случившимся и цеплялись за остатки рассыпавшихся ценностей. Точнее сказать — жили в мире (в море!) собственных иллюзий. Но рано, засим ли, уцелевшие начинали понимать подлинное положение вещей (и себя в ряду их), прозревали, отвергали призрачное существование и начинали искать других людей. Тех, кто выжил.

— То, что я говорю, похоже, конечно, на начало дешевой антиутопии. Хотя бывали ли антиутопии «богатые»? Да и утопии, впрочем, тоже...

— Книги, книги... — выступил Гриня. — Есть только одна КНИГА! — перевязанный палец вверх, что хвост пистолетом.

— Ага! — в Ин-Ване явно преобладал Куой, который телевизионно продекларировал: — «Библия, или Необычайные и удивительные приключения еврейского народа».

Завязывалась дискуссия.

— А что тебе евреи? — вступила Госпожа Удача. — Стойко уже наговорено... Евреи, евреи... Они во Вьетнамах ваших точно не водийись!

— Доброе утро, Сайгон, — удивленно протянул пристыженный Ту.

Чужанин скакал взглядом по лицам, недоумевал. Нескольким раз приоткрывал рот — словно зевнуть хотел в обществе, но я-то чувствовал — слово рвется. На части. В клочья.

— Нет, вы поймите! — едва ли не истерично. — Я ведь шел по улице, пытался заговорить с ними — где я? что произошло?.. — пятерни растопырил, словно избавился от стреножности, — и никто ничего... Они меня не замечали!

Гриня привалился к земле, похохатывая:

— Скажи-ка мне, страница милая, как призраки могут узреть тебя? Они же — призраки!

— А откуда они взялись?

Вот это был самый сложный вопрос. В самом деле — откуда? Этого даже я не мог логично объяснить. Пришли откуда-то? Зачем? Есть, конечно, одно толкование... да... не сейчас...

— Ты знаешь, вернее — ты не знаешь, но попытайся умировозреть — призраки просто есть. Это не люди — они нас не видят, точнее — видят, скорее всего — видят, но живут они своими иллюзорными целями по своим призрачным законам, и мы, к счастью, вне их интересов.

Чаще всего. Хотя, конечно, сталкиваться тоже приходится.

— И пока мы будем оставаться людьми, — подвел я итог, — нельзя говорить, что цивилизация погибла. Победа будет за нами!

— Пирру — пир! — согласно закивал Ин-Ван.

— Да познакомь нас наконец с мужчиной, — кокетливо, если это применимо к ее возрасту и виду, прозвучала Госпожа Удача.

В самом деле. Человек родился. А мы тут всё решаем еврейский вопрос...

Я рассказал обо всех. О Госпоже Удаче, которую мы прозвали так за ее благородное происхождение (по ее же словам; хотя то, что она не произносит звук «ль», является косвенным подтверждением тому). И как она нашла Малютку, оторопело бродившую в толпе призраков возле старого вокзала и уже совсем отчаявшуюся. Сейчас Малютка приходит в себя и даже помогает всем нам выжить (старуха ее наставляет и обучает)... О Грине, вокруг которого все мы собрались, можно сказать — патриархе нашего маленького человеческого общества. В быту он

неприхотлив, но порой чрезмерно уж строг в отношении материй духовных (в этом и Госпожа Удача ему в подмогу). О Ту Ин-Ване я рассказывал с особым запалом: живое воплощение экзистенциализма — вечный беженец перекати-польный, чахлый саженец, все свои восточные корни легко променявший на расщепленное западной философией понятие «личности», впоследствии тоже обмененное, некстати, на неизвестно что... А называть его можно просто «Иваном», хотя родное и некрещеное «Ту Ин-Ван» вызывает в его съезженных глазах подобие благодарности...

— Ну а ты, ты-то кто будешь? — костляво улыбнулась Госпожа Удача.

Чужанин надолго задумался, очевидно, перебирал в памяти (с любовью и брезгливостью) все, имеющееся в наличии. Негусто, должно быть, поскольку и плечами задвигал, и ладони раскрытые показал.

— Со мною что-то произошло, — повторил. — Я не помню, что случилось... Не понимаю — где я... Что во-круг?..

— Гречка-сечка, — четко выговорил Ту.

— Нет, погоди, — Гриня приподнялся было, но вдруг ойкнул и затряс рукой с перевязанным пальцем.

Госпожа Удача надвинулась на него:

— Осторожненько! — погладила руку. — Давай перевяжем.

Завозилась, выискала какую-то чистенькую тряпочку, стала снимать грязную повязку, а Гриня охал и вздрагивал.

— Что с пальцем? — спросил я. — Пострадал при за-чистке носа?

Глаза старухи укоризненно блеснули в свете костра, но Гриня вновь повернулся к чужанину:

— Как звать тебя — это-то ты помнишь?

— Нет... — прошептал тот. И почти с ужасом: — Я вообще ничего не помню...

Ин-Ван, должно быть, вытеснил Куоя, потому что вьетнамец начал неторопливо раскачивать свою тень и заговорил почти человеческими словами.

— Во времена правления Ле Тхань Тонга жил один человек, который потерял свое имя. А случилось это так. Ко дню рождения императора, во славу его, люди строили гору. Днем они трудились не покладая рук, вечером ели священную пищу — тыкву с рисом, а ночью укладывались спать в самодельных шатрах. И только один человек трудился даже при сомнительном свете Луны и отказывался от предложенной еды. Беспрестанно носил он камни, сгребал замлю и позволял себе отдохнуть только когда отгонял насекомых от своего лица. Узнал о нем Старец с Южной горы, но ничего не сказал. Когда великая работа была завершена, этот человек так устал, что два дня неподвижно сидел под деревом-баньян и, казалось, даже не слышал праздничных барабанов. А на третий день дерево исчезло; поговаривали — это Куой улетел с ним на Луну и заодно прихватил имя этого человека, потому что с тех пор он не мог сказать о себе ничего. Подошел к нему тогда мудрый Ле Тхань Тонг со словами: «Ты трудился так, дабы доказать себе — не людям, — что и ты достоин славы. На Южной горе это не считается похвальным. О тебе говорят все, но ты потерял себя в этой борьбе, даже имя твое исчезло уже сейчас. А что будет, когда гора, построенная тобой, станет ямой? Я скорблю о тебе». Так сказал Старец и ушел. И люди ушли. Заплакал тогда этот человек, но пришли демоны За Тхоа и стали сме-

яться над ним, указывая на Луну: — «Хоть и неизвестное, да светится имя твое!» Но безымянный человек уже все понял. Так и остался он на этой... — (!) — ... на безымянной... высоте-е...

Напевная концовка сказки явно указывала на возвращение Куоя с темной стороны лунного сознания Ин-Вана. Чужанин испуганно тарашился в небо, а Гриня недовольно молвил:

— Что это за разговоры среди ночи... про демонов... тьфу!.. прости!..

Осенил себя и осунулся набок, осоловело и полудремно... Только вздрагивал час от часу — не легче, очевидно, с рукой больной было, покоя не давала.

— Ладно, — сказал я, — давайте укладываться. Завтра опять предстоит вечный бой. Ты, Гриня, с Ин-Вашей пойдешь, а я — с новеньким. Благо дело — все в пары попали. — И уже к чужанину: — Ложись, ложись. Госпожа тебе подстилку какую-нибудь предоставит, дождя как будто не предвидится, так что все хорошо...

А Малютка, оказалось, уже и спала...

2

Чужанина удивляло буквально все: отчего мы парами ходим, почему в этом мертвом городе призраки при ясном солнце шастают, ему, дескать, казалось, что они только в темноте явиться могут...

— Не о том, не о том думаешь, — наставлял его я. — В нынешней свалке цивилизации нам необходимо сохранить себя как вид, как разум. Один ты сейчас и часу не продержишься — развеют призраки тебя, поскольку видишь — повсюду они. Тем не менее, этот громадный мусорник и кормит нас. Ну-ка посмотрим.

И не ошибся — прямо сверху лежал наш хлеб насущный, белый, чуть-чуть подсохший. Переломил и протянул половину чужанину. Тот недовольно покосился в сторону:

— Почему нельзя зайти в какой-нибудь магазин продуктов? Вон их сколько повсюду...

— Мы же не мародеры, — урезонил я. — Ешь, нормальный завтрак, а там посмотрим.

Он жевал натужно и все продолжал удивляться — как это получается: призраки вроде бы и смотрят на тебя, но внешне совершенно не замечают. Попытался было проверить — пройдет ли его рука сквозь привидение, но то шархнулось в одну сторону, а чужанин от этого в другую.

К полудню он, похоже, приустал и стал задумчив. Долго и пристально смотрел по сторонам, а потом вдруг выдал:

— Я совсем не помню, как жил...

— Так, значит, и жил, — жестко ответил я, — что и вспомнить нечего.

— А ты помнишь?

— Помню.

Только зачем об этом вспоминать? Нужно жить реальностью — той, какую мы имеем сейчас.

Потом его потянуло к истокам — как произошла катастрофа? И опять пришлось объяснять: в погоне за сиюминутным люди все больше и больше утрачивали себя, пока не остались одни оболочки, напрочь лишённые душ и всего реального. Эти фантомы, как в древнем анекдоте, считают живых людей досужей выдумкой... Где? В речном районе этого вымершего города есть поселение, и на лесной окраине еще одна община... Да мало ли людей осталось!

После довольно-таки поверхностного обеда чужанина вновь потянуло на философию.

— Мне кажется... Я читал... когда-то... В «Тибетской книге мертвых» говорится, что после смерти душа человека еще сорок девять дней пребывает в иллюзорном мире, как бы спускается в Аид... Может и я...

— Ты этот греко-буддизм брось! — строго сказал я. — Нужно думать не о том, как жил, а как жить дальше.

В подворотне какого-то обветшалого здания валялась большая стопка старых газет. Я перевязал ее плотнее и взвалил под мышку.

— Вот тебе и память о бывшей цивилизации...

...Когда мы вернулись, все уже были в сборе: Гриня тяжело дремал, но даже во сне выглядел болезненно-плохо; Ин-Ван штопал какую-то свою ветошь длинной иглой; Госпожа с видом озабоченной домохозяйки возилась у костра. Только Малютка была весела и беспечна — самозабвенно она вела неслышимый другими разговор с... куклой! Очевидно, ей сегодня улыбнулась удача, еще бы — такая находка!

— Нам сегодня повезло, — старуха усмехнулась, но, взглянув на Гриню, насупилась и уже тише добавила: — Ужин будет знатный!

Я повалился на спину и поднял руку вверх — сколько звезд! Чужанин тоже застывшие смотрел в небо и, должно быть, переваривал прожитый день — теперь у него была возможность помнить о чем-то реальном. Ин-Ван глухо и невнятно напевал:

«...Кто под крестным знаменем
раненый идет...»

— Не богохульствуй! — настрого прервала его Госпожа Удача. — Ты ведь уже стойко среди йудей живешь, а к душе своей никак не поворишься йицом...

— Неправда! Как раз душа мне все время и выкручивает яйца.

Куой явно разошелся. Я легонько толкнул его ногой, Ту Ин-Ван от неожиданности повалился на землю и тонко взвизгнул — укололся об иголку. Мы с бабусей негромко засмеялись, так, чтобы не потревожить мечущегося во сне Гриню. Пока чужанин недоуменно обклеивал нас взглядом, Госпожа Удача вытащила из стопки газетный лист и вместе с Малюткой стала накрывать ужин.

— Пойдем, поможешь, — кивнул я безымянному и поднял газетную пачку.

Открыл люк (тот даже не скрипнул) и по лесенке спустился вниз.

— Подавай!

Чужанин чуть не опрокинул стопку мне на голову и все пытался рассмотреть — что там внизу? Но разве в таких потемках чего разглядишь? А свечу я зажигать не стал.

Когда вернулись к костру, в небо взметнулся еще один вопрос:

— А что это за яма?

— Это не яма, — терпеливо я принялся объяснять. — Это почти дом: и от дождя спрятаться можно, и от призраков укрыться...

Ин-Ван тоже подключился к внесению ясности, но, как и всегда, весьма своеобразно: стал монотонно раскачиваться и говорить неостановимо.

— Когда в долине земли Сеннаар люди начали строить башню, рабы и наказанные разбойники копали глину для кирпичей. Чем выше вздымалась башня, тем

глубже становилась яма. Когда башня достигла полнеба, отребыши копались в середине земли. И что удивительно — к ним стали спускаться даже свободные люди: кто думал найти в глубинах золото, кто убегал сюда от кредиторов, кто просто чувствовал себя человеком земли, а не открытых просторов. Но вот башня уже подпирала звездный свод, и тогда по воле божьей все смешалось в Вавилонии — языки, народы, сказки... Только те, кто были в яме, остались единым подземельным народом и даже прокопали всю землю насквозь. Но на другой стороне ничего не было, и они стали тащить в свою яму что ни попадя: еду и вещи, лошадей и ценности, растения и обычаи. А разобщенные народы ничего не могли поделать. Спустя время люди с темной стороны земли уже позабыли о своем рабском происхождении и разбойничьей природе, но по-прежнему углубляли и расширяли яму, в которую падали неразумные и растерянные. Но однажды, когда обратная сторона тверди торжествовала свое всеисилье, один человек проходил рядом с землей Сеннаар, хотя и называлась она теперь по-другому, и увидел...

Но легенда о Вавилонской яме оборвалась совершенно непредсказуемо: вдруг захрипел и затрясся Гриня, а когда мы обступили его, он лишь выдавил:

— Пока я живой — не сдавайте меня призракам... И Малютку не отдайте им... Пусть она останется человеком...

И все. Госпожа Удача промакивала слезы своим сухим кулаком и лепетала что-то о «бойнице, там помогут...», Ин-Ван прикладывал пальцы к разным частям тела Грини и сокрушенно двигал головой. Хорошо, хоть Малютка заснула во время рассказа и сейчас калачиком лежала в обнимку с куклой. Чужанин порывался во все стороны, да не знал, что делать.

— Что тут сделаешь? — сказал я. — Наверное, заражение крови. Но зато душа осталась незараженной...

Я прихватил Гриню за обе подмышки, чужанин инстинктивно (или машинально) поднял за ноги, и мы понесли тело. Дорога была далека и далеко. На обочине Грине могло быть удобно и не жестко. Там его и оставили.

— Как это? — чужанин потерялся. — В принципе, захоронить надо было бы...

— Если бы да кабы... — объяснил я. — После смерти тела принадлежат уже не нам, а призракам! Они им и займутся.

Но ближайшие несколько дней будут опасны. Во всех смыслах (смыслах!).

Госпожа Удача горюнилась у костра, но еду разложила и даже поставила у края самобранки, но подальше от тепла, почти полную бутылку.

Вьетнамец неуверенно, но оптимистично затянул:

...И с полей
Доносится: «Налей!»...

— Гриня так йюбил застойные песни, — внове утерлась Госпожа Удача, но стакан подставила искренне.

— Помянем Гриню, — сказал я. — Человека и... Человека. По Горькому.

— Как скажешь: хоть по-горькому, хоть по-черному, — согласился Ин-Ван и, осушив, передернулся: — Горько!

Чужанин тоже выпил, но, похоже, по инерции. Как поезд, натужно тормозящий перед телом, несется неостановимо, подобно рассказам Куоя. Или — Ин-Вана. Это уж по вкусу.

— Майютке-то что скажем? — старушка прагматично пыталась выстроить парадигму предстоящих объяснений.

— А Малютке так и скажем — что дед Гриня, мол, ушел искать счастье на темной стороне земли...

Вкусослезное поминание продлилось еще немного. Госпожа с мечтательной грустью вспомнила, как прошлой зимой Гриня на заброшенном складе откопал целый ящик мясных консервов, и как мы ели их, даже не разогрев, и мясо хрустело «как йёд». Ин-Ван, в своем стиле, поведал путаную историю «о вечном невозвращении», незаметно съехав с покойного Грини на беспокойные грани многомерного бытия. Вселенская тревога передалась мне, и я бросил горсть земли в костер.

— Баста. Закончили тризну. Костер погасить, чтоб внимание не привлекал. Спим вполглаза — до утра много может нахлынуть. Ин-Ван завтра на месте останется — наблюдать. Да и все равно пары нет...

А Малютка знай себе — спит и спит. За долгий день устает ребенок...

3

Утро выдалось хмурым. Каждый старался не смотреть в сторону дальней дороги, но сегодня она была лобным местом для всех. Госпожа Удача покинула нас еще засветло, ведя за руку полусонную Малютку. Правильное решение — и объяснения в отношении Грини можно на вечер перенести, да и шансов получить что-либо нужное намного больше спозаранку.

Перекусив остатками относительно роскошного ужина, я кивнул чужанину — собирайся, мол, а Ин-Вана наставил:

— Обследуй близкие окрестности, но осторожно. Держись, в основном, здесь. Чуть что — схоронись в зимних квартирах. Все.

...К обеду мы обошли довольно большую территорию, но что-то нам не везло: как камень врастает в землю, так и остатки цивилизации, похоже, рассеиваются в живой природе. Чужанин держался отчужденно — должно быть, смерть Грини не давала ему покоя, но, скорее всего, он просто копался в себе (как в бесплодном мусорнике).

— Скажи, Хранитель, почему я ничего не помню?

— Потому что разговариваешь много.

Несколько минут мы шли молча вдоль травянистого газончика возле высокого и облезлого дома. Потом я прояснил:

— Вот дерево — хоть и молчит, зато все помнит. Все свои весны и цветения, все зимние умирания. Помнит. Поэтому и молчит. А ты мечешься — и телом, и мыслью. И языком в особенности. Где уж тут свою хлипкую память удержать! Вот и выплеснулась она однажды из тебя, как... — Не договорив, я наклонился и поднял с земли...

— Зачем тебе это? — брезгливо передернулся чужанин и даже сплюнул.

Ах, скажите, какие мы щепетильные! Ну завязал кто-то узелок на память, а потом и выбросил — чтобы не плодить нежеланных реминисценций.

— К слову, знаешь, кто профинансировал изобретение и распространение СПИДа? Да-да, производители этих самых презервативов. А Прыщ за содержимое оного нам по стаканчику нальет...

— Какой Прыщ?!

Чужанин ужаснулся, и, похоже, всерьез. Мне даже представилось, как он сейчас вдруг бросится наобум лазаря, не разбирая дороги, сжигая за собой мосты и рукописи, за темный край земли, куда глаза глядят, но откуда не возвращаются... Я ухватил его за рукав куртки:

— Успокойся! Прыщ в прошлой жизни был микробиологом, сейчас он живет в Заречной общине. А сперма ему нужна для экспериментов. Только не спрашивай, каких. Я и сам не знаю. Может, гомункулуса вывести хочет, поди еще что...

По правде, меня и самого пугают эти его изыскания; лучше не задумываться, что из них может выйти... Но чужанин вдруг успокоился:

— А... Так он занимается клонированием...

— И клоунированием тоже! — я вздохнул облегченно. — Завтра утром к нему в гости отправимся, вот и по-расспрашиваешь.

(Но особо Прыщ лелеет вывести «водочный гриб». Что-то наподобие чайного гриба, такая же плесень, но которая сахар перерабатывает в спирт. «Представляешь, — сверкая вечно воспаленными глазами, говаривал мне Прыщ, — заливаешь с вечера в банку сладкий чай, а наутро извольте — коньячок-с!» Если получится у него, то славная это будет плесень. Полезная.)

...К стоянке я подходил настороженно — мало ли... Кострище было разровнено и производило впечатление давнего. И никого вокруг.

Вдруг приоткрылся люк коллектора, затем вовсе отвалился. Вылез испуганный Ту:

— Призраки были, — зажестикублировал он скулами, и голос у него неуверенный, словно надорванная два-

дцатка. — А с ними была овчарка, кавказской национальности. Но меня она не унюхала.

— Вот это совсем непонятно, — раздраженно сказал я.

Хороши дела! Коль с собакой они еще разок заявятся, то плакали наши зимние квартиры. С другой стороны, если Ин-Вана по запаху даже собака не нашла, то все не так уж плохо.

— Ладно. Давайте дрова для костра собирать.

Когда чужанин отдалился к зарослям ивняка, вьетнамец достал из кармана и протянул мне сложенный вдвое газетный обрывок:

— На остановке подобрал.

Я успел только бросить взгляд на фотографию и, многозначаче глядя в преданные глаза Ин-Вана, приложить палец к губам. В гуще кустов слышалась какая-то возня, а потом раздался знакомый голос:

— Какие йюди! И без охраны!

Похоже было, что Госпожа Удача улыбается сама себе. Более того — теперь, вечером, уже Малютка вела ее за руку. Старуха двигалась расштанной походкой устаревшего механизма и оглушала терпкую осеннюю прохладу вокруг себя крепким одеколонным духом.

Пока мы разжигали костер и готовили ужин, она весело рассказывала о Любке-Облепихе с Подола, которую встретила возле вокзала.

— Йюбка-то, Обйепиха, опять в новой паре! Пятый раз за год! А Гармонист помер, вот как Гриня... — Госпожа Удача скорбно стянула уголки губ, но те вновь бросились врассыпную. — Кривой все на том же месте сидит. И не жужжит! А Чинарь, напротив, в Запойярье сейчас! А Выдра опять брюхастая ходит. Так что всё у них путем. — И закончила на выдохе: — Гармониста жай...

Ин-Ван прохлопал обеими руками по своим куцам ребрам и выпалил:

...Гармонист, гармошка стерта,
Гармонист похож на черта!..

Потом наклонил голову и бочком стал заглядывать в холщевую сумку, висевшую на плече Госпожи. Та показала десны и пригрозила кулаком:

— Нейметса? Успокойся, есть гостинец от подоюян и нехристям.

Она стряхнула сумку оземь и победно стала доставать небольшие флакончики. Вьетнамец тут же ухватил два и один протянул чужанину, шаркнув разлезаящимся ботинком:

— Аперитифф?.. — Отрицательное покачивание головы его ничуть не огорчило: — На нет и судна нет!

Я, чтобы выглядеть естественно, с озабоченным видом достал из кармана клочок бумаги и направился к ивняку. Покоя мне не давала газетная вырванка. Хотя и были сумерки, но текст читался легко. Вот это да! Не ошибся я, сохранив подобранную как-то телефонную карточку. *«Найти человека»*. Все правильно — три дня прошло, и куртка на нем, точно, зеленая. *«Во время приступа страдает амнезией и ничего о себе не помнит»*. Тоже верно, но это его проблемы. *«Гарантируем большое вознаграждение. Телефон...»*

Что ж, не познакомится чужанин с Прыщом, невелика потеря. Пусть возвращается к своим... призракам. Или ищет какой-то свой путь... А мне надо о людях думать: Малютке пора каникулы объявить, да и старухе тоже. Целыми днями по вагонам метро бродят или в подземных переходах стоят...

Устроим теперь себе отпуск: вьетнаму не нужно будет по урнам остановочным шарить, мне бумагу собирать. И вообще, завтра уже не флакончики пить будем, а «фаусты»! И не килькой заедать, а настоящей селедкой! Недельки на две устроим себе райскую жизнь.

Жалко, Гриня не дожил до этих счастливых денечков...

(2003)

ЗМІСТ

ДИВНІ ОПОВІДКИ ОПІВНОЧІ (2022–2023)

Біла квасоля в білому соусі	7
Контактер.....	25
Персонаж.....	34
У пошуках утраченої думки.....	39
Чорна п'ятниця.....	45
Затемнення.....	54
Закриваючи гештальт.....	59

ПЕРЕКЛАДИ-ПЕРЕСПІВИ (2010–2022)

З англійської

Едгар Аллан По

Крук.....	67
На самоті.....	71

Джон Донн

Сонет Х.....	72
--------------	----

Зіґфрід Лорейн Сассун

Відпущення.....	73
-----------------	----

З грузинської

Галактіон Табідзе

Буревій.....	74
Мері.....	75

З іспанської

Невідомий іспанський автор XVI ст.

Сонет до розіп'ятого Христа 77

Хорхе Луїс Борхес

Нагробний напис для абикого 78

З німецької

Фрідріх Ніцше

Осінь..... 79

Фігель пера..... 81

З французької

Франсуа Війон

Балада шибеників..... 82

Еміль Верхарн

Вітер..... 84

З російської

Інокентій Анненський

«Серед зірок, в космічній колії...» 86

Сергій Єсенін

Чорний чоловік 87

УСЛОВНЫЕ ТЕКСТЫ

(1999–2014)

Каменные плоты 95

Порочная смерть 195

Чужанин 204

Павло Маслак

КРОК. КРУК. КРИК.

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. № 2342
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 14
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 24.09.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

**«Ніби замарений Голем, глиняний
Колос чи просто загублена на вулиці
лялька я стиха рухався серед облудної
тиші. З-за повороту вискочив трамвай
червоного кольору, як знак безпеки,
перемкнув рейки з таким гучним
кляцанням, що я рефлекторно втягнув
карк у плечі, а очима пробігся пообіч у
пошуках будь-якої западини».**

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

